DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/russkiesamorodki01vasi

Vasil'ev, Vasilii Vladimirovich

В. В. ВАСИЛЬЕВЪ (ЯСАВЪ).

РУССКІЕ САМОРОДКИ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМЪ ОЧЕРКОМЪ
А. А. КОРИНФСКАГО.

I

ИЗДАНІЕ С. Ф. ОРЛИКА. РЕВЕЛЬ. 1916.

Дозволено военною цензурою.

Типографія Т-ва „Общественная Жизнь“.

920.047
V 334 R

РУССКІЕ САМОРОДКИ.

„Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то и знай. . .“

Н. Некрасовъ.

„Мы живемъ среди народа, по природѣ своей даровитаго, и вотъ фактъ, неоспоримо подтверждающій это: — ни одна страна Запада не даетъ столь высокаго процента самоучекъ. . .“ *М. Горькій.*

(Предисловіе къ сборнику Ив. Морозова „Разрывъ-трава.“)

Вмѣсто предисловія.

„Самоучки", самородные таланты, выносящіе въ своей душѣ на свѣтъ міру изъ темныхъ нѣдръ народной Руси искры непосредственнаго дарованія, всегда были близки и дороги моему сердцу, которому порою становится такъ жутко и одиноко —

„Посреди пустыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой".

Въ особенности явственно чувствуется мнѣ эта близость по отношенію къ братьямъ-писателямъ, художникамъ слова, поэтамъ — „милостью Божіей."

Быть можетъ, это — просто потому, что отъ всего самороднаго, естественнаго, не разукрашеннаго, не искалѣченнаго, не подогнаннаго къ рамкамъ того или иного шаблона искусственно (или даже насильственно) привитыми условностями, вѣетъ разрѣжающею слишкомъ сгущенную всякими модными вѣяніями атмосферу свѣжестью, напоминающею о свободѣ духа, дышащаго — гдѣ, въ чемъ и какъ онъ хочетъ.

А, можетъ-статься, причина такой близости коренится и въ томъ, что и самъ я не

принадлежу къ „Иванамъ, не помнящимъ родства", которыхъ такъ много расплодилось и въ литературѣ, и во всѣхъ иныхъ отрасляхъ просвѣщенной культурою жизнедѣятельности. Прадѣдъ мой былъ пахарь, крѣпостной крестьянинъ, откупившійся на волю и занявшійся ремесломъ; дѣдъ — волею судебъ — разыгралъ на зарѣ своей жизни, если не рискованно такъ выразиться, роль „маленькаго Ломоносова", — бѣжалъ тайкомъ изъ родной деревенской глуши, стремясь къ образованію, съ помощью добрыхъ людей — попалъ сначала въ гимназію, оттуда, черезъ первую въ Россіи частную художественную школу, въ Академію Художествъ, кончивъ которую по классу архитектуры, получилъ — за удостоенный большой золотой медали планъ въ коринѳскомъ стилѣ — званіе художника первой степени (а затѣмъ и академика архитектуры) и по Высочайшему изволенію — фамилію которую носитъ и его внукъ, вмѣсто прежней – „деревенской". Художественныя склонности дѣда вывели его со всѣмъ его потомствомъ изъ народа, — я же съ самыхъ первыхъ дней сознательнаго бытія чувствую въ своей крови неодолимое стремленіе къ народной Руси и ко всему непосредственно связанному съ нею. Какъ-же не быть близкими моему крестьянскому сердцу и всѣмъ „самоучкамъ", самородкамъ, которыхъ продолжаетъ выносить на гребнѣ волнъ изъ нѣдръ своихъ неумирающая народная стихія!..

Неисчерпаемыя силы творчества еще до сихъ поръ дремлютъ въ глубокихъ безднахъ нашего моря народнаго; много погибаетъ ихъ въ непосильныхъ стремленіяхъ всплыть наверхъ этихъ безднъ; слишкомъ еще многое противодѣйствуетъ имъ въ ихъ борьбѣ съ давящими — разрушительными — темными началами. Но, при видѣ столькихъ поистинѣ драгоцѣнныхъ кладовъ черноземнаго таланта и природнаго ума, уже явленныхъ ими міру, присутствуя при все новыхъ и новыхъ проявленіяхъ, — какъ не воскликнуть отъ всего сердца:

„Нѣтъ! Русь не такъ уже темна!
. . . . . .
Нѣтъ! Не заказаны пути
Странѣ родной къ живому свѣту!
Ея судьба — другихъ вести....
. . . . . .
Нѣтъ! Въ самой тьмѣ ея слѣпой,
Въ ея привитомъ къ ней недугѣ —
Мерцаетъ лучъ зари святой....
Подъ омертвѣлою корой
Бьетъ свѣтлый ключъ воды живой...
. . . . . .
Нѣтъ! Пусть порой она слаба,
Пусть ликъ ея темнятъ невзгоды, —
Какъ ни гнететъ ее судьба,
Побѣдой кончится борьба!...
Нѣтъ! Русь родная — не раба,
А провозвѣстница свободы“....

А гдѣ и дороже всего свобода — какъ не въ сферѣ творчества... Строительство государственной и общественной жизни подчинено историческимъ законамъ, — „ихъ же

не прейдеши". Наука творитъ чудеса во все расширяющейся и раздвигающей свои горизонты области открытій и изобрѣтеній. Искусство — во всѣхъ его развѣтвленіяхъ — возсоздаетъ и запечатлѣваетъ навѣки все поражающее впечатлительность, захватывающее и возвышающее мысль человѣческую. Творческое слово — высочайшее изъ искусствъ, могущественнѣйшее уже однимъ тѣмъ, что ему отъ природы даны: власть надъ духомъ, способность воплощать всѣ думы и стремленія народа, отражать въ себѣ вся сокровенная „святая святыхъ" стихійной души его, будить мысль, звать на подвиги, творить живое дѣло.

Это слово, — идущее изъ нѣдръ сердца народнаго, несущее искры свѣта изъ самой темной, повидимому, тьмы, — несомнѣнно исходитъ и изъ устъ писателей — пѣвцовъ-самородковъ. Какъ-же не прислушиваться къ нему съ глубокимъ вниманіемъ, — хотя бы оно и было еще слабо, хотя бы и облекающія самую его суть формы и казались слишкомъ примитивными, даже наивно-грубоватыми на изощренный утонченностями современной культуры взглядъ! . .

Время, безпощаднѣйшій критикъ, само отмететъ все не таящее въ себѣ ни капли изъ „ключа воды живой", все, не имѣющее подъ собою плодоносной почвы, все — не представляющее собою самобытной цѣнности, поддѣльное, подражательное. Самобытныя

же цѣнности, — хотя-бы онѣ по своимъ размѣрамъ и были едва замѣтными крупицами, — пріобщатся къ общей сокровищницѣ кладовъ, вынесенныхъ изъ глубинъ стихійной народной мощи, память о которыхъ не познаетъ смерти.

Возвращаясь къ „самоучкамъ" — самородкамъ нашей литературы, близкимъ моему сердцу, не могу не сказать — въ заключеніе, — что не всѣмъ дано быть Кольцовыми и Никитиными, не всѣмъ — такъ ярко проявлять свою кровную общность съ ними, какъ Суриковъ и Дрожжинъ; не въ каждомъ можетъ вмѣститься столько пламеннаго вдохновенія—какъ въ озаренной геніальной проникновенностью поэзіи изумительнѣйшаго изъ нашихъ поэтовъ-самородковъ — Фофанова: всякому — свое. Какъ ни скромно иное дарованіе, — но, если оно искренно, если оно — дѣйствительно (какъ, напримѣръ, у покойнаго Як. Ег. Егорова, или у нынѣ здравствующаго симпатичнѣйшаго молодого поэта Ив. Игн. Морозова) — идетъ изъ непосредственнаго источника творческаго одушевленія, — оно имѣетъ право на самое серьезное вниманіе къ своимъ проявленіямъ.

Все это, хотя и „различествующіе во славѣ", не одинаково яркимъ свѣтомъ свѣтящіе, но все-же несомнѣнные перлы моря народнаго.

Мысль — собрать воедино жизнеописанія и характеристики русскихъ само-

родковъ- „самоучекъ“ на всѣхъ поприщахъ жизнедѣятельности, пришедшая составителю настоящаго труда, по моему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго сочувствія, какъ являющаяся первымъ опытомъ въ своемъ родѣ.

Аполлонъ Коринфскій.

Петроградъ, 14 декабря 1915 г.

Отъ составителя.

Приступая къ изданію сборниковъ „Русскіе самородки“, я задался цѣлью указать многимъ, не получившимъ образованія, на то, что еще не все потеряно, что можно сдѣлаться образованнымъ и просвѣщеннымъ и помимо школы. Правда, это достигается съ громаднымъ трудомъ и большими затратами силъ, но, во всякомъ случаѣ, мы не можемъ сказать, что для насъ путь къ просвѣщенію закрытъ и что сами мы не виноваты въ своей темнотѣ и бездѣятельности. Это могутъ подтвердить нижеприведенные мною примѣры, въ которыхъ люди, благодаря своей энергіи и самодѣятельности, сдѣлались извѣстными и полезными для общества.

Необходимо замѣтить, что мы, люди настоящаго времени, находимся въ болѣе лучшихъ условіяхъ для самообразованія, чѣмъ многіе изъ тѣхъ дѣятелей, на которыхъ я указываю въ настоящей книгѣ. Теперь навстрѣчу всѣмъ жаждущимъ знаній охотно идутъ „Общества Народныхъ Университетовъ“, которыя особенно широко поставили свою учебнообразовательную дѣятельность и многія другія просвѣтительныя учрежденія и организаціи. Немало истинныхъ друзей просвѣщенія заняты теперь мыслью о насажденіи внѣшкольнаго образованія, попутно съ развитіемъ школъ. Немало также имѣется пособій и руководствъ на пути къ самообразованію. Но, кромѣ всѣхъ такихъ внѣшнихъ удобствъ, необходима собственная энергія, собствен-

ное желаніе работать и настойчивое стремленіе къ постоянному самоусовершенствованію.

Жизнь въ своемъ культурномъ развитіи не останавливается, она быстрыми шагами идетъ впередъ, а потому люди, остановившіеся въ своемъ развитіи, малополезные люди. На долю такихъ людей достается печальный удѣлъ кое-какъ пробиваться на какомъ бы то ни было поприщѣ съ тѣми крохами знанія, которыхъ они когда-то достигли и, достигши, на нихъ успокоились и застыли.

Вотъ поэтому-то — если мы остановились въ своемъ самоусовершенствованіи, т. е. остановили свой умственный ростъ, то намъ всѣмъ „грошъ — цѣна", и тогда мы послѣ своего существованія оставимъ слѣдовъ не больше, чѣмъ пѣна на водѣ. А потому рабо тайте надъ своимъ характеромъ, закаляйте свою волю въ служеніи тому, что есть „едино на потребу", чѣмъ красна жизнь и живы люди, стремитесь къ лучшей побѣдѣ — побѣдѣ надъ собой, надъ низшими влеченіями своей природы „Нѣтъ болѣе славной побѣды, — говоритъ св. Тихонъ Задонскій, — какъ побѣдить самого себя."

Въ заключеніе считаю пріятною для себя обязанностью принести здѣсь мою глубокую благодарность М. И. Арсову, А. А. Коринфскому, И. И. Морозову и всѣмъ другимъ, кто откликнулся на мою просьбу и тѣмъ помогъ мнѣ въ нелегкомъ дѣлѣ собиранія матеріаловъ.

Что касается нѣкоторыхъ слишкомъ краткихъ біографическихъ данныхъ, то, къ сожалѣнію, негдѣ было раздобыть и пополнить ихъ, да и къ тому-же не всѣ откликнулись на мое обращеніе присыломъ біографическихъ данныхъ

Пользуясь случаемъ, обращаюсь къ г. г. литераторамъ и ученымъ, вышедшимъ изъ народа, съ просьбою прислать мнѣ біографическія и библіо-

графическія о себѣ свѣдѣнія по той программѣ, которая напечатана на обложкѣ. Кромѣ того, очень прошу всѣхъ лицъ, сочувствующихъ моей цѣли, не отказать въ указаніяхъ на могущіе быть неточности и пропуски, которыя будутъ мною приняты съ большою благодарностью.

В. Васильевъ (Ясавъ).

Біографіи и ихъ значеніе.

Знать имена великихъ людей видѣть ихъ произведенія, читать написанныя ими книги, смотрѣть ихъ портреты, — все-же не является достаточнымъ для полнаго пониманія и должной оцѣнки какъ ихъ трудовъ, такъ равнымъ образомъ и ихъ самихъ. Этотъ весьма существенный пробѣлъ возможно пополнить только знакомствомъ съ описаніемъ жизни и дѣятельности такого человѣка, т. е. иными словами нужно прочесть его біографію, по которой мы, попутно съ теченіемъ его жизни, прослѣдимъ и за развитіемъ его дѣятельности. Вполнѣ понявъ такое значеніе біографій, англичане давно уже ввели въ систему школьнаго образованія обязательное знакомство учениковъ съ біографіями.

Изучая по біографіямъ примѣры личной энергіи отдѣльныхъ выдающихся лицъ, ученики, естественно, заинтересовываются и тѣмъ, что этими людьми сдѣлано, т. е. ихъ произведеніями; отсюда выводъ: черезъ біографіи лучше и понятнѣе изучаются произведенія великихъ людей.

Конечно, задача школы заключается не въ томъ, чтобы снабдить учениковъ большимъ запасомъ біографическихъ свѣдѣній, изъ которыхъ современемъ добрая половина забудется ими, но преслѣдуется, главнымъ образомъ, цѣль пробудить въ учащихся живой интересъ къ изучаемымъ предметамъ науки, искусства и литературы; и для этой цѣли, какъ и для указанной выше, знаніе біографій необходимо.

Но пусть не подумаютъ читатели, что, говоря о необходимости изученія біографій учениками, я забываю пользу и интересъ, какіе могутъ принести біографіи и всѣмъ безъ исключенія взрослымъ людямъ, давая яркіе примѣры — то громадной жажды знанія, то бодрой и настойчивой борьбы съ гнетущими, тяжелыми, условіями жизни. Такими примѣрами особенно богаты біографіи „самородковъ", на долю которыхъ судьбою щедро отпускались всевозможныя препятствія, бѣды и несчастья.

Изъ подобныхъ примѣровъ мы имѣемъ возможность болѣе ярко увидѣть, какой умственной высоты можно достигнуть путемъ самообразованія.

О самообразованіи.

Мы знаемъ, что очень многія великія открытія и усовершенствованія сдѣланы людьми, вышедшими изъ простого народа, а въ иныхъ случаяхъ къ тому-же и малообразованными. Было немало и такихъ, которые, родившись въ средѣ бѣднаго рабочаго люда, прежде чѣмъ стать великими, прошли суровую школу всякаго рода страданій и лишеній. Но, благодаря своему горячему рвенію и любви къ наукѣ и труду, эти люди сумѣли пробиться на широкую дорогу извѣстности и славы.

Многіе говорятъ, что этотъ талантъ, т. е. особенная способность къ чему-либо, есть даръ Божій; совершенно вѣрно, однако, если не развивать въ себѣ этого дара усиленной работой надъ собой путемъ хотя-бы самообразованія, то онъ и заглохнетъ въ насъ безъ пользы себѣ и другимъ.

А вѣдь сколько такихъ дарованій, быть можетъ, кроется и теперь въ полной неизвѣстности — трудно учесть. Не у каждаго хватитъ воли и энергіи на борьбу съ препятствіями, а начавъ работу не бросить ее на полдорогѣ. У насъ зачастую не бываетъ мужества взяться за какое-нибудь дѣло только потому, что оно намъ кажется страшно труднымъ, но, рѣшившись, мы видимъ, что оно легче, чѣмъ казалось.

Человѣку прежде всего слѣдуетъ развить въ себѣ настойчивость, быть бодрымъ и энергичнымъ, и тогда онъ будетъ не безпомощенъ въ достиженіи своихъ цѣлей и стремленій. Только для этого не

надо терять времени и лучше всего начинать свое саморазвитіе и образованіе въ молодости, при наличности богатаго запаса силъ физическихъ и духовныхъ.

Это необходимо особенно тѣмъ, кого судьба съ ранняго дѣтства бросила въ водоворотъ жизни безъ всякихъ знаній и подготовки

Очень часто приходится намъ слышать отъ людей, сравнительно еще молодыхъ, такія мнѣнія, что будто-бы имъ теперь ужъ поздно учиться. Учиться никогда не поздно; не даромъ говоритъ русская пословица: „Вѣкъ живи — вѣкъ учись“. Стремиться же къ самообразованію долженъ каждый, только въ немъ онъ найдетъ опору и только образованіемъ и наукой сможетъ достигнуть желаемой цѣли.

Вѣдь всякій изъ насъ постоянно стремится къ изученію и совершенствованію чего-нибудь въ окружающей насъ жизни: явленій природы, искусства, ремеслъ и проч.; правда, что многому можно выучиться, не будучи вовсе грамотнымъ, но это относится только къ мертвой, чисто механической, работѣ человѣческаго труда, напримѣръ, можно столярничать, быть слесаремъ, печникомъ, булочникомъ, вообще знать какое-либо ремесло, не умѣя вовсе читать и писать, но, если эти работы выполняются человѣкомъ грамотнымъ, то онѣ пріобрѣтаютъ иное значеніе, онъ можетъ изъ чтенія соотвѣтствующихъ книгъ по своему ремеслу совершенствоваться въ немъ, натолкнуться часто на его новые формы и способы, самъ можетъ записать о какомъ-нибудь случайномъ или придуманномъ открытіи чего-нибудь новаго и т. д.

„Ученье свѣтъ, а неученье — тьма“, говоритъ вторая мудрая пословица, и мы должны съ этимъ вполнѣ согласиться, ибо изъ условій нашей теперешней жизни ясно видно, какъ трудно жить неграмотному человѣку. Вѣдь куда-бы вы ни про-

бовали поступить, вездѣ требуются грамотные люди, а неграмотнымъ нѣтъ мѣста.

Много примѣровъ есть и было раньше, что люди благодаря этому начали учиться уже на полдорогѣ своей жизни и тѣмъ не менѣе все-же сдѣлались извѣстными и достигли своей цѣли. И такъ, самообразованіе имѣетъ неизмѣримо большое значеніе въ нашей жизни и должно быть главной цѣлью человѣка съ ранняго его возраста.

Ниже я намѣренъ привести цѣлый рядъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, какъ люди боролись съ жизнью, рвались всѣми силами къ свѣту и знанію и собственнымъ трудомъ, громадными усиліями воли достигали такого положенія, что имена ихъ стали извѣстны всѣмъ, и память о нихъ не умираетъ.

Русскіе дѣятели.

Вѣдь всѣмъ извѣстно, что въ то время, когда западныя государства стояли на широкой степени развитія и культуры, мы шагали медленно и не спѣша вслѣдъ за ними. И школы, и грамотность у насъ не имѣли не только большого распространенія, но и самъ народъ относился со страхомъ и недовѣріемъ къ ученію. Родители не пускали своихъ дѣтей учиться и нерѣдко даже преслѣдовали ихъ за это. При такихъ условіяхъ и немудрено, что погибло большое число дарованій и талантовъ. Но все-же были люди, которые, несмотря на тяжелыя условія жизни своей среды и на всѣ препятствія, пробились сквозь нихъ личнымъ трудомъ и вышли побѣдителями.

Это было въ давнія времена, но и потомъ, и до настоящаго времени, когда весь строй жизни русскаго государства и народа измѣнился къ лучшему, и теперь есть у насъ люди-самоучки.

И если намъ ближе и внимательнѣе разобраться въ такихъ людяхъ, мы увидимъ, что всѣхъ ихъ влекло къ труду, къ дѣятельности съ ранняго дѣтства, почти всѣ они испытали массу неудачъ въ жизни и все-же шли впередъ къ своей желанной цѣли — учиться и трудиться.

Если мы цѣнимъ и уважаемъ такихъ людей, которые творили полезное въ какой-либо дѣятельности, имѣя къ тому въ помощь образованіе, средства и проч., то мы должны съ еще большей лю-

бовью и уваженіемъ относиться къ людямъ-самоучкамъ и глубоко цѣнить о нихъ память.

Великая матушка — Русь не бѣдна въ примѣрахъ людей сильныхъ духомъ и волею, и изъ народа крестьянскаго, изъ простого круга людей у насъ вышло немало славныхъ именъ, изъ ихъ біографій ясно видно, какъ силою стремленія къ знанію и саморазвитію они пробились, благодаря своей энергіи, изъ рядовъ народныхъ массъ, изъ среды бѣднаго люда и достигли своей цѣли, стали свѣточами знанія и науки; труды и произведенія ихъ принесли не только удовлетвореніе ихъ личнымъ интересамъ, но стали достояніемъ позднѣйшихъ поколѣній.

I.

Патріархъ Никонъ.

Заглянемъ въ исторію Россіи и обратимъ вниманіе на знаменитаго патріарха всея Руси Никона, который въ свое время почитался народомъ наравнѣ съ Царемъ и именовался „Великимъ Государемъ". Этотъ будущій всероссійскій патріархъ и великій государь былъ самаго простого мужицкаго званія. Родился онъ въ 1605 году въ простой крестьянской семьѣ и при крещеніи былъ названъ Никитою.

Дѣтство крестьянскаго мальчика, обычно, не обставляется заботами, вниманіемъ и нѣжностью старшихъ; съ малыхъ лѣтъ ребенокъ предоставляется самому себѣ, привыкаетъ къ самостоятельности.

Однажды какой-то благопріятный случай открылъ для смышленаго мальчика возможность выучиться грамотѣ. Книги увлекли Никиту, и въ немъ пробудился интересъ къ знанію, заговорили смутныя влеченія къ иной жизни, болѣе полной и осмысленной.

И вотъ, когда ему исполнилось только 12 лѣтъ, Никита рѣшилъ покинуть родительскій домъ и ушелъ въ Макарьевскій Желтоводскій монастырь. Монастырь этотъ среди населенія Нижегородскаго края пользовался уваженіемъ и привлекалъ къ себѣ немало жаждущихъ ученья и духовнаго утѣшенія, ибо монастырь въ то время былъ не только мѣстомъ для молитвы, но и замѣнялъ школу.

Никита съ ревностью предался книжному ученью и монашескимъ подвигамъ. Но мірскіе интересы

и родственныя чувства все-же волновали юношу и не могли замереть въ его душѣ. Однажды посѣтившій монастырь землякъ-крестьянинъ принесъ Никитѣ поклонъ и извѣстія изъ родного дома, что злой мачихи уже нѣтъ въ семьѣ, а бабушка стара и дряхла, да и отецъ, оказавшійся въ хозяйствѣ безъ помощниковъ, звалъ сына домой.

Никита, пробывъ около пяти лѣтъ въ монастырѣ, возвращался въ родной домъ 17-ти-лѣтнимъ юношей. Вскорѣ онъ похоронилъ бабушку, а затѣмъ и отца, и, сдѣлавшись полнымъ хозяиномъ въ домѣ, по совѣту родственниковъ женился на 19-омъ году.

Будучи грамотнымъ и начитаннымъ, онъ нашелъ себѣ причетническое мѣсто при сельской церкви, гдѣ вскорѣ и былъ поставленъ при ней священникомъ, имѣя не болѣе 20-ти лѣтъ отъ роду Молодой энергичный священникъ съ любовію и усердіемъ взялся за возложенныя на него пастырскія обязанности: онъ не только чинно совершалъ богослуженіе и отправлялъ требы, но еще былъ и книжнымъ и поучительнымъ пастыремъ, что въ то время было большой рѣдкостью, не только для селъ и деревень, но и для большихъ городовъ. Поэтому слава про сельскаго „попа“ отца Никиту Минина разнеслась повсюду. Прослышали о немъ и московскіе купцы, познакомились съ нимъ и уговорили Никиту перейти въ Москву.

Священническаго служенія Никиты было всего около 10-ти лѣтъ, большая часть его служенія, повидимому, проведена въ Москвѣ. Трудно было жить простому и правдивому священнику, который не привыкъ угождать людямъ, въ большомъ городѣ. Къ этимъ тяготамъ пастырскаго служенія присоединились еще семейныя несчастія: онъ въ продолженіи одного года лишился троихъ дѣтей. Будучи религіознымъ, Никита принялъ это за указаніе свыше и поэтому рѣшилъ удалиться отъ міра. Жену онъ уговорилъ постричься въ Московскомъ

Алексѣевскомъ монастырѣ, а самъ отправился къ Бѣлому морю, чтобы въ строгихъ обителяхъ суроваго сѣвера посвятить себя иноческой жизни. Въ это время ему было около 30-ти лѣтъ.

Мѣстомъ своихъ подвиговъ онъ выбралъ строгій Анзерскій скитъ, находящійся въ 20-ти верстахъ отъ Соловецкаго монастыря: начальнымъ старцемъ надъ братіей здѣсь былъ инокъ Елеазаръ, извѣстный въ Москвѣ, какъ строгій подвижникъ и молитвенникъ. Отъ руки этого старца Никита и принялъ постриженіе съ именемъ Никона.

Послѣ 4-хъ-лѣтняго пребыванія въ Анзерскомъ скиту, въ этомъ спокойномъ ненарушимомъ уединеніи, Никонъ изъ-за происшедшей размолвки со старцемъ Елеазаромъ, рѣшилъ покинуть Анзерское безмолвіе. Онъ воспользовался услугами богомольца-крестьянина, и они вдвоемъ на небольшой лодкѣ отправились въ далекое и опасное плаваніе, держа путь къ отдаленному берегу при устьѣ рѣки Онеги.

Послѣ 3-хъ- дневнаго труднаго плаванія путешественники достигли острова Кія, а потомъ доплыли и до Онежскаго устья, гдѣ и разстались.

Никонъ отправился за 120 верстъ въ Кожеозерскій монастырь, расположенный на островкахъ озера Коже, въ нынѣшнемъ Каргопольскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи.

Кожеозерскій монастырь былъ общежительный, но Никонъ, привыкшій къ уединенной скитской жизни, которая болѣе соотвѣтствовала его характеру, удалился на заброшенный островъ и устроилъ свою жизнь по образцу Анзерскаго скита, предаваясь тѣмъ-же подвигамъ и добывая пропитаніе рыбной ловлей.

Монастырская братія относилась къ отшельнику съ большимъ уваженіемъ; по смерти настоятеля монастыря они избрали Никона игуменомъ. Въ 1643 году митрополитъ Новгородскій Аѳоній по-

святилъ Никона въ игумены Кожеозерскаго монастыря.

Въ 1646 году, по желанію Царя Алексѣя Михайловича, Никонъ былъ поставленъ архимандритомъ Новоспасскаго Московскаго монастыря, въ которомъ была родовая усыпальница Романовыхъ. Новоспасскій архимандритъ становится въ особую близость къ Царю, который часто пріѣзжалъ въ обитель на богомолье.

11-го марта 1649 года Никонъ уже былъ посвященъ въ митрополита Новгородскаго и занялъ второе мѣсто послѣ патріарха, а послѣ кончины патріарха Іосифа, былъ избранъ 22-го іюля 1652 года на всероссійскій патріаршій престолъ.

Торжественное посвященіе митрополита Новгородскаго Никона въ патріаршій санъ совершено было 25-го іюля того же года въ присутствіи Царя и народа Казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ въ Успенскомъ соборѣ.

Никонъ, вступивъ на патріаршій престолъ въ разцвѣтѣ силъ физическихъ и духовныхъ, ему едва исполнилось 47 лѣтъ. Новый патріархъ сталъ во главѣ русской церкви.

Дѣятельность патріарха Никона была преобразовательная, реформаторская. Она выразилась главнымъ образомъ въ исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ. Слѣды Никоновскаго исправленія остались до сихъ поръ: русская церковь и теперь продолжаетъ пользоваться исправленными Никономъ книгами, а отдѣлившіеся вслѣдствіе Никоновскихъ исправленій, старообрядцы существуютъ и донынѣ.

Въ связи съ патріархомъ Никономъ стоятъ и другія дѣла: оживленное сношеніе съ Востокомъ, усиленіе образованія, устройство школъ и т. д.

Конечно, на нѣкоторыя дѣла, связанныя съ именемъ патріарха Никона, можно смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія, можно считать его крупныя реформы

неосторожными, которыя имѣли вслѣдствіе этого вредныя послѣдствія, но никакъ нельзя отказать ему въ тѣхъ качествахъ, которыя главнымъ образомъ и входятъ въ мою задачу.

Качества эти являются: упорный трудъ, любознательность и стремленіе къ умственному развитію. И всѣмъ этимъ Никонъ обязанъ только самому себѣ и никому больше.

Вотъ этимъ-то и можно Никону служить намъ великимъ примѣромъ.

Умеръ онъ въ 1681 году.

II.

И. Т. Посошковъ.

Иванъ Тихоновичъ Посошковъ — экономистъ-писатель-самоучка, по своему происхожденію — крестьянинъ Московской губерніи, — родился въ октябрѣ 1670 года, въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ. Онъ является однимъ изъ первыхъ русскихъ людей, боровшихся за лучшее будущее своей родины.

Посошковъ, не получилъ никакого школьнаго образованія, что видно изъ его собственныхъ словъ: „азъ весьма мизиренъ и ученію школьному не искусенъ и како по надлежащему достоитъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есмь".

Посошковъ въ ранней молодости, будучи нѣкоторое время раскольникомъ, успѣлъ пріобрѣсти познанія путемъ чтенія книгъ, особенно старинныхъ; но потомъ, убѣдившись въ заблужденіяхъ приверженцевъ старинныхъ обрядовъ, онъ присоединился къ православію, въ промежутокъ времени между 1691 и 1693 годами, и сдѣлался самымъ ожесточеннымъ противникомъ раскола.

Посошковъ, горячо любя родину и видя ясно недостатки современнаго ему общества, и сильный умомъ и горячій патріотъ, всю жизнь искалъ выхода для Россіи изъ того нестроенія, въ которомъ она находилась. Посошковъ въ цѣломъ рядѣ „донесеній" на имя Царя Петра Великаго, а также и выдающихся духовныхъ и гражданскихъ лицъ, смѣло указывалъ на недостатки и предлагалъ рядъ реформъ и проэктовъ, направленныхъ всецѣло къ улучшенію общественной жизни, которымъ суждено было осуществиться, и то не вполнѣ, спустя долгое время послѣ его смерти. Но особенно Посошковъ прославился своей книгой „О скудости и богатствѣ", гдѣ подробно разобралъ условія тогдашнихъ экономическихъ условій и предложилъ рядъ мѣръ къ ихъ улучшенію. Онъ не только не пропустилъ ни одного вопроса, волновавшаго то время, но затронулъ даже вопросы, еще и не приходившіе въ голову большинству его современниковъ. Такъ, онъ первый въ Россіи сталъ писать о вредѣ крѣпостного права и способахъ его уничтоженія, высказавъ по этому поводу мысль, понятую лишь передъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ. — „Крестьянамъ помѣщики — писалъ онъ — не вѣковые владѣльцы, того ради не весьма ихъ берегутъ, а прямой ихъ владѣлецъ Всероссійскій Самодержецъ". Еще есть у него интересная книга, разсматривающая исторію и причины возникновенія раскола. Общая же цѣль и мысль этихъ, а также и другихъ его произведеній, та, что только просвѣщеніемъ можетъ избавиться Россія отъ множества недостатковъ.

Дѣятельность Посошкова не ограничивалась, однако, составленіемъ различныхъ записокъ и сочиненіемъ обширныхъ разсужденій. Хотя онъ самъ и называетъ себя земледѣльцемъ; но, кажется, менѣе всего занимался сельскимъ хозяйствомъ, а посвящалъ свое время преимущественно механическимъ работамъ. Такимъ образомъ, Посошковъ

совмѣстно съ монахомъ Авраміемъ приспособляетъ денежный станъ для чеканки монетъ; по заказу Государя, дѣлаетъ огнестрѣльныя рогатки; въ 1704 году затѣваетъ „картную фабрику", а около 1708 года находится у „водочныхъ дѣлъ въ Москвѣ на Каменномъ мосту", т. е. служитъ при винной продажѣ; наконецъ, въ 1720 году Посошковъ устраиваетъ свой собственный винокуренный заводъ.

И такъ, въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка Посошковъ былъ уже не простымъ крестьяниномъ, а довольно зажиточнымъ помѣщикомъ и самъ имѣлъ приписанныхъ къ его заводу крестьянъ. Всю свою жизнь Посошковъ провелъ въ хлопотахъ, постоянно мечталъ о новыхъ предпріятіяхъ и всегда имѣлъ въ виду, кромѣ своей пользы, и благо отечества. Такъ напримѣръ, во время своихъ частыхъ дѣловыхъ поѣздокъ, онъ отыскалъ гдѣ-то самородную сѣру, какую-то лекарственную матерію, нефть, охру и т. д. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько открытій и изобрѣтеній, которымъ, однако, не дали хода; „и всѣ мои вымыслы, — съ горечью прибавляетъ онъ, — пропали ни за что".

Передовой для того времени и практическій умъ Посошкова обнималъ весьма многія стороны современнаго ему русскаго быта, къ которымъ онъ относился съ большой критикой. Общій его идеалъ — демократическое устройство при условіи абсолютнаго монархическаго правленія.

Но, послѣ смерти Императора Петра Великаго, Посошковъ подвергся гоненію, былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и скончался 1-го февраля 1726 года. Его похоронили на Выборгской сторонѣ, у церкви св. Сампсона Страннопріимца.

Сочиненія Посошкова были изданы въ разное время. Прежде всего было издано Ѳ. Розановымъ, въ 1793 году, „Донесеніе боярину Ѳедору Алексѣе-

вичу Головину о ратномъ поведеніи", подъ заголовкомъ: „Россіянинъ прошедшаго вѣка".

Затѣмъ, въ 1815 году, въ сборникѣ подъ заглавіемъ „Русскія Достопамятности", было помѣщено К. Ѳ. Калайдовичемъ „Доношеніе митрополиту Стефану Яворскому о духовныхъ дѣлахъ". Но главное изъ сочиненій Посошкова — „Книга о скудости и богатствѣ", появившаяся въ печати не ранѣе 1842 года, т. е. 120 лѣтъ спустя, какъ была написана. Въ этомъ-же году, М. П. Погодинъ издалъ, на иждивеніе Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, первый томъ сочиненій Посошкова, въ который вошли вышеприведенныя его сочиненія, а въ 1863 году имъ-же былъ изданъ второй томъ сочиненій Посошкова, въ который вошло „Зерцало суемудріа раскольнича". Наконецъ, въ 1873 году, издано А. Н. Поповымъ „Завѣщаніе отеческое сыну".

III.

Кузнецъ Демидычъ и его потомки.

Изъ области дѣятелей-самородковъ въ промышленности хорошимъ примѣромъ намъ можетъ послужить тульскій кузнецъ Никита Антуфьевъ, по прозвищу Демидычъ. Этотъ кузнецъ и является родоначальникомъ знаменитаго рода заводчиковъ Демидовыхъ.

Никита Демидовъ (1656—1725), крестьянинъ Тульской губерніи, двадцати лѣтъ поступилъ въ кузнецу, получая плату алтынъ въ недѣлю.

Въ 1696 году Императоръ Петръ I-ый, ѣхалъ какъ-то въ Воронежъ посмотрѣть на устроенныя имъ корабельныя верфи. Дорога шла мимо Тулы. Въѣзжая въ этотъ городъ, онъ съ досадою замѣ-

тилъ, что его пистолетъ, работы знаменитаго оружейника Кухенрейтера, испортился. Ѣхавшій рядомъ съ Царемъ Шафировъ, при видѣ массы кузницъ въ Тулѣ, предложилъ Государю отдать оружіе для починки въ кузницу. Царю понравилась эта мысль, и онъ, выбравъ одну изъ кузницъ, которая по виду была больше и лучше другихъ, велѣлъ остановиться у жилья ея хозяина. На стукъ подъѣхавшаго экипажа вышелъ видный, высокій кузнецъ, лѣтъ сорока; это и былъ Никита Антуфьевъ.

Петръ I подозвалъ Никиту и, показавъ ему пистолетъ, сказалъ:

— Хочешь послужить Царю: исправь эту мудреную штуку.

Получивъ отъ Царя пистолетъ, Никита сталъ съ любопытствомъ и восторгомъ разсматривать его, а Петръ кивнулъ ему головой на прощанье и велѣлъ ѣхать дальше.

Вернулся къ себѣ Никита и тутъ-же принялся съ сыномъ своимъ Акинфіемъ за работу. Долго они разсматривали эту мудреную штуку, разобрали, тщательно все изучили и не только починили старую, но сдѣлали такую-же новую. Окончивъ свою работу, они довольные отправились къ Царю.

Увидѣлъ Петръ принесенный кузнецомъ новый пистолетъ и залюбовался имъ. Съ этого времени Никита сдѣлался ружейнымъ мастеромъ. Петръ I повелѣлъ отвести ему въ 12-ти верстахъ отъ Тулы, нѣсколько десятинъ земли для добыванія желѣзной руды и жженія угля.

Принялся кузнецъ за работу, исполняя данный ему царемъ заказъ и первымъ долгомъ выстроилъ на устьѣ рѣки Тулицы большой желѣзный заводъ съ вододѣйствующими машинами. Царскіе заказы Никита исполнялъ аккуратно, и черезъ пять лѣтъ

ему Царь отвелъ еще земли и позволилъ копать руду въ Малиновой засѣкѣ.

На Уралѣ Царь Петръ основалъ заводъ, по сосѣдству съ знаменитыми горами, которыя состоятъ изъ сплошной великолѣпной руды. Здѣсь можно было добывать не только желѣзо, но тамъ были и чудныя золотыя и платиновыя розсыпи.

Задумалъ смѣлый кузнецъ перенести свою дѣятельность въ тотъ далекій, пустынный, но богатый край. Прослышавъ, что царь въ Москвѣ, Никита взялъ съ собою сына Акинфія и отправился къ нему туда. Ласково принялъ ихъ Царь и на просьбу кузнеца отдать ему на Уралѣ Невьянскіе заводы, велѣлъ ему подать просьбу въ Сибирскій приказъ, а отвѣтомъ на эту просьбу послѣдовало разрѣшеніе отдать просителю заводъ на рѣкахъ Нейвѣ и Тагилѣ съ большимъ пространствомъ лѣсовъ, земель и знаменитою горою Магнитною. И съ этихъ поръ Никита сталъ именоваться уже не Антуфьевымъ, а Демидовымъ. За стоимость завода Никита обязался уплатить казнѣ желѣзомъ въ продолженіи 5 лѣтъ.

Счастливые кузнецы вернулись на родину, и вскорѣ Никита послалъ на Уралъ своего старшаго сына Акинфія (1678—1745 г.) и съ нимъ 12 лучшихъ кузнецовъ, самъ же остался въ Тулѣ для окончанія заказа ружей.

Пріѣхавъ на Уралъ, Акинфій сейчасъ-же приступилъ къ работамъ; первымъ долгомъ принялъ онъ заводы, работа на которыхъ шла очень вяло. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ онъ пріѣзда отца и къ этому времени торопился построить близъ завода каменный домъ и двинуть дѣло на заводѣ.

Руда на Уралѣ оказалась очень хорошей, и Невьянскъ ожилъ: задымились печи, застучали сотни молотовъ. Неутомимо работалъ молодой кузнецъ на новомъ мѣстѣ, и къ пріѣзду отца многое

имъ было исправлено и улучшено на заводѣ. Никита былъ очень доволенъ распорядительностью своего сына, и вдвоемъ они принялись за приспособленіе и усовершенствованіе завода.

Дѣла Демидовыхъ пошли такъ хорошо, что скоро эти предпріимчивые кузнецы разбогатѣли, ибо сбытъ выдѣлываемыхъ ими издѣлій былъ большой, хотя они поставляли по дешевымъ цѣнамъ въ казну военные снаряды, но, несмотря на все это, сами имѣли большіе барыши.

Никита и его сынъ Акинфій лично смотрѣли и руководили работами. Они выстроили 10 желѣзодѣлательныхъ и чугунно-литейныхъ заводовъ. Каково было достоинство вырабатываемыхъ ими предметовъ, можетъ служить указаніемъ то, что Демидовское сортовое желѣзо до сихъ поръ считается однимъ изъ лучшихъ.

На заводахъ Демидовыхъ изготовлялись ружья и другіе военные снаряды; Никита получилъ заказъ на нѣсколько сотъ пушекъ для веденія войны со шведами. Сила пара въ то время еще не была извѣстна, а потому громадные Демидовскіе заводы приводились въ движеніе исключительно водяной силой и ручнымъ трудомъ. Тысячи крестьянъ, по милости Царя, были приписаны къ заводамъ, но всетаки не хватало ихъ для многочисленныхъ работъ, и заводчики ѣздили въ центральныя губерніи Россіи скупать крестьянъ, которыхъ и переселяли къ себѣ на Уралъ.

Умно распоряжаясь своими богатствами, тульскіе кузнецы легко уплатили стоимость заводовъ не въ пять лѣтъ, а въ три года.

Царь Петръ I-ый впослѣдствіи сдѣлалъ Никиту дворяниномъ, и назначилъ его комисаромъ т. е. сборщикомъ казенныхъ податей, а потомъ возвелъ его въ потомственное дворянство.

Жизнь Никиты Демидова послѣ этого круто измѣнилась съ его возвышеніемъ, много для старика въ новой обстановкѣ было не по сердцу. Однако богатство и возвышеніе не вскружили голову Никиты, онъ не зазнавался своимъ дворянствомъ, отъ котораго долго отказывался, былъ врагомъ роскоши и ни за что не хотѣлъ перемѣнить свой удобный кожанъ, на модный камзолъ.

Никита изъ всѣхъ силъ старался послужить Царю, котораго любилъ и уважалъ больше всего на свѣтѣ. Онъ съ необыкновеннымъ упорствомъ отыскивалъ серебряную руду, о которой просилъ его царь. И вотъ, занимаясь въ поискахъ серебра, Никита случайно нападаетъ близь Тагильскаго завода, у Магнитной горы на мѣдную руду, и на Шелковой горѣ нашелъ онъ асбестъ или горный ленъ, изъ котораго сталъ выдѣлывать прочныя огнеупорныя ткани. Это изобрѣтеніе Никита представилъ Царю Петру, какъ образчики своихъ работъ.

Теперь разработка асбеста оставлена, но послѣ Демидова въ Сибири долго еще изъ него приготовляли колпаки и перчатки.

Жизненный путь Никиты Демидова приближался къ концу; ему было уже 69 лѣтъ. Много, много поработали мозолистыя руки кузнеца, пора было ему и на покой. Сперва пришлось ему оплакать смерть своего благодѣтеля Императора Петра I-го, а уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и онъ, вслѣдъ за своимъ Государемъ, „преставился въ вѣчное блаженство;“ такъ гласитъ надпись надъ скромной могилой этого рѣдкаго труженика въ Тулѣ.

Полновластнымъ господиномъ на Уральскихъ и Тульскихъ заводахъ остался послѣ смерти Никиты Демидова его сынъ Акинфій. Онъ былъ уже не молодой, но энергія дѣятельности не ослабѣвала. Отъ всей мощной фигуры вѣяло силою. На отца онъ походилъ только своимъ неутомимымъ трудолюбіемъ въ работѣ, но привычками они были не

похожи другъ на друга: отецъ велъ скромный образъ жизни, а сынъ давалъ богатѣйшіе пиры.

За двадцать лѣтъ своей дѣятельности, Акинфій послѣ смерти отца открылъ множество мѣстонахожденій со свинцовыми, мѣдными и серебряными рудами. Но и этого было мало для честолюбиваго и энергичнаго кузнеца: онъ открылъ знаменитые Алтайскіе рудники, откуда и сталъ получать серебро и даже золото.

Акинфій, благодаря вновь дѣлаемымъ открытіямъ, сталъ обладателемъ всевозможныхъ богатствъ: у него были десятки желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ, милліоны десятинъ лѣса и земель, въ его рудникахъ добывались разные металлы, рѣдкіе минералы.

Много поработавъ и почувствовавъ усталость, Акинфій захотѣлъ отдохнуть отъ жизненной битвы и, передъ смертью, поглядѣть на тѣ мѣста, гдѣ протекли его дѣтство и юность.

Акинфію было 67 лѣтъ, когда онъ предпринялъ далекое путешествіе въ Тулу. Но недолго онъ отдыхалъ тамъ, жажда дѣятельности влекла его назадъ на Уралъ и, простившись съ Тулой, онъ рѣшилъ покинуть ее, уже достигъ Камы и тамъ, по пути на Уралъ, скончался. Тѣло его перевезли обратно въ Тулу и похоронили рядомъ съ отцомъ.

Акинфій Демидовъ положилъ начало алтайской горной промышленности. Въ городѣ Барнаулѣ Томской губерніи ему поставленъ памятникъ.

Имя Акинфія было славно и грозно; въ своихъ необъятныхъ владѣніяхъ онъ пользовался властью, которой могли бы даже позавидовать многія владѣтельныя лица.

Несмѣтныя богатства оставилъ Акинфій своимъ сыновьямъ; старшій сынъ бывшаго кузнеца, а потомъ грознаго заводчика, Прокопій (1710—86 г.), узнавъ, что Императрица Екатерина учреждаетъ Московскій Воспитательный Домъ, пожертвовалъ на

это доброе дѣло болѣе милліона рублей. Въ зданіи Воспитательнаго Дома, въ картинной галлереѣ Николаевскаго Института, виситъ большой портретъ Прокопія Демидова. Кромѣ этого крупнаго жертвователя, въ потомствѣ Демидовыхъ еще много насчитывается людей, которые старались помогать ближнимъ.

Одинъ изъ племянниковъ Акинфія, Павелъ Григорьевичъ (1738—1821 г.) въ Ярославлѣ основалъ лицей, который въ честь его и названъ Демидовскимъ.

Таково было происхожденіе знаменитаго рода Демидовыхъ, изъ которыхъ вышло немало широкихъ покровителей наукъ и искусствъ, а также извѣстныхъ благотворителей, пожертвовавшихъ много сотенъ тысячъ на устройство богадѣленъ и больницъ.

Вся жизнь Никиты Демидова, отъ бѣднаго кузнеца-крестьянина до богатаго заводчика, крайне интересна и поучительна.

IV.

М. В. Ломоносовъ.

Среди всѣхъ нашихъ русскихъ самоучекъ, какъ крупнѣйшій алмазъ, сіяетъ незыблемымъ сіяніемъ имя великаго архангельскаго рыбака Михаила Васильевича Ломоносова.

Русскій народъ уже неоднократно высылалъ и высылаетъ изъ своихъ сокровенныхъ нѣдръ на широкую дорогу общественнаго и культурнаго развитія передовыхъ бойцовъ, людей твердыхъ духомъ и крѣпкихъ волей и разумомъ. Но все-же для нихъ Ломоносовъ является путеводной звѣздой и свѣтлымъ маякомъ въ океанѣ людской несправедливости и тупого равнодушія.

Ломоносовъ — сынъ рыбака, родился 1711 года въ деревнѣ Денисовкѣ Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Отецъ Ломоносова, старый закаленный рыбакъ, всю жизнь свою проводившій на морѣ, сталъ рано брать сына съ собою на промыслы, и молодой Михаилъ, помогая отцу, раздѣлялъ съ нимъ всѣ труды и опасности, неразлучные съ жизнью каждаго рыбака-поморянина.

Суровая природа, постоянная борьба съ морскими опасностями и лишеніями, закалила Ломоносова и выработала въ немъ характеръ твердый, независимый и настойчивый.

Грамотѣ Ломоносовъ выучился у одного изъ крестьянъ Ивана Шубнаго, который особенно полюбилъ Михаила; книги увлекли молодого рыбака, и онъ пристрастился къ чтенію, что, конечно, способствовало развитію необыкновенной пытливости вмѣстѣ съ страстнымъ желаніемъ учиться.

Вотъ съ этой-то цѣлью молодой Ломоносовъ тайкомъ покидаетъ домъ отца и отправляется съ рыбнымъ обозомъ въ Москву „за наукой", куда и прибылъ въ 1731 году. Въ Москвѣ Ломоносовъ поступилъ въ Славяно-Греко-Латинскую Академію, гдѣ пробылъ пять лѣтъ.

Ломоносовъ предался со всѣмъ жаромъ занятіямъ, забывая за книгами и несказанную бѣдность, и насмѣшки товарищей. Здѣсь Ломоносовъ основательно изучилъ латинскій языкъ, русскую лѣтопись и въ особенности усвоилъ риторику.

Въ 1735 году Ломоносовъ, въ числѣ двѣнадцати лучшихъ учениковъ академіи, былъ отправленъ въ академическую гимназію въ Петербургъ.

Въ 1736 году онъ былъ посланъ правительствомъ, съ двумя товарищами, Виноградовымъ и Рейзеромъ, заграницу, для изученія нѣкоторыхъ спеціальныхъ наукъ. Заграницею Ломоносовъ пробылъ пять лѣтъ — съ 1736 по 1741 годъ, изучивъ тамъ французскій и нѣмецкій языки и усовершен-

ствовался въ латинскомъ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ Ломоносовъ получилъ мѣсто адъюнкта въ Академіи Наукъ и читалъ лекціи студентамъ по физической географіи, химіи и исторіи, о рудахъ, а также обучалъ стихотворству и россійской словесности.

Въ 1745 году Ломоносовъ уже былъ произведенъ въ профессоры химіи и экспериментальной физики и въ этой должности пробылъ до конца своей жизни.

Вся профессорская дѣятельность Ломоносова прошла въ трудахъ, которымъ онъ предался съ страстнымъ желаніемъ принести пользу.

Труды Ломоносова представляютъ собою чрезвычайно разнообразный матеріалъ: одни изъ нихъ относятся — къ исторіи, другіе — къ естествознанію, третьи къ словесности и, наконецъ, четвертые — къ литературѣ. Ломоносовъ является первымъ русскимъ ученымъ по многообразію и самобытности своихъ научныхъ трудовъ, въ то-же время онъ можетъ быть названъ „отцомъ новой русской литературы".

Труды Ломоносова — „Грамматика", разсужденіе „О пользѣ книгъ церковныхъ" и „Риторика" — имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи развитія нашего литературнаго языка; но все-же заслуга Ломоносова заключается не только въ указаніи теоретическихъ правилъ, а и въ проведеніи ихъ на практикѣ, въ своихъ сочиненіяхъ.

Къ литературнымъ произведеніямъ Ломоносова относятся: произведенія поэтическія и ораторскія. Поэтическія произведенія Ломоносовъ писалъ во всѣхъ родахъ поэзіи, болѣе всего ему удавалась ода. Всѣхъ одъ у Ломоносова насчитывается до 30-ти; 11 духовныхъ и 19 похвальныхъ. Въ духовныхъ одахъ Ломоносова главнымъ образомъ выразилось его религіозное чувство и любовь его къ природѣ, въ одахъ же похвальныхъ патріотическое чувство и его любовь къ наукѣ.

М. В. Ломоносовъ — сынъ простого рыбака-помора, пробившій себѣ дорогу неутомимымъ трудомъ и энергіей, работалъ всегда „на пользу отечества.“ Онъ знаменитъ своими заслугами въ исторіи нашего просвѣщенія и является личностью достойною всеобщаго уваженія.

Умеръ Михаилъ Васильевичъ 4-го Апрѣля 1765 года и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ въ Петроградѣ.

V.

И. П. Кулибинъ.

Первый русскій изобрѣтатель, механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ — сынъ Нижегородскаго мѣщанина — торговца мукой; родился онъ 10 апрѣля 1735 года въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ дѣтствѣ былъ подручнымъ у отца въ мучномъ лабазѣ.

Отецъ Кулибина, какъ самъ человѣкъ не только необразованный, но даже безграмотный, не особенно заботился и объ образованіи сына, а потому Ив. Петр. научился лишь кое-какъ читать и писать подъ руководствомъ приходскаго пономаря. Въ дальнѣйшемъ же „книжномъ образованіи“, по мнѣнію отца Кулибина, надобности не имѣлось.

Въ дѣтствѣ у Кулибина было самымъ любимымъ занятіемъ строить разнаго рода механизмы, приготовляя ихъ части сначала изъ дерева; а потомъ и изъ металла. Торговыя дѣла отца были не по сердцу будущему механику, и онъ плохо успѣвалъ въ нихъ.

Между тѣмъ, юный механикъ съ каждымъ годомъ становился все вдумчивѣе, изобрѣтательнѣе, и первая его выдумка, принесшая дѣйствительную

пользу его семьѣ, была плотина. Кулибинъ сдѣлалъ эту плотину на ручьѣ для того, чтобы провести изъ ручья воду въ прудъ, находившійся при ихъ домѣ, а изъ пруда выпустилъ воду черезъ шлюзъ. Такимъ образомъ, вода въ прудѣ сдѣлалась проточною, рыба, водившаяся въ немъ, перестала дохнуть, начала размножаться и жирѣть.

Видя это, отецъ похвалилъ сына и понялъ, что не всѣ его затѣи пустое баловство, и что у мальчика есть особенныя способности къ разнымъ выдумкамъ подобнаго рода, которыя иногда могутъ быть очень полезными.

Черезъ нѣсколько времени Кулибинъ вздумалъ поставить мельницу на томъ самомъ ручьѣ, который протекалъ недалеко отъ ихъ дома. Крохотная мельница, похожая на игрушку, ничѣмъ не отличалась отъ настоящей, кромѣ своихъ размѣровъ. Эта мельница могла молоть и зерна, но конечно, только въ томъ количествѣ, какое было сообразно съ ея величиною.

Трудно, конечно, передать всѣ тѣ усилія мальчика, какія приходилось дѣлать Кулибину, пока онъ не достигъ своего совершенства въ механикѣ. Напримѣръ, еще въ самой ранней молодости, самоучкой, сдѣлалъ онъ безъ посторонней помощи нѣсколько деревянныхъ часовъ съ кукушкой, которыя удались на-славу. Слухъ объ этихъ часахъ скоро разнесся по всему городу, и нижегородцы, узнавъ, что у нихъ есть часовщикъ-самоучка, цѣлыми толпами приходили къ нему смотрѣть на часы. Дивились они такому чуду и едва могли повѣрить своимъ глазамъ, что неученый Кулибинъ смастерилъ такую штуку, что и въ Петербургѣ не многіе мастера въ состояніи были сдѣлать.

Вслѣдъ за тѣмъ Кулибинъ купилъ матеріалу и сталъ дѣлать мѣдные часы, которые также вышли какъ слѣдуетъ. Тогда онъ, вполнѣ довольный такой удачей, сдѣлалъ ихъ нѣсколько штукъ, про-

далъ, а на вырученныя деньги купилъ себѣ изношенные карманные часы, желая изучить вполнѣ основательно и ихъ устройство.

Начитавшись разныхъ книгъ и узнавъ изъ нихъ много новаго, Кулибинъ задумалъ устроить такіе часы, какихъ еще никто не видывалъ. Рисунокъ для этихъ часовъ былъ уже готовъ, но, къ сожалѣнію, у него не было ни денегъ для покупки нужныхъ инструментовъ и матеріала, ни времени для выполненія своей затѣи, такъ какъ онъ долженъ былъ аккуратно выполнять всѣ заказы по починкѣ часовъ, чтобы имѣть возможность прокормить свою семью, ибо у него теперь была жена и малыя дѣти. Немудрено, что намѣреніе Кулибина выполнить свою новую задачу навсегда осталось-бы не исполненнымъ, и задуманные часы не сдѣланными, если-бы ему не помогъ въ то время жившій въ Нижнемъ-Новгородѣ, одинъ черноярскій купецъ Костроминъ. Онъ зналъ примѣрную честность и особенныя способности Кулибина и самъ былъ человѣкъ не только добрый, но и образованный. Поэтому, когда Кулибинъ разсказалъ ему о задуманныхъ имъ часахъ, то Костроминъ тотчасъ сообразилъ, что такіе часы могутъ доставить извѣстность бѣдному механику, могутъ помочь ему выйти на болѣе широкую дорогу и что, вмѣстѣ съ этимъ, честный и неутомимый труженикъ можетъ впослѣдствіи принести значительную пользу своей родинѣ.

Обдумавъ все это, добрый Костроминъ не только далъ денегъ Кулибину на покупку разныхъ инструментовъ и матеріала для устройства часовъ, но сдѣлалъ и еще больше. Онъ нашелъ нужнымъ обезпечить вполнѣ существованіе Кулибина и всей его семьи на все то время, какое понадобится для выполненія задуманной имъ работы.

И вотъ, нашъ механикъ-самоучка, вполнѣ довольный и счастливый такимъ неожиданнымъ бла-

гополучіемъ, принялся съ усердіемъ за выполненіе своего сложнаго плана. Онъ трудился съ необычайнымъ усердіемъ и рѣдкой усидчивостью въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и, наконецъ, желанные часы были готовы.

Они напоминали собою, по формѣ и величинѣ, большое гусиное яйцо, были сдѣланы съ музыкой и заводились разъ въ недѣлю. Кромѣ того, часы раскрывались, и тогда посрединѣ нихъ, за стекломъ, глазамъ зрителя представлялась картина „Воскресеніе Христово". Сначала на этой картинѣ видны были только царскія двери. Потомъ черезъ нѣсколько секундъ, эти двери растворялись, вдали виднѣлся гробъ, сдѣланный наподобіе Гроба Господня въ Іерусалимѣ, а по сторонамъ его стояли вооруженные стражи. Затѣмъ, являлся ангелъ, отнималъ камень отъ гроба, и стражи при этомъ мгновенно падали на землю. Затѣмъ, съ другой стороны показывались жены — мироносицы, и въ эту минуту раздавалась музыка и три раза повторялось: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ", — по окончаніи музыки царскія двери снова затворялись. Все это повторялось каждый часъ.

Всѣ крохотныя фигурки въ часахъ были сдѣланы изъ чистаго серебра и приходили въ движеніе съ помощью сотни мельчайшихъ колесъ. На другой же сторонѣ яйца находился обыкновенный циферблатъ, который показывалъ часы и минуты.

Окончивъ завѣтную работу, И. П. Кулибинъ отправился вмѣстѣ съ своимъ благодѣтелемъ Костроминымъ въ Петербургъ, рѣшивъ поднести свое изобрѣтеніе Императрицѣ Екатеринѣ II. Это было въ 1769 году.

Въ Петербургѣ они явились къ графу Орлову, передали ему о томъ, что ихъ привело въ столицу, и

на другой день были представлены графомъ Государынѣ.

Государыня милостиво приняла часы, поднесенные ей Кулибинымъ, и удивилась его выдумкѣ и умѣнью. Она также благодарила и Костромина за его участіе, какое онъ принялъ въ бѣдномъ механикѣ. А позднѣе Государыня пожаловала Костромину 1000 руб. и серебряную кружку, сдѣланную собственно для него. На кружкѣ былъ золотой портретъ императрицы и надпись: „Екатерина II, Императрица и Самодержица Всероссійская, жалуетъ кружку сію Михайлу Андрееву сыну Костромину за его добродѣтель, оказанную механику Ивану Петрову сыну Кулибину, 1769 года, апрѣля 1-го дня."

Подарокъ Кулибина Императрица приказала выставить во дворцѣ, чтобы всѣ приходящіе туда могли видѣть этотъ памятникъ необыкновеннаго искусства и изобрѣтательности русскаго механика-самоучки. Пожаловала Императрица и Кулибину 1000 руб., да кромѣ того приказала его причислить къ Академіи Наукъ, назначивъ еще при этомъ придворнымъ часовымъ мастеромъ.

Вступивъ въ свою новую должность, Кулибинъ принялся съ горячимъ усердіемъ за исполненіе возложенныхъ на него обязанностей и въ весьма короткій срокъ усовершенствовалъ находящуюся подъ его вѣдѣніемъ инструментальную палату, а также снабжалъ различными инструментами и часами казенныя учрежденія.

Еще раньше окончанія своихъ замысловатыхъ часовъ, Кулибинъ занимался изученіемъ телескопа и электрической машины, которые были случайно привезены въ Нижній-Новгородъ и возбудили вниманіе молодого механика. Ознакомившись съ ихъ устройствомъ, онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, сдѣлать то-же самое. И, къ счастью для Кулибина, всѣ затрудненія ему удалось благополучно пре-

одолѣть и закончить первую въ Россіи электрическую машину. Кромѣ того, Кулибинъ сдѣлалъ, приблизительно въ то-же время, двѣ зрительныя трубы, телескопъ и микроскопъ. Всѣ эти инструменты были привезены имъ въ Петербургъ и, по приказанію Императрицы, помѣщены для храненія въ кабинетъ рѣдкостей Впослѣдствіи Кулибинимъ было сдѣлано еще много разныхъ машинъ, снарядовъ и инструментовъ, такъ что трудно и перечислить ихъ всѣ. Однако нельзя не упомянуть о тѣхъ, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія, по отношенію къ тому времени. Къ такимъ работамъ принадлежитъ громадный фонарь, который могъ освѣщать большое пространство, нѣчто въ родѣ теперешняго прожектора; затѣмъ Кулибинъ построилъ самодвижущееся судно, похожее на пароходъ, чѣмъ въ сущности онъ предупредилъ даже изобрѣтеніе Фультона.

Кромѣ всего выше описаннаго, Кулибинъ изобрѣлъ механическую ногу, сдѣлалъ интересный оптическій фейерверкъ, устроилъ одноколку-самокатку, родъ нынѣшняго трехколеснаго велосипеда и много другихъ полезныхъ изобрѣтеній.

Даровитый и неутомимый самородокъ И. П. Кулибинъ умеръ 30-го іюля 1818 года на 84-мъ году отъ рожденія.

VI.

Т. И. Волосковъ.

Другой примѣръ, напоминающій Кулибина, мы видимъ въ техникѣ-самоучкѣ, Терентіѣ Ивановичѣ Волосковѣ, ржевскомъ торговцѣ.

Волосковъ занимался механикою, химіей и астрономіей, до чего дошелъ исключительно только своей

настойчивостью и упорнымъ трудомъ. Онъ сдѣлалъ часы, показывающіе: время въ часахъ, минутахъ, секундахъ, кромѣ того отмѣчающіе дни, недѣли, главные церковные праздники, високосные годы, фазы луны, движеніе солнца и проч.; затѣмъ устроилъ самъ зрительную трубу въ 7 футовъ длины, затѣмъ изобрѣлъ превосходный карминъ для окрашиванія различныхъ тканей. Этотъ необычайный составъ красокъ химика-самоучки былъ настолько совершененъ, что образцы его вывозились даже заграницу.

Умеръ Т. И. Волосковъ въ 1877 году, посвятивъ всю жизнь свою неутомимой дѣятельности на пользу отечества.

VII.

Ѳ. А. Семеновъ.

Астрономъ-самоучка Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ происходилъ изъ купеческой семьи города Курска, родился 20-го апрѣля 1794 года.

Съ самаго ранняго дѣтства молодой Семеновъ обнаруживалъ особенную смышленость и находчивость. Его страстью было устраивать маленькія мельницы и разнаго рода игрушечныя машины. Но родители его, конечно, не придавали этимъ забавамъ никакого значенія и, несмотря на весь свой достатокъ, мало заботились объ образованіи сына.

Отецъ Семенова, расчитывая изъ сына сдѣлать себѣ помощника въ торговомъ дѣлѣ, задумалъ его обучить грамотѣ и съ этой цѣлью отдалъ сына въ ученье къ полуграмотному дьячку, а потомъ послѣ этого въ начальную школу, гдѣ онъ и выучился читать по церковно-славянски и кое-какъ писать. Этимъ его образованіе и закончилось.

Помогая отцу въ торговлѣ мясомъ, Семеновъ все свободное время посвящалъ чтенію Священнаго Писанія, а по праздникамъ прилежно посѣщалъ приходскую церковь, гдѣ пѣлъ съ дьячками на клиросѣ, чѣмъ и заслужилъ особое расположеніе богомольныхъ стариковъ.

Въ 1804 году, въ концѣ января, будучи еще ребенкомъ, Семеновъ однажды, возвращаясь съ матерью изъ гостей, былъ встрѣченъ встревоженнымъ отцомъ, который спросилъ ихъ: „видѣли ли они, какъ около вечерни солнце измѣнилось и почернѣло.“ Это сообщеніе отца очень заинтересовало любознательнаго мальчика, и онъ сталъ разспрашивать родителей о причинѣ такого страннаго явленія. Ему отвѣчали, что „это предвѣщаетъ недоброе, ибо означаетъ, что Богъ гнѣвается на людей за грѣхи ихъ и объявляетъ имъ гнѣвъ свой небеснымъ знаменіемъ.“

Съ этого времени Семеновъ еще болѣе ушелъ въ себя и съ жадностью набрасывался на попадавшіяся ему книжки, и вскорѣ взглядъ его на солнечное затменіе, загадочное для непросвѣщенныхъ людей, измѣнился.

Въ 1806 году, совершенно случайно, попался ему въ руки „Мѣсяцесловъ на 1802 годъ“; эта книга очень заинтересовала мальчика, и онъ съ любопытствомъ начинаетъ перелистывать ее и, послѣ разныхъ церковныхъ свѣдѣній, нападаетъ на статью о солнечномъ и лунномъ затменіи, въ которой и узнаетъ, что солнечныя и лунныя затменія могутъ быть предсказываемы впередъ. Тогда, обдумавъ хорошенько все слышанное про солнечное затменіе отъ родителей и прочитанное въ календарѣ, будущій астрономъ выводитъ слѣдующее, замѣчательное для двѣнадцатилѣтняго мальчика, заключеніе: „что небесныя явленія, которыя человѣку доступно предвидѣть, никакъ не могутъ быть

проявленіемъ гнѣва Божія и предзнаменованіемъ бѣдствій для людей."

Съ тѣхъ поръ Семеновъ задумалъ учиться и какъ можно больше читать, узнавать обо всемъ въ природѣ. Узнавъ о затменіяхъ, мальчикъ не сводилъ восхищенныхъ глазъ съ яркихъ звѣздъ, раскинутыхъ надъ землею чудно блестѣвшихъ на темно-синемъ небѣ, и стараясь постигнуть великое строеніе міра Божьяго.

Отъ чтенія всевозможныхъ книгъ умъ мальчика обогатился разными познаніями. Но знанія эти были для него неясны и сбивчивы и мучили пытливаго мальчика, который не разъ горько сожалѣлъ, что не можетъ учиться какъ слѣдуетъ.

Изъ книгъ же Семеновъ узналъ, что представленія фокусниковъ — не дьявольское навожденіе, какъ увѣряли его домашніе, а просто искусство, соединенное съ знаніемъ. Прочитавъ попавшуюся ему случайно „Естественную Исторію", онъ ознакомился съ міромъ животныхъ. „Астрономическій Телескопъ или Всеобщій Календарь, собранный Михайлою Бранкевичемъ" и изданный въ Москвѣ въ 1808 году, прочтенный имъ въ 1810 году, объяснилъ ему, что наука, разсуждающая о свѣтилахъ небесныхъ, есть астрономія, и что, зная ее, можно предсказывать солнечныя и лунныя затменія. Послѣднее привело Семенова въ восторгъ.

Вѣруя безотчетно въ неизвѣстную ему, но дорогую сердцу, науку, онъ съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться предсказаннаго затменія солнца, о которомъ вычиталъ въ „Телескопѣ". Но каково же было его огорченіе, когда назначенный для затменія срокъ наступилъ, а, между тѣмъ, ровно ничего не произошло. Это очень опечалило юношу, вѣра въ науку поколебалась, и онъ началъ сомнѣваться въ точности и безошибочности ея выводовъ. Чтобы утѣшить себя, онъ досталъ „Мѣсяцесловъ" и сталъ сравнивать предсказанія затменій въ немъ съ пред-

сказаніями „Телескопа“ и нашелъ разницу во времени, эта разница оживила юношу, и онъ воспрянулъ духомъ, готовый ждать предсказаннаго въ „Мѣсяцесловѣ“ луннаго затменія, на 31-е іюля 1813 года.

Въ это время Семеновъ находился въ Кіевѣ по дѣламъ отца. Съ горячимъ нетерпѣніемъ онъ сталъ дожидаться таинственнаго явленія. Вотъ, наконецъ, пришелъ желанный день, настала и роковая минута, и на свѣтлый кругъ луны стала надвигаться черная тѣнь земли. Семеновъ стоялъ, не отрывая глазъ отъ неба до окончанія затменія. Трудно представить, что творилось въ душѣ нашего самоучки, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившаго за ходомъ небеснаго явленія, боясь шевельнуться, и едва переводившаго духъ отъ радостнаго чувства.

Больше всего его радовало то, что астрономія оказалась наукою точною, и выводы ея истинными. Съ этого времени Семеновъ рѣшился всецѣло посвящать себя изученію свѣтилъ небесныхъ.

Узнавъ изъ того-же „Телескопа“, что описаніе всѣхъ небесныхъ свѣтилъ можно найти въ астрономіи, Семеновъ поспѣшилъ пріобрѣсти общепонятное руководство по этой наукѣ, вышедшее въ Москвѣ, въ 1802 году, подъ заглавіемъ „Наглядныя основанія астрономіи Якова Фергюсона.“ То, что онъ узналъ изъ этой книги, привело его въ восторгъ и изумленіе. Онъ узналъ о движущихся вокругъ солнца планетахъ, о видѣ, величинѣ и вращеніи земли и, наконецъ, о неподвижныхъ звѣздахъ.

Благодаря этой занятной книгѣ, любознательность нашего самоучки была еще болѣе возбуждена, и, во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ удовлетворить ее.

Семеновъ, узнавъ изъ книгъ, что всѣ предсказанія какъ солнечнаго, такъ и луннаго затменія

нельзя сдѣлать безъ вычисленій, а для этого нужно знаніе математики, принялся безъ всякой посторонней помощи за изученіе полнаго курса математики. Это былъ огромный трудъ для неподготовленнаго девятнадцатилѣтняго парня. Но ничто не можетъ быть неодолимо для человѣка съ твердой рѣшимостью.

Доставъ себѣ учебники математики, Семеновъ принялся изучать ее, для чего ему потребовалось около двухъ лѣтъ.

Съ какимъ восторгомъ тогда взялся нашъ самоучка за астрономію. Съ этой цѣлью онъ купилъ себѣ ученый трудъ по астрономіи Платона Гамалея „Теорія и Практика Кораблевожденія“, откуда познакомился съ новѣйшими пріемами астрономическихъ наблюденій и точными способами вычисленій. Однако эта книга его все-же мало удовлетворяла, ибо въ ней были только солнечныя таблицы. Тогда Семеновъ принялся самъ за вычисленіе необходимыхъ данныхъ для таблицъ различныхъ планетъ и, кромѣ частныхъ астрономическихъ таблицъ, составилъ таблицы полнолуній и новолуній, а также солнечныхъ и лунныхъ затменій на нѣсколько лѣтъ.

Неимѣніе инструментовъ и нѣкоторыхъ необходимыхъ астрономическихъ таблицъ заставило Семенова оставить на время астрономію, и, чтобы не пропадало попусту свободное отъ занятій время, онъ сталъ пополнять свои знанія по математикѣ.

Впрочемъ, не одинъ недостатокъ учебныхъ пособій пріостановилъ занятія Семенова астрономіей, были еще и другія къ тому причины.

Занятія Семенова астрономіею и математекою, конечно, не могли оставаться тайною для домашнихъ, а потому родители давно уже недружелюбно смотрѣвшіе на пристрастіе сына, строго на-строго запретили ему читать книги и вообще „заниматься пустяками“, а приказали ему бросить „дурацкія

затѣи" и заняться „настоящимъ дѣломъ". Но, несмотря ни на что, отказаться отъ дорогой науки, которой молодой мясникъ отдавалъ всю жизнь, всѣ помыслы, было для него все равно, что отказаться отъ жизни. Опасаясь гнѣва отца и матери, нашъ астрономъ еще болѣе сталъ скрывать свои занятія, свою любовь къ чтенію. Но скрыть это въ маленькомъ домѣ было невозможно.

Тогда собрался семейный совѣтъ, и рѣшено было направить парня на путь истинный, т.-е. женить, ибо родные были увѣрены, что „женится-перемѣнится".

Однако женить Семенова оказалось не такъ-то легко, какъ думали, хотя онъ и не перечилъ волѣ родительской. Несмотря на большія связи старика Семенова, ни одна дѣвушка не соглашалась выйти замужъ за его сына, „за дурака, который по ночамъ не спитъ, а все глядитъ въ какую-то трубу на мѣсяцъ." Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, надъ бѣднымъ, отвергнутымъ всѣли женихомъ сжалилась дочь ямщика изъ подгорной слободы, рѣшившись выйти за чудака. Не раскаивалась никогда въ своемъ выборѣ скромная дѣвушка, и послѣ, навѣрное, не разъ позавидовали ей разборчивыя купеческія дочери.

Вскорѣ обстоятельства измѣнились къ лучшему для бѣднаго самоучки, и снова ему представилась возможность посвящать свои досуги любимой наукѣ. Старикъ Семеновъ тяжело заболѣлъ и рѣшилъ передать окончательно всѣ свои дѣла сыну, который охотно согласился, но въ награду за это выговорилъ себѣ полнѣйшую свободу заниматься чѣмъ ему вздумается и какъ угодно. Волей-неволей роднымъ пришлось согласиться, и они его съ книжками и затѣями оставили въ покоѣ, предоставивъ въ его распоряженіе мезонинъ дома.

Ближайшее знакомство съ астрономіею убѣдило Семенова, что знаній его все-же недостаточно для

основательнаго познанія законовъ звѣзднаго міра, и что для этого необходимо изученіе еще нѣкоторыхъ естественныхъ наукъ. Съ этой цѣлью Семеновъ принялся за физику. Изученіе физики привело Семенова къ заключенію, что, для пріобрѣтенія точныхъ свѣдѣній въ этой наукѣ, недостаточно однихъ учебниковъ, но необходимы и опыты; а, между тѣмъ, стѣсненному въ своихъ денежныхъ средствахъ мяснику нужны были для этихъ опытовъ машины и приборы. Ввиду этого онъ порѣшилъ сдѣлать ихъ самъ. Съ этой цѣлью Семеновъ принялся за изученіе ремеслъ: столярнаго, слесарнаго и токарнаго. Ознакомившись съ ихъ главными пріемами, онъ устроилъ токарный станокъ, послѣ чего сталъ отливать и вытачивать разныя принадлежности физическихъ приборовъ и машинъ.

Руководствуясь наставленіями и указаніями физики, Семеновъ устроилъ различные физическіе приборы, между которыми была и электрическая машина, со всѣми относящимися къ ней снарядами. И вотъ, у доморощеннаго испытателя природы засверкала молнія, загремѣлъ громъ, плясали куклы, стрѣляли пистолеты.

Слыша о всемъ этомъ, необразованные люди стали распространять въ городѣ слухи, что молодой Семеновъ — звѣздочетъ, чародѣй, чернокнижникъ и даже колдунъ. Несмотря, однако, на такіе недружелюбные толки и насмѣшки, самоучка продолжалъ стойко идти избраннымъ тернистымъ путемъ и все болѣе и болѣе обогащалъ себя разными знаніями.

Кромѣ занятій астрономіей и физикой, Семеновъ занимался еще и химіей.

Въ 1824 году Семеновъ, желая имѣть хорошія, сильно увеличивающія стекла, чтобы яснѣе видѣть звѣздное небо, рѣшилъ самъ сдѣлать станокъ на которомъ можно было бы точить разныя оптическія стекла. Это было очень трудное дѣло, и Се-

меновъ думалъ, что у него ничего не выйдетъ. Однако терпѣніе и настойчивость все превозмогли. Сдѣлавъ станокъ, Семеновъ съ большимъ рвеніемъ принялся работать надъ большой зрительной трубой, и въ мартѣ 1825 года она была готова.

Трудно представить себѣ восторгъ Семенова, когда онъ, направивъ свою трубу на небо, въ первый разъ увидѣлъ черезъ нее неровности луны, серповидную Венеру, спутниковъ Юпитера и кольцо Сатурна.

Съ 1825 года Семеновъ былъ избранъ старостою своего мѣщанскаго общества и заботливо исполнялъ всѣ дѣла общественныя. Жизнь его устроилась счастливо и спокойно; неустанный трудъ давалъ нѣкоторое, хотя очень скромное, обезпеченіе. Но его влекло въ центръ просвѣщенія.

Несмотря на свои скудныя средства, Семеновъ въ 1829 году уѣхалъ въ Москву. Тамъ жилъ въ то время его лучшій другъ Н. А. Полевой. Благодаря ему, Семеновъ познакомился со многими учеными и профессорами университета — Перевощиковымъ, Павловымъ, Погодинымъ, Снегиревымъ и др. Въ бесѣдахъ съ ними о наукахъ и искусствахъ, Семеновъ поражалъ ихъ своими обширными познаніями, пріобрѣтенными безъ всякаго сторонняго пособія.

Передъ отъѣздомъ Семенова изъ Москвы, его новые знакомые подарили ему свои сочиненія и кромѣ того напечатали о немъ нѣсколько лестныхъ статей.

Но самый дорогой подарокъ сдѣлалъ ему профессоръ Перевощиковъ. Это было рѣдкое изданіе астрономическихъ солнечныхъ таблицъ, Деламбра, и лунныхъ, Бургарда, на французскомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ объясненій ихъ употребленія. Нѣтъ словъ выразить восхищенія Семенова, когда онъ, наконецъ, увидѣлъ у себя въ рукахъ тѣ

таблицы, которыхъ такъ настойчиво добивался болѣе 15 лѣтъ.

Въ 1837 году Императорское Вольное-Экономическое Общество избрало Семенова въ число своихъ корреспондентовъ за успѣшное введеніе имъ на своемъ хуторѣ (въ 17 верстахъ отъ Курска) плодоперемѣннаго хозяйства.

Съ 1838 года Семеновъ, по предложенію губернатора, сталъ помѣщать въ „Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" свои метеорологическія наблюденія, которыя и производилъ ежедневно до конца своей жизни.

Въ 1839 году Семеновъ, будучи въ Петербургѣ, воспользовался случаемъ представить въ Академію Наукъ свои метеорологическія наблюденія. Академія признала ихъ достойными вниманія и въ награду ученыхъ трудовъ самоучки прислала ему наборъ лучшихъ метеорологическихъ инструментовъ: барометръ, термометръ, психометръ и дождемѣръ.

Съ этого времени Семеновъ сталъ писать въ разныхъ изданіяхъ и помѣщалъ не только метеорологическія наблюденія, но и многія статьи астрономическаго содержанія.

Въ 1840 году онъ, едвали не первый изъ нашихъ астрономовъ, заявилъ въ „Курскихъ Вѣдомостяхъ" о предстоявшемъ черезъ два года полномъ солнечномъ затменіи. Профессоръ Перевощиковъ очень хвалилъ сдѣланныя самоучкой вычисленія этого затменія. Работа его отличалась чрезвычайной точностью, потребовавшей много времени и усидчивыхъ занятій, указывая на его обширныя познанія въ астрономіи.

Въ 1850 году Семенову Всемилостивѣйше было пожаловано званіе потомственнаго почетнаго гражданина, а Императорское Русское Географическое Общество избрало его въ число своихъ членовъ-сотрудниковъ.

Затѣмъ, въ томъ-же 1850 году, Семеновъ напечаталъ составленную имъ карту полнаго солнечнаго затменія, которое должно было послѣдовать 16-го іюля 1851 года. Объ этомъ трудѣ профессоръ Перевощиковъ и профессоръ Савичъ писали много лестнаго и заявили, что такая прекрасная карта выходитъ впервые на русскомъ языкѣ и что, слѣдуя картѣ Семенова, и астрономы, и всѣ интересующіеся астрономіей могутъ заблаговременно принять мѣры для наблюденія этого рѣдкаго явленія.

Въ 1856 году Семеновъ напечаталъ въ „Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ свой обширный трудъ: „Таблицы показанія времени лунныхъ и солнечныхъ затменій съ 1840 по 2001 годъ,“ за который былъ удостоенъ Географическимъ Обществомъ, въ 1858 году, золотой медали.

Эта награда была послѣдней при жизни даровитаго и неутомимаго труженика. Въ началѣ 1860 года Семеновъ заболѣлъ, у него обнаружилась и очень скоро развилась тяжелая, неизлѣчимая болѣзнь — ракъ печени, отъ которой онъ 17 апрѣля 1860 года и умеръ на 66 году отъ рожденія.

Быстро разнеслась по Курску печальная вѣсть о кончинѣ почтеннаго труженика науки, и 19 апрѣля къ его скромному домику собрался весь городъ, чтобы почтить память своего достойнаго гражданина. Много теплыхъ и задушевныхъ рѣчей было сказано надъ свѣжей могилой этого простеца-самоучки, заслуги котораго признала вся образованная Россія.

Родные и друзья горько оплакивали кончину близкаго человѣка и на могилѣ его поставили скромный памятникъ со слѣдующей надписью:

„Что онъ любилъ, надъ чѣмъ трудился онъ,
Про то всѣ знаютъ:
И солнца лучъ, и звѣздный небосклонъ,

И тѣ, что изучаютъ
Небесъ таинственную мудрость,
И всякъ народнаго таланта другъ,
И родины его друзья, и многолюдность,
И школа въ честь его заслугъ."

Спустя 15 лѣтъ послѣ кончины замѣчательнаго самоучки — астронома родной городъ его Курскъ увѣковѣчилъ о немъ память народной школой его имени и метеорологической обсерваторіей имени Семенова; улицу, гдѣ онъ жилъ и трудился, назвали Семеновской.

Въ 1894 году въ Курскѣ, въ залѣ городского дома, была устроена выставка по случаю торжественнаго празднованія столѣтія со дня рожденія Семенова, состоявшая изъ его портрета, картъ и сдѣланныхъ имъ астрономическихъ приборовъ.

VIII.

П. А. Зарубинъ.

Механикъ-самоучка и писатель Павелъ Алексѣевичъ Зарубинъ родился 10 мая 1816 года въ посадѣ Пучежѣ Костромской губ., въ мѣщанской семьѣ. Съ юныхъ лѣтъ Зарубинъ помогалъ отцу въ перевозкѣ хлѣба и другихъ жизненныхъ продуктовъ по Волгѣ на собственныхъ баркахъ; случайно выучившись грамотѣ, онъ самоучкой изучилъ ариѳметику, а затѣмъ серьезно сталъ изучать математику, физику и механику.

Послѣ многихъ хлопотъ и препятствій, въ 1843 году онъ выдержалъ экзаменъ на уѣзднаго землемѣра и поступилъ на государственную службу по межевой части.

Въ 1863 году Зарубинъ перешелъ на службу по министерству государственныхъ имуществъ, гдѣ

и служилъ до 1883 года въ должности помощника директора сельско-хозяйственнаго музея.

Зарубинъ, въ бытность землемѣромъ и помощникомъ директора сельско-хозяйств. музея, сдѣлалъ разныя изобрѣтенія и приборы для точнаго измѣренія площадей земныхъ поверхностей и вѣрнаго нанесенія ихъ на планы и чертежи.

Въ 1853 году Зарубинъ за изобрѣтенный имъ „планиметръ" получилъ Демидовскую премію отъ Академіи Наукъ и награду отъ Парижской Академіи, а въ 1855 году за „планиметръ-самокатъ" онъ получилъ 2-ю Демидовскую премію.

Въ 1866 и 1867 г. г. Зарубинъ отъ Вольно-Экономическаго О-ва получилъ 2 золотыхъ медали: 1) за „многосильный гидропультъ" и 2) за „водоподъемникъ", за который онъ получилъ также и и орденъ св. Владиміра 4-ой степени.

Съ 1867 г. по 1878 г. Зарубинъ былъ редакторомъ газеты „Петербургскій Листокъ", гдѣ помѣщалъ спеціальныя статьи. Кромѣ того, онъ сотрудничалъ во многихъ журналахъ, — напримѣръ, въ „Библіотекѣ для чтенія", „Эпохѣ" и др.

Въ 1882 году Зарубинъ получилъ еще медаль за изобрѣтенный имъ сельско-хозяйственный пожарный насосъ. Нѣсколько его изобрѣтеній, которыхъ насчитывается до десяти, остались неосуществленными за недостаткомъ средствъ.

Умеръ Зарубинъ 31 іюля 1886 года въ Петербургѣ 70-ти лѣтъ отъ роду.

Изъ литературныхъ произведеній Зарубина наиболѣе извѣстны отдѣльные эпизоды „Торговая Волга", „Жизнь", „Мѣщанская женитьба", а также особое положеніе занимаетъ написанный имъ большой романъ, или, вѣрнѣе, автобіографія — „Темныя и свѣтлыя стороны русской жизни", изданная въ двухъ томахъ, въ 1872 году, въ Петербургѣ.

IX.

В. В. Татариновъ.

Далѣе я хочу указать еще на одного небезъизвѣстнаго совершеннаго изобрѣтателя Владиміра Валеріановича Татаринова. Имя этого изобрѣтателя въ Россіи стало извѣстно только потому, что онъ предпринялъ постройку воздушнаго корабля, особой имъ самимъ придуманной системы. Но, кромѣ этого, Татариновъ заслуживаетъ вниманія еще и другими своими изобрѣтеніями.

Учился Татариновъ въ гимназіи, но, не кончивши ея, ушелъ работать на заводы и въ мастерскія, изучая главнымъ образомъ слесарное мастерство и механику. Въ свободное же отъ работы время онъ готовился въ университетъ, куда и поступилъ.

Находясь на второмъ курсѣ университета, въ Одессѣ, Татариновъ открылъ мастерскую, а вслѣдъ затѣмъ и небольшой электрическій и металло-орнаментный заводъ. Много разныхъ начинаній было предпринято Татариновымъ, но, къ сожалѣнію, условія нашей жизни таковы, что молодому изобрѣтателю пришлось уѣхать въ Берлинъ для того, чтобы тамъ осуществить свое первое великое изобрѣтеніе — нагнетательный безпоршневый прессъ.

Этотъ первоначальный опытъ съ новымъ изобрѣтеніемъ былъ такой. Татариновъ попросилъ встать шесть взрослыхъ человѣкъ на верхнюю доску своего пресса и поднялъ ихъ на воздухъ простымъ дуновеніемъ въ прессъ черезъ посредство резиновой трубки.

Таковъ былъ результатъ новаго открытія Татаринова. Это важное открытіе стоитъ на ряду съ тѣми, которыя даютъ человѣку новое могущественное и доступное всякому орудіе въ борьбѣ съ природой.

Производство безпоршневыхъ прессовъ системы Татаринова теперь уже существуетъ въ Петроградѣ.

Въ лицѣ В. В. Татаринова мы имѣемъ новый яркій примѣръ непрестанной дѣятельности и настойчивости въ осуществленіи задуманной цѣли.

X.

И. А. Милютинъ.

Быть можетъ, многіе еще не знаютъ, что въ скромныхъ углахъ нашей обширной родины скрываются такіе люди, на которыхъ можно указать, какъ на воспитательный примѣръ. Къ счастью для насъ, такіе люди хотя и весьма рѣдки, но все-же есть. Однимъ изъ такихъ людей является скончавшійся въ 1907 году Череповецкій городской голова, Иванъ Андреевичъ Милютинъ.

Милютинъ родился въ 1829 году, образованія онъ не получилъ никакого: все его ученье закончилось на 12-мъ году. И лишь путемъ энергіи, бесѣдъ, чтенія, а болѣе всего — путемъ наблюденій и размышленій, онъ сдѣлалъ себя человѣкомъ просвѣщеннымъ. Бесѣда съ нимъ всегда была поучительна и обнаруживала рѣдкую самобытность и и оригинальность мысли. Это былъ замѣчательный и интереснѣйшій самородокъ, человѣкъ, всѣмъ обязанный только самому себѣ. Милютинъ былъ личностью крупною и далеко не заурядною.

Въ 1861 году онъ, 32-хъ лѣтъ отъ роду, былъ избранъ въ городскіе головы города Череповца и съ тѣхъ поръ въ продолженіи 46 лѣтъ т. е. до самой смерти, занималъ безсмѣнно эту должность, работая не покладая рукъ для родного города и развитія сѣвера Россіи вообще. Онъ одинъ изъ

первыхъ оцѣнилъ, какое значеніе могла имѣть для Россіи Маріинская водная система; онъ первый завелъ пароходство на Шекснѣ и много содѣйствовалъ улучшенію системы.

Въ 1869 году Милютинъ въ Череповцѣ выстроилъ съ непостижимо малыми техническими приспособленіями три морскихъ парохода, которые могли совершать рейсы на Мурманъ, въ Англію и Америку. Въ Англіи его суда были удостоены самыхъ лестныхъ отзывовъ за ихъ мореходныя качества.

Далѣе мы видимъ Милютина однимъ изъ основателей Волжско-Камскаго банка, гдѣ, по его иниціативѣ, введенъ въ уставъ банка параграфъ, въ силу котораго банкъ ежегодно отчисляетъ изъ своихъ прибылей одинъ процентъ на нужды коммерческаго и техническаго образованія. На счетъ этихъ суммъ субсидируется немало училищъ и образовался капиталъ около милліона рублей, проценты съ котораго идутъ на такое-же употребленіе.

Когда былъ голодъ въ Архангельской губерніи, то предсѣдатель комитета для вспомоществованія голодающимъ, Императоръ Александръ III, будучи тогда еще Цесаревичемъ, самъ лично довѣрилъ Милютину произвести закупку хлѣба безъ всякихъ формальностей. Милютинъ закупилъ около милліона пудовъ хлѣба по цѣнѣ необычайно дешевой, вполнѣ оправдавъ порученное ему высокое довѣріе.

Милютинъ былъ неоднократно приглашаемъ въ разныя правительственныя коммиссіи, какъ, напримѣръ, въ коммиссію по введенію всеобщей воинской повинности, по выработкѣ городового положенія и т. д. Онъ былъ также виднымъ участникомъ промышленныхъ обществъ и съѣздовъ. Но особенно много Милютинъ сдѣлалъ для своего роднаго города, въ которомъ былъ городскимъ головою. Ко времени вступленія его въ городскіе го-

ловы Череповецъ былъ большою грязною деревней съ 300 домовъ, съ двумя лавками. Милютинъ, ставшій „отцомъ города“, энергично принялся за его благоустройство и просвѣщеніе, — теперь Череповецъ уже является оживленнымъ промышленнымъ и торговымъ центромъ обширнаго района, городомъ со множествомъ учебныхъ заведеній.

Милютинъ въ Череповцѣ выстроилъ механическій заводъ, а затѣмъ при немъ открылъ первое въ Россіи техническое училище; потомъ — реальное училище, учительскую семинарію, женскую гимназію, сельскохозяйственное училище и много др., такъ что въ Череповцѣ въ настоящее время имѣется болѣе 12-ти учебныхъ заведеній; кромѣ того тамъ имѣется городская публичная библіотека, историческій и археологическій музей, такъ называемый „Соляной Городокъ“, а среди прекрасно устроеннаго городского общественнаго сада помѣщается театръ для спектаклей и публичныхъ чтеній.

Интересно отмѣтить, что ни одно изъ учрежденій, основанныхъ Милютинымъ, не погибло, а, наоборотъ всѣ процвѣтаютъ, даже ветхіе сухіе доки, построенные въ 70-хъ годахъ Милютинымъ, и тѣ не погибли, а за послѣдніе годы возродились въ несравненно болѣе грандіозномъ видѣ, и около нихъ образовалась обширная гавань, въ которой вмѣсто Рыбинска разгружаются многія суда, везущія грузы въ Петроградъ.

Послѣ всей этой дѣятельности Ивана Андреевича Милютина, излишне подчеркивать то громадное значеніе такого примѣра, какой мы въ немъ видимъ. Здѣсь каждый ясно пойметъ, какое широкое поле дѣятельности открыто для человѣка, рѣшившагося серьезно поработать надъ самимъ собой. Можно смѣло сказать, что вся жизнь Милютина была примѣромъ неутомимой работы, работы плодотворной и общеполезной.

Кромѣ всѣхъ вышесказанныхъ качествъ Милютина, въ немъ была еще одна замѣчательная черта: онъ могъ-бы быть въ рядахъ крупнѣйшихъ банковыхъ и международныхъ дѣльцовъ, особенно въ 60—70-хъ годахъ, но, между тѣмъ, онъ оставался всегда мѣстнымъ дѣятелемъ, ибо понималъ, что для успѣха страны, для ея блага, необходима широкая и многосторонняя работа на мѣстахъ.

XI.

А. В. Смородинъ.

Наряду съ вышеуказанными извѣстными общественными дѣятелями я не могу умолчать и о такомъ незамѣтномъ героѣ, посвящающемъ всю свою жизнь неутомимой и полезной дѣятельности, каковымъ является народный учитель Александръ Васильевичъ Смородинъ. Біографія этого скромнаго, но очень полезнаго, труженика, весьма интересна.

Смородинъ происходитъ изъ питомцевъ Императорскаго Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Родился онъ 10 іюня 1854 года, въ Петербургѣ.

Вскорѣ послѣ рожденія Смородинъ былъ отданъ на воспитаніе въ Финляндію до достиженія 9—10 лѣтняго возроста. Воспитываясь финнами, онъ, понятно, не зналъ русскаго языка. Его по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ перевели въ русскую деревню Ямбургскаго уѣзда. Здѣсь Смородинъ изучилъ въ совершенствѣ русскій языкъ и получилъ первоначальное образованіе въ сельской школѣ.

По окончаніи курса въ четырехъ-классной начальной школѣ, Смородинъ, какъ лучшій и способнѣйшій ученикъ, былъ переведенъ въ учительскую

семинарію въ которой пробылъ три года. Въ 1872 году онъ получилъ учительское званіе и былъ назначенъ учителемъ въ школу Воспитательнаго Дома находящуюся въ селѣ Удосолово Ямбургскаго уѣз. Петербургской губ., и, пробывши въ ней одну зиму, былъ переведенъ въ Тухово, въ училище того-же вѣдомства, находящееся въ 4-хъ верстахъ отъ села Ильешь, затѣмъ въ Лопецкѣ, оттуда — въ Кремянское земское училище Лужскаго уѣзда и, наконецъ, переводится въ Нестеровское земское училище Глѣбовской волости, Лужскаго уѣз., въ которой непрерывно служилъ въ продолженіи 35 лѣтъ.

Въ 1914 году Смородинъ по болѣзни вышелъ въ отставку и теперь живетъ съ многочисленнымъ семействомъ на обыкновенной пенсіи, такъ какъ болѣзни не признаны.

Во все время своего учительствованія Смородинъ всецѣло отдается обученію и воспитанію довѣряемыхъ ему дѣтей и, воспитавши нѣсколько поколѣній, своимъ гуманнымъ, внимательнымъ отношеніемъ къ ученикамъ, заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе.

При Нестеровской школѣ Смородинъ завелъ хорошую библіотеку, удѣляя нерѣдко на книги деньги изъ своего весьма скуднаго содержанія, затѣмъ ввелъ въ школѣ естественно-агрономическій курсъ и постоянно обращалъ особое вниманіе на обученіе дѣтей пѣнію, благодаря чему изъ его питомцевъ постоянно формировался и понынѣ формируется отличный хоръ пѣвчихъ, поющій въ мѣстной сельской церкви.

Будучи учителемъ Нестеровской школы, Смородинъ въ каникулярное лѣтнее время слушалъ сельскохозяйственные курсы и, проходя ихъ, занимался преподаваніемъ сельскаго хозяйства своимъ ученикамъ.

Для училища крестьянами былъ отведенъ холмъ, подъ названіемъ „Собачья гора“, почва котораго

состоитъ изъ ржаваго голаго песка. На такой почвѣ Смородинъ устроилъ огородъ-садъ, гдѣ, къ удивленію крестьянъ, знавшихъ, что на холмѣ ничего не растетъ, у Смородина все росло довольно хорошо — какъ овощи, такъ и ягоды. Когда же въ Лугѣ была выставка, то Смородинымъ были представлены овощи изъ своего огорода и медъ, за что онъ былъ награжденъ небольшой суммой денегъ и похвальнымъ листомъ.

Много и другихъ заслугъ оказалъ Смородинъ на своемъ долголѣтнемъ педагогическомъ поприщѣ. Главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ всегда относился къ дѣтямъ съ любовью и необыкновенною сердечностью и постоянно заботился о томъ, чтобы его ученики хорошо учились. Съ этой цѣлью, помимо обычныхъ занятій въ школѣ, Смородинъ, несмотря ни на какую погоду, самъ обходилъ избы своихъ учениковъ по праздникамъ, а часто и по вечерамъ въ будніе дни, занимаясь съ отсталыми или малоспособными учениками.

Въ то время, когда Смородинъ началъ обучать дѣтей въ начальной школѣ, трудъ учителей былъ необычайно тяжелъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что большинство крестьянскихъ дѣтей, поступавшихъ въ школу, не только не знали молитвъ, но не умѣли даже назвать имена своихъ родителей, а черезъ 2—4 года выходили хорошо грамотными, то станетъ ясенъ трудъ учителя сельской школы.

И за такой почти каторжный трудъ учитель получалъ — 50 руб. въ годъ жалованья, притомъ 20 руб., за лѣтніе мѣсяцы и 30 руб. за зимніе, а за продовольствіе учителя хозяиномъ избы, въ которой помѣщалась школа, казна уплачивала хозяину, а чѣмъ кормилъ онъ учителя и какъ кормилъ, объ этомъ никто не заботился.

Однако послѣ 1899 года такія ненормальныя условія рѣзко измѣнились къ лучшему, когда впер-

вые были учреждены для учителей начальныхъ школъ Петербургскаго учебнаго округа въ г. Павловскѣ, во дворѣ В. К. Константина Константиновича, общеобразовательные курсы.

Помимо педагогической дѣятельности, Смородинъ, начиная съ 1899 года, сталъ вести метеорологическія наблюденія, отъ главной физической обсерваторіи и подъ ея наблюденіемъ, и за этотъ трудъ онъ удостоенъ званія „корреспондента обсерваторіи“ и, кромѣ того, особаго нагруднаго знака, и вмѣстѣ съ тѣмъ представленъ обсерваторіей къ особой Высочайшей наградѣ.

Черезъ Нестеровскую школу при Смородинѣ, за 35 лѣтъ, прошло болѣе 1200 учениковъ. Изъ числа жителей села Нестерова и ближайшихъ къ нему деревень учились у него не только дѣти, но даже и внуки, первыхъ его учениковъ въ этой школѣ. Обучая дѣтей, онъ всегда достигалъ наилучшихъ результатовъ только тактомъ, извѣстною сноровкою и въ особенности безграничною любовью къ нимъ; и они, въ свою очередь, привязывались къ нему всею душою и искренно любили его, охотно исполняя всякое его требованіе. Благодаря этому, за 40 лѣтъ, не пришлось ему ни разу примѣнять къ своимъ ученикамъ никакихъ мѣръ наказанія.

Вотъ какова жизнь этого рѣдко-самоотверженнаго безвѣстнаго труженика, этого самородка, который своей высоко-благородной дѣятельностью изумляетъ и подавляетъ насъ. Такіе люди, къ сожалѣнію, у насъ еще довольно рѣдки.

Артисты, художники и композиторы.

I.

М. С. Щепкинъ.

Великій русскій артистъ, честь и гордость театральнаго искусства, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ родился въ 1788 году въ селѣ Красномъ, Курской губ., Обоянскаго уѣзда.

Отецъ его — изъ крѣпостныхъ, былъ камердинеромъ графа Волькенштейна. Мать — также изъ крѣпостныхъ и находилась въ услуженіи у графини. Отецъ и мать Щепкина пользовались особеннымъ расположеніемъ графа и графини.

Появившійся на свѣтъ мальчикъ Миша являлся большимъ утѣшеніемъ своихъ родителей и потому росъ, окруженный общей любовью и вниманіемъ. Когда ему исполнилось четыре года — его отецъ получилъ должность управляющаго имѣніемъ графа.

Щепкинъ росъ очень умнымъ ребенкомъ; пяти лѣтъ его уже отдали учиться грамотѣ. Учился онъ очень легко и быстро и въ шесть лѣтъ уже постигъ всю книжную премудрость, т.-е. выучилъ азбуку, часословъ и псалтирь; этимъ тогда и заканчивалось ученье, изъ котораго дѣти, разумѣется, не понимали ни слова, а только пріобрѣтали способность бѣгло читать церковныя книги.

Отецъ Щепкина, желая продолжить образованіе сына, отправилъ его въ Бѣлгородъ къ священнику; въ это время Щепкину было всего только семь лѣтъ.

По дорогѣ въ Бѣлгородъ, родители Щепкина заѣхали въ Красное, гдѣ жили ихъ господа, и пробыли у нихъ два дня.

Въ Красномъ произошли большія перемѣны послѣ отъѣзда отца Щепкина въ имѣніе графа управляющимъ. Графиня умерла, оставивъ двухъ дочерей. Графъ, для развлеченія среди однообразной деревенской жизни, устроилъ домашній театръ и уже имѣлъ хорошій оркестръ музыкантовъ и довольно порядочный хоръ пѣвцовъ.

Въ день пріѣзда Щепкиныхъ въ Красное, вечеромъ какъ — разъ давалась опера „Новое семейство“, и имъ представился случай посмотрѣть. Маленькій Щепкинъ и не подозрѣвалъ, что именно въ этотъ вечеръ рѣшится вся его будущая судьба.

Опера „Новое семейство“ произвела на семилѣтняго Щепкина сильное впечатлѣніе; въ чемъ именно оно состояло, онъ еще не могъ дать себѣ отчета и сила этого ранняго впечатлѣнія выразилась много позднѣе.

Въ Бѣлгородѣ Щепкинъ пробылъ недолго, но занятія съ добрымъ и развитымъ священникомъ принесли ему большую пользу. Послѣ этого Щепкинъ учился вмѣстѣ съ сестрой въ уѣздномъ училищѣ города Суджи, гдѣ ему и посчастливилось въ первый разъ проявить свои способности въ представленіи комедіи — „Вздорщицы“ соч. А. Сумарокова.

Учитель распредѣлилъ роли дѣйствующихъ лицъ такъ, что роль слуги Розмарина досталась на долю Щепкина, а героиню пьесы играла его сестра.

Представленіе происходило въ классѣ училища, откуда вынесли всѣ скамейки и раздѣлили его на двѣ половины; одна половина изображала залу для

зрителей, а другая — сцену, отдѣленную пологомъ съ кровати, — это былъ занавѣсъ.

На этотъ спектакль были приглашены всѣ городскія власти: городничій, семья исправника и др., а также семейства участвовавшихъ въ комедіи.

Когда пьеса кончилась, всѣхъ исполнителей очень хвалили и благодарили учителя за доставленное удовольствіе; особенно отличился изъ дѣйствующихъ лицъ Щепкинъ.

Въ 1802 году родители Щепкина отдали сына учиться въ курское губернское училище. Въ Курскѣ графъ Волькенштейнъ имѣлъ собственный домъ, гдѣ Щепкинъ и поселился. Въ училищѣ онъ выдержалъ экзаменъ въ третій классъ; это было въ началѣ марта, а въ іюнѣ онъ уже успѣшно перешелъ въ послѣдній, четвертый классъ.

Щепкинъ учился очень хорошо и въ школѣ былъ первымъ ученикомъ, а потому его зналъ весь городъ, и даже самъ губернаторъ обращалъ на него особенное вниманіе.

Какъ-то пріѣхалъ къ графу Волькенштейну писатель Богдановичъ и, войдя въ залу, увидѣлъ Щепкина читающимъ книгу „Мальчикъ у ручья", полученную для прочтенія отъ приказчика книжной лавки.

Богдановичъ, узнавъ отъ Щепкина, что онъ очень любитъ читать, но негдѣ доставать книгъ, предложилъ ему брать ихъ у него, и въ тотъ же день Щепкинъ получилъ отъ него книгу „Ядро Россійской исторіи". Но, къ большому огорченію юноши, старикъ вскорѣ умеръ.

Во время занятія уроками рисованія, Щепкинъ познакомился съ ученикомъ 3-го класса Городенскимъ, который былъ родственникомъ содержателей театра Барсовыхъ.

Городенскій иногда приглашалъ Щепкина къ себѣ обѣдать, и такимъ образомъ онъ познакомился съ Барсовыми. Барсовыхъ любилъ весь городъ,

и они держали себя съ достоинствомъ. Щепкинъ это приписывалъ тому, что они актеры, — а потому и самъ сталъ стремиться быть актеромъ.

Однажды у графа въ деревнѣ готовилось торжество; въ этотъ день должна была быть поставлена опера. Капельмейстеръ рѣшилъ поставить оперу „Несчастье отъ кареты". Щепкинъ, узнавъ объ этомъ, упросилъ его дать и ему какую-нибудь роль. Капельмейстеръ, несмотря на то, что Щепкину было только 14 лѣтъ, далъ ему роль Фирюлина, а сестрѣ его — Фирюлины.

Юноша былъ въ восторгѣ, а въ особенности еще тогда, когда графъ послѣ спектакля погладилъ его по головѣ, со словами: „Хорошо, Миша, очень хорошо"

Въ 1805 году Щепкинъ занималъ у графа должность домашняго секретаря и письмоводителя.

Въ половинѣ ноября артистка городского театра Лыкова ставила свой бенефисъ, а потому и пріѣхала къ графу съ афишей. Графъ взялъ у нея билетъ въ кресло и сказалъ Щепкину, чтобы онъ сказалъ горничной угостить Лыкову кофеемъ.

Изъ разговора Лыковой съ горничной онъ узналъ, что хотя она и продаетъ билеты на спектакль, но не знаетъ еще, состоится-ли онъ, ибо одинъ изъ актеровъ прислалъ ей записку, что выступить на сценѣ онъ не можетъ.

Послѣднія слова, какъ молнія, озарили Щепкина, и онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ спросилъ Лыкову, что за роль тотъ артистъ долженъ былъ играть въ пьесѣ. И услышалъ въ отвѣтъ, что онъ долженъ былъ-бы играть роль Андрея-почтаря въ драмѣ „Зоя".

Такъ какъ годъ тому назадъ Щепкинъ эту драму суфлировалъ артистамъ и зналъ ее очень хорошо, то и попросилъ Лыкову дать ему ее сыграть. Лыкова сперва была удивлена, но, когда узнала, что Щепкинъ игралъ Фирюлина въ „Несчастьѣ отъ ка-

реты", съ радостью согласилась, и нѣсколько часовъ спустя пьеса уже была въ рукахъ Щепкина, а спустя часа три-четыре онъ уже зналъ свою роль наизусть.

Промежутокъ между репетиціей и спектаклемъ Щепкину показался безконечно долгимъ, но вотъ, наконецъ, онъ отправился въ театръ. Въ уборной артистовъ всѣ жаловались, что холодно, но Щепкину наоборотъ было очень жарко. Игралъ онъ въ пьесѣ съ большимъ подъемомъ и увлеченіемъ.

Лыкова горячо благодарила его, Барсовъ хвалилъ, да и всѣ были въ восторгѣ отъ игры Щепкина, даже графъ и тотъ громко крикнулъ Щепкину: „Браво, Миша, браво", едва тотъ переступилъ порогъ его кабинета. И въ знакъ памяти объ этомъ днѣ онъ подарилъ Щепкину совершенно новый триковый жилетъ.

Въ Курскѣ проживалъ въ то время очень образованный человѣкъ, вельможа Екатерининскихъ временъ, князь П. В. Мещерскій. Онъ зналъ много языковъ и, кромѣ того, занимался живописью, скульптурой, рѣзьбой, токарнымъ и даже столярнымъ мастерствомъ. Въ народѣ шла молва, что онъ очень хорошій актеръ, но Щепкинъ, будучи уже самъ актеромъ, никогда не видѣлъ его игры, хотя часто встрѣчалъ князя въ училищѣ, а на экзаменахъ князь даже обращалъ вниманіе на Щепкина, какъ на даровитаго ученика.

Въ 1810 году Щепкину удалось видѣть князя Мещерскаго въ комедіи „Приданое обманомъ", въ роли Солидара. Щепкинъ какъ-то случайно пріѣхалъ въ Юнаковку, имѣніе князя Голицына и очень обрадовался, узнавъ, что въ домѣ князя устраивается домашній спектакль, въ которомъ участвуетъ князь Мещерскій.

Нѣтъ словъ, чтобы выразить тѣ чувства, которыя волновали Щепкина передъ началомъ спектакля...

И вотъ взвился занавѣсъ, — и Щепкинъ увидѣлъ передъ собою князя . . . Но какъ сильно измѣнилась его фигура, — это уже не былъ вельможа, князь, а Солидаръ — скупой. Нѣтъ и тѣни благороднаго выраженія на лицѣ бывшаго вельможи; на немъ изобразилась скаредность Солидара. Всѣ движенія его спокойны, а говоритъ онъ, — ну, такъ, какъ всѣ говорятъ. Съ какой простотой и естественностью игралъ князь, совсѣмъ не похоже, что онъ на сценѣ, а будто все это дѣйствительность.

Щепкинъ въ каждой новой сценѣ съ возрастающимъ интересомъ слѣдилъ за игрой князя. Когда рѣчь шла о деньгахъ, князь блѣднѣлъ и какъ-бы страдалъ при мысли разстаться съ ними. Звукъ его голоса, его страданія производили на Щепкина глубокое впечатлѣніе, и онъ испугался за князя въ ту минуту, когда на сценѣ открывается обманъ и Солидаръ узнаетъ, что у него предательски выманили завѣщаніе... Съ какой художественностью и поразительной вѣрностью выразилъ князь чувства скупого человѣка, готоваго умереть, потерявши драгоцѣнное для него завѣщаніе.

Наконецъ, спектакль кончился. Всѣ были очень довольны и весело смѣялись, а, между тѣмъ, Щепкинъ, потрясенный игрою замѣчательнаго актера, залился слезами.

Вся игра, слова и фразы, сказанныя Мещерскимъ съ особенной силою, навсегда остались въ памяти Щепкина, и онъ уже считалъ ихъ своими, потому что онъ думалъ, что и самъ теперь можетъ сказать также просто и сильно, какъ Мещерскій.

Чтобы еще болѣе усвоить и вникнуть въ роль князя, Щепкинъ тотчасъ-же досталъ комедію Сумарокова и переписалъ ее. Возвращаясь изъ Юнаковки въ деревню, онъ даже дорогой не разста-

вался съ комедіей и, когда пріѣхалъ домой, то зналъ ее всю наизусть.

Припоминая фразы, произнесенныя княземъ, и стараясь подражать имъ, онъ попробовалъ говорить просто, какъ говорилъ князь, а, между тѣмъ, въ его манерѣ замѣчается неестественность.

И вотъ Щепкинъ въ теченіе нѣсколькихъ дней уходилъ въ рощу и тамъ на открытомъ воздухѣ передъ деревьями произносилъ свою роль. И все-же простота и естественность Мещерскаго, казалось, были ему недоступны.

Все это приводило молодого артиста въ отчаяніе, и онъ думалъ, что никогда не достигнетъ въ игрѣ желаемой простоты и естественности, забывая о томъ, что для того, чтобы быть естественнымъ, прежде всего слѣдуетъ чувствовать по-своему и говорить своимъ голосомъ, не подражая другимъ.

Долго мѣшала Щепкину пойти по настоящей дорогѣ привычка играть по-старому, но сильное стремленіе къ простотѣ и естественности не покидало его болѣе, несмотря даже на неудачи.

Какъ-то шла репетиція Мольеровской комедіи „Школа мужей“. Щепкинъ игралъ роль Сганареля. И такъ какъ пьесу эту много разъ репетировали и Щепкинъ такъ твердо зналъ свою роль, что ему наскучило повторять ее, онъ сталъ играть нѣсколько небрежно и говорить своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

И вотъ онъ вдругъ почувствовалъ, что сказалъ нѣсколько фразъ просто и естественно, точно говорилъ ихъ въ жизни, а не на сценѣ. Эта неожиданная удача доставила ему большое наслажденіе и помогла ему укрѣпиться на новомъ пути.

Оказывается, князь Мещерскій указалъ Щепкину новый путь; и все, что выработалъ Щепкинъ изъ своего таланта, все что изъ него вышло впослѣдствіи, все это связано съ именемъ князя Ме-

щерскаго, который открылъ Щепкину вѣрное понятіе объ искусствѣ; онъ первый показалъ ему, что чѣмъ выше искусство, тѣмъ ближе оно къ природѣ.

И не только одинъ Щепкинъ, а и весь русскій театръ, по выраженію знаменитаго актера, обязанъ князю Мещерскому. Простота и естественность, введенныя въ исполненіе ролей имъ и его послѣдователемъ Щепкинымъ, все болѣе и болѣе увлекали всѣхъ истинныхъ цѣнителей искусства.

Щепкинъ съ каждымъ годомъ прибавлялъ все новыя значительныя роли къ тѣмъ, которыя впослѣдствіи игралъ на московской сценѣ. И несмотря на безконечное разнообразіе своихъ ролей, онъ все-же не пренебрегалъ ни одною изъ нихъ. Начиная отъ комическихъ ролей онъ доходилъ до глубоко драматическихъ. Онъ стоялъ наравнѣ съ первымъ трагикомъ своего времени, Тальмой; роль Данвиля въ комедіи Делавиня „Урокъ старикамъ“ въ Парижѣ игралъ Тальма, а въ Москвѣ — Щепкинъ.

Щепкинъ въ своей личности представляетъ счастливое объединеніе великаго артистическаго таланта съ яснымъ умомъ и пламенной любовью къ искусству. Онъ прекрасно, до мельчайшихъ подробностей, изучалъ свои роли и строго слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ изображаемыхъ имъ характеровъ.

Умеръ Михаилъ Семеновичъ въ Москвѣ въ 1863 году, 75-ти лѣтъ отъ роду, увѣнчанный неувядаемыми лаврами громкой славы.

Угасъ великій артистъ, пробуждавшій въ зрителяхъ лучшія чувства, но слава о немъ не умретъ.

М. С. Щепкинъ обязанъ своей извѣстностью не только природнымъ дарованіямъ, но и усиленной самодѣятельности.

II.

М. Т. Ивановъ-Козельскій.

Пользовавшійся въ свое время большой извѣстностью, талантливый драматическій провинціальный артистъ Митрофанъ Трофимовичъ Ивановъ, родился въ 1847 году въ крестьянской семьѣ.

Въ дѣтствѣ Ивановъ попадаетъ въ школу кантонистовъ, гдѣ и научился грамотѣ; затѣмъ онъ служилъ въ военныхъ писаряхъ въ батальонной канцеляріи въ г. Житомірѣ. Здѣсь-то и началась его артистическая карьера у антрепренера Шаеровича, который, замѣтивъ способности въ статистѣ, сталъ поручать ему маленькія роли.

Первый разъ Ивановъ появился на сценѣ въ 1869 году; начальство разрѣшило ему участвовать въ спектакляхъ и освободило отъ занятій.

Въ началѣ 70-хъ годовъ Ивановъ изъ Житоміра переселился писаремъ въ Москву, гдѣ часто посѣщалъ Императорскій Малый театръ, сидя въ оркестрѣ, и обратилъ на себя вниманіе знаменитаго артиста Самарина. Въ то время пріѣхалъ извѣстный провинціальный антрепренеръ Петръ Михайловичъ Медвѣдевъ, которому Самаринъ и указалъ на Иванова, какъ на подающаго надежды юношу. По прочтеніи имъ роли Чацкаго, Медвѣдевъ пригласилъ Иванова къ себѣ въ труппу, но ему надо было еще служить въ военной службѣ, а потому Ивановъ только черезъ годъ могъ поѣхать играть къ Медвѣдеву въ Астрахань, а затѣмъ въ Казань, гдѣ и прослужилъ у него два сезона на роляхъ первыхъ любовниковъ. Играя въ труппѣ Медвѣдева, Ивановъ необычайно быстро сдѣлался любимцемъ публики, какъ вскорѣ послѣ этого и въ Харьковѣ.

Изъ Харькова Ивановъ перешелъ въ Москву въ театръ Танѣева, гдѣ впервые выступилъ въ

„Гамлетѣ“ подъ двойной фамиліей. Изъ Москвы онъ уѣхалъ служить въ Одессу къ Милославскому. Здѣсь Ивановъ-Козельскій увидѣлъ Сальвини. Игра великаго трагика натолкнула его на мысль спеціализироваться на классическихъ роляхъ, которыя онъ давно изучалъ.

По окончаніи сезона въ Одессѣ, Ивановъ-Козельскій началъ свою карьеру гастролера съ Елизаветграда и Харькова. Гастролировалъ онъ со слѣдующими ролями: Гамлетъ, Отелло, Шейлокъ, Уріель, Нарцисъ, Кинъ, Чацкій, Коррадо, („Семья преступника“), Бѣлугинъ, затѣмъ въ пьесахъ „Отъ судьбы не уйдешь“, „Блуждающіе огни“, „Горе-злосчастье“, „Бѣшеныя деньги“, „На жизненномъ пиру“ и т. д.

Въ 80-хъ годахъ онъ дебютировалъ съ успѣхомъ въ Петербургѣ на Императорской сценѣ въ Гамлетѣ, Бѣлугинѣ и Максѣ („Блуждающіе огни“), но не сошелся съ дирекціей въ условіяхъ, послѣ чего четыре раза посѣщалъ Петербургъ — какъ гастролеръ. За все время гастролерства, Ивановъ-Козельскій два раза служилъ сезоны: въ Казани, у Медвѣдева, и въ Москвѣ, въ Пушкинскомъ театрѣ Бренко; разъ началъ сезонъ у Корша, но не дослужилъ.

Съ 1893 года у него стали появляться признаки психическаго заболѣванія, — послѣ чего талантливый артистъ очень рѣдко появлялся на театральныхъ подмосткахъ и жилъ въ Одессѣ.

Умеръ онъ въ 1898 году.

Несмотря на недостатки своего систематическаго образованія, М. Т. Ивановъ-Козельскій развилъ себя, до такой степени, что сдѣлался первымъ русскимъ трагико-реалистомъ 80-хъ годовъ, явившись на смѣну знаменитымъ трагикамъ романтическаго направленія,— каковыми были: Рыбаковъ, Милославскій и др.

Ивановъ-Козельскій больше всего интересовался классическимъ репертуаромъ, какъ наиболѣе сложнымъ, требующимъ серьезнаго изученія и отдѣлки, но, кромѣ того, онъ игралъ съ успѣхомъ роли самаго разнообразнаго характера.

Въ Ивановѣ-Козельскомъ соединялся вдохновенный талантъ съ удивительнымъ голосомъ и мощнымъ темпераментомъ. Между нимъ и зрительнымъ заломъ всегда существовалъ тотъ электрическій токъ, который заставляетъ артиста и публику жить одними и тѣми-же ощущеніями. Ивановъ-Козельскій жилъ на сценѣ, и сцена была, дѣйствительно, его жизнью.

III.

Ѳ. И. Шаляпинъ.

За послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ въ артистическомъ мірѣ блистало и блистаетъ немало знаменитыхъ именъ, вышедшихъ изъ народной массы, безъ широкаго школьнаго образованія, вышедшихъ на дорогу славы и извѣстности исключительно своими природными дарованіями и усиленной самодѣятельностью.

Такъ, кромѣ уже отмѣченныхъ выше Щепкина и Иванова-Козельскаго, можно указать на нынѣшняго нашего знаменитаго опернаго цѣвца Ѳедора Ивановича Шаляпина.

Шаляпинъ — сынъ простого крестьянина-земледѣльца, родился въ 1873 году. По выходѣ изъ приходскаго училища, отецъ отдалъ его на воспитаніе къ крестному, который былъ сапожникомъ. Фамилію Шаляпина Ѳ.И. получилъ отъ своего крестнаго отца. Однако сапожное дѣло ему пришлось изучить въ

другой мастерской, гдѣ онъ и работалъ до 15-тилѣтняго возраста.

Въ театръ Шаляпинъ попалъ первый разъ, когда ему было 12 лѣтъ. Шла драматическая пьеса „Русская свадьба“. Второй пьесой, которую видѣлъ онъ въ театрѣ была „Медея“.

Съ тѣхъ поръ страсть къ театру въ немъ стала разгораться все болѣе и болѣе. Будучи ученикомъ у сапожника, Шаляпинъ пѣлъ въ церковномъ дѣтскомъ хору. Это и была его первая школа пѣнія.

Пятнадцати лѣтъ Шаляпинъ выступилъ статистомъ въ театрѣ въ Казани. Какъ-то режиссеръ спросилъ его, не хочетъ ли онъ сыграть роль жандарма Роже во французской мелодрамѣ „Бандиты“. Шаляпинъ съ радостью принялъ это предложеніе, но, когда въ день спектакля онъ вышелъ на сцену, то его охватила страшная робость. Неуклюже онъ подошелъ къ рампѣ, хотѣлъ что-то сказать и сдѣлать соотвѣтствующій жестъ, но руки и голосъ ему отъ страха не повиновались. Принуждены были опустить занавѣсъ, ибо публика вышла изъ терпѣнія и стала шумѣть. Его же немедленно выгнали съ позоромъ. Такимъ образомъ первое выступленіе Ѳ. И. окончилось неудачею. Однако артисты театра, видя его рвеніе къ сценической дѣятельности, посовѣтовали ему поступить хористомъ въ оперетку.

Много пришлось испытать Шаляпину въ жизни всевозможныхъ лишеній, прежде чѣмъ сталъ онъ знаменитостью. Онъ самъ говоритъ, что часто голодалъ, сберегая деньги, чтобы послушать хорошее пѣніе и платить за уроки. Кромѣ пѣнія, Шаляпину нужно было понимать характеристики изображаемыхъ лицъ, а онъ, какъ извѣстно, образованія кромѣ начальной школы не получилъ никакого. Поэтому пришлось до всего доходить своимъ умомъ.

Первое выступленіе Шаляпина было 18-го декабря 1890 года въ оперѣ „Галька“ Монюшко, въ партіи Стольника. И это выступленіе увѣнчалось успѣхомъ, ему много апплодировали.

Второе его оперное выступленіе было въ „Трубадурѣ“ въ партіи Фернандо. А первый бенефисъ его состоялся въ оперѣ „Аскольдова могила“, въ которой онъ пѣлъ Неизвѣстнаго. За свой бенефисъ онъ получилъ 85 рублей и серебряные часы.

Спустя пять лѣтъ Шаляпинъ пѣлъ уже на Маріинской сценѣ. Изъ-за какихъ-то треній онъ покинулъ казенную сцену, перекочевавъ въ знаменитую Мамонтовскую оперу. Къ этому времени относится блестящая пора разцвѣта выдающагося дарованія знаменитаго пѣвца-самородка.

Выступая съ 1896—99 г. въ Мамонтовской оперѣ, Шаляпинъ развился въ художественномъ смыслѣ и развернулъ свой сценическій талантъ, выступивъ въ цѣломъ рядѣ ролей. Благодаря его тонкому пониманію русской музыки вообще и новѣйшей въ частности, онъ глубоко правдиво вновь создалъ цѣлый рядъ типовъ въ современныхъ русскихъ операхъ, напримѣръ, Іоанна Грознаго въ „Псковитянкѣ“, Римскаго-Корсакова, Варяжскаго гостя въ „Садко“, Сальери въ „Моцартъ и Сальери“, тогоже композитора, Бориса Годунова — въ оперѣ Мусоргскаго и т. д. Впрочемъ, въ то-же время онъ много работалъ и надъ ролями въ иностранныхъ операхъ, такъ, напримѣръ, роль Мефистофеля въ „Фаустѣ“ Гуно въ его передачѣ получила поразительно яркое, сильное и своеобразное освѣщеніе. За эти годы Шаляпинъ пріобрѣлъ громадную извѣстность.

Послѣ краха Мамонтовской оперы, когда имя Шаляпина уже стало извѣстно и за предѣлами родины, казенная сцена, въ 1899 году, приняла его съ распростертыми объятьями. И уже Ѳ. И. Ша-

ляпинъ диктовалъ свои условія службы, а не дирекція, такъ недавно его третировавшая...

Въ 1901 году Шаляпинъ имѣлъ огромный успѣхъ въ Миланѣ, гдѣ выступалъ въ 10 спектакляхъ въ „Scala“ въ роли Мефистофеля въ оп. Бойто.

Въ настоящее время среди нашихъ вокальныхъ знаменитостей безспорно занимаетъ первое мѣсто Ѳ. И. Шаляпинъ, сдѣлавшійся благодаря своему таланту и самодѣятельности міровой извѣстностью.

И вотъ теперь весь свѣтъ восхищается какъ пѣніемъ Шаляпина, такъ и его игрой, и даже трудно опредѣлить — чѣмъ больше, т. е. игрой, или пѣніемъ, потому что и въ томъ, и въ другомъ онъ достигаетъ художественнаго совершенства.

IV.

А. Д. Вяльцева.

Кромѣ уже отмѣченныхъ выше талантливыхъ самородковъ-артистовъ, можно указать еще на не такъ давно скончавшуюся пѣвицу Анастасію Дмитріевну Вяльцеву, которая приблизительно около 1893—94 г. впервые выступила на путь сценической дѣятельности, появившись на подмосткахъ мелкихъ театровъ и кафешантановъ въ Кіевѣ и другихъ южныхъ городахъ, а затѣмъ и въ Петербургѣ.

Вяльцева родилась и воспитывалась въ бѣдной крестьянской семьѣ, въ маленькомъ городѣ Трубчевскѣ Черниговской губерніи. Одно время она работала въ вышивальной мастерской, потомъ служила горничной, затѣмъ на подмосткахъ кафешантановъ; успѣхъ все болѣе и болѣе поощрялъ ее — учиться и работать надъ своимъ развитіемъ.

Новая артистка была замѣчена. Знатоки и любители хвалили ея голосъ, пророча въ будущемъ Вяльцевой широкую дорогу славы. Однако пріобрѣсть извѣстность и славу ей суждено было не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, благодаря слѣдующему обстоятельству. Въ то время извѣстный Щукинъ только-что открылъ въ Москвѣ свой театръ „Эрмитажъ", и вотъ на главныя роли на второй сезонъ онъ пригласилъ Вяльцеву. Этотъ случай далъ возможность Вяльцевой блестнуть своимъ голосомъ и игрою, талантъ ея развернулся свободно, и побѣда была на ея сторонѣ.

Простая крестьянка по происхожденію получила, наконецъ, награду за свои труды; а восторженное отношеніе публики свидѣтельствовало, что недаромъ потрачена ею энергія и сила на сценическое самообразованіе.

Въ Москвѣ Вяльцева пріобрѣла имя крупной артистки; и съ этихъ поръ слава ея быстро начинаетъ расти, ей предлагаютъ уже по нѣсколько тысячъ за выходъ, приглашаютъ въ разные города Россіи и заграницу, и она спеціализируется, главнымъ образомъ, въ пѣніи цыганскихъ романсовъ и русскихъ народныхъ пѣсенъ.

Небольшимъ перерывомъ опереточной дѣятельности было выступленіе Вяльцевой въ серьезныхъ операхъ „Карменъ" и „Сампсонъ и Далила", и здѣсь она имѣла большой успѣхъ, не только за свой голосъ, но также и за хорошую игру; однако, несмотря на это, она въ скоромъ времени оставила оперу и вернулась къ своему прежнему амплуа — къ своимъ романсамъ.

Имя „несравненной" и „неподражаемой" слѣдовало всюду за Вяльцевой, и, дѣйствительно, такъ исполнять пѣсни и романсы, какъ это дѣлала Вяльцева, было новостью въ пѣніи; своеобразной нюансировкой и передачей Вяльцева дала нѣчто новое въ области пѣнія, создала какъ-бы новую школу,

и теперь даже послѣ ея смерти „вяльцевское исполненіе“ находитъ много подражателей.

Замолкла игриво-страстная мелодія цыганской пѣсни... Она волновала, она будила страсти, она заставляла желать и смѣяться... Къ ней протягивались трепетныя руки въ безумныхъ аплодисментахъ.

Кто не переживалъ вмѣстѣ съ деревенской Машей ея краденую и вольную любовь, когда Вяльцева пѣла „Полосыньку“. Кто могъ не затаить дыханія съ ея „Вѣточкомъ“? Кому не хотѣлось услышать ея волнующій припѣвъ: „Догадайтесь сами, сами догадайтесь, что я васъ люблю...“

Вяльцева была настоящей художницей пѣсни... Были люди, которые возмущенно говорили: „Развѣ это искусство? Это цыганщина, суррогатъ искусства!“ Но еще больше было людей, которые во время болѣзни писали умирающей дивѣ о своемъ искреннемъ желаніи отдать свою кровь для переливанія ея въ организмъ артистки, которая угасала отъ побѣднаго шествія бѣлыхъ шариковъ...

Отдать свою кровь! Это — не красивый жестъ, а душевный порывъ спасти жизнь художницы цыганской пѣсни... Этотъ порывъ нужно было сумѣть вызвать... Нужно было сумѣть заставить такъ длительно трепетать сердца, вызвать экстазъ... И если это не искусство, то гдѣ же оно?..

Умерла Вяльцева въ разцвѣтѣ своего таланта въ пору самой блистательной дѣятельности. Я не буду подробно описывать причину ея ранней смерти и останавливаться на этомъ печальномъ событіи. Умерла она въ Петербургѣ 4-го февраля 1913 года, но и до сихъ поръ еще мы слышимъ ея голосъ. Грамофонныя пластинки, напѣтыя А. Д., даютъ намъ яркую иллюзію пѣнія „несравненной“, и имя ее живетъ и долго еще будемъ мы наслаждаться романсами обширнаго репертуара прекрасной артистки-пѣвицы.

Что любятъ Вяльцеву многіе, и что число поклонниковъ и почитателей ея таланта не уменьшается, видно хотя-бы изъ внимательнаго отношенія ихъ къ ея могилѣ, всегда утопающей въ роскошныхъ цвѣтахъ.

V.

М. Л. Кропивницкій.

Среди корифеевъ украинской сцены одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ Марку Лукичу Кропивницкому, этому знаменитому самоучкѣ-актеру, прозванному „отцомъ украинскаго театра"; и это почетное имя имъ вполнѣ заслужено. Вся исторія развитія украинскаго театра самымъ тѣснымъ, самымъ неразрывнымъ образомъ связана съ его именемъ.

Кропивницкій, богато одаренный крупнымъ артистическимъ и литературнымъ талантомъ, прекрасный режиссеръ и знатокъ сцены, первый создалъ школу украинскаго театра, снабдивъ ее богатымъ репертуаромъ. Онъ первый показалъ всю красоту украинской драмы, отвоевалъ ей право гражданства передъ художественной критикой и сдѣлалъ изъ нея самостоятельную культурно-общественную силу.

Извѣстность Кропивницкаго зиждится именно на его большомъ сценическомъ талантѣ, широкомъ и разностороннемъ, умѣвшемъ подчинять себѣ зрителей до полнаго самозабвенія.

Кропивницкій родился 25-го апрѣля 1841 года въ селѣ Жевановкѣ, Елизаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Бобринецкомъ уѣздномъ училищѣ, за-

тѣмъ былъ вольнослушателемъ на юридическомъ факультетѣ въ Кіевѣ. Но, не прослушавъ полнаго университетскаго курса, Кропивницкій, уступая волѣ отца, желавшаго видѣть сына чиновникомъ, поступилъ на службу въ Бобринецъ, гдѣ и служилъ сначала въ уѣздномъ судѣ, а потомъ въ полиціи, въ сиротскомъ судѣ, даже былъ секретаремъ въ городской ратушѣ*). Кропивницкій такъ часто мѣнялъ мѣста службы потому, что она его не удовлетворяла, ибо онъ всей душой рвался на сцену. Первыя попытки его сценической дѣятельности приблизительно можно отнести къ 1863 году, когда въ глухомъ провинціальномъ городишкѣ Бобринцѣ начинаютъ увлекаться сценой и ставить рядъ украинскихъ спектаклей два мелкихъ чиновника, — однимъ изъ нихъ былъ М. Л. Кропивницкій, а вторымъ И. К. Тобилевичъ (Карпенко-Карый).

Въ своемъ захолустьѣ эти два будущіе основатели большого дѣла сумѣли устроить центръ украинскаго театральнаго искусства и своего рода артистическую школу, изъ которой впослѣдствіи вышли сильные таланты, сдѣлавшіе украинскому театру повсемѣстную извѣстность.

Въ 1871 году въ жизни Кропивницкаго совершился переворотъ, окончательно рѣшившій всю его судьбу. Онъ оставилъ службу и всецѣло отдался сценѣ. Мѣстомъ перваго его дебюта была Одесса. Въ то время еще не было самостоятельной постоянной украинской труппы, и украинскіе спектакли ставились исключительно только любителями. Въ Одессѣ такіе спектакли устраивалъ учитель гимназіи П. И. Нищинскій, извѣстный переводчикъ Гомера на украинскій языкъ.

Въ ноябрѣ 1871 года Кропивницкій выступилъ на сценѣ Александровскаго театра въ роли Стецька въ пьесѣ „Сватання на Гончаривци“ и имѣлъ гро-

*) управѣ.

мадный успѣхъ, который и утвердилъ его въ принятомъ имъ рѣшеніи навсегда остаться артистомъ.

Въ 1875 году Кропивницкій поступилъ въ Галиційскую труппу и совершилъ съ нею артистическое турнэ по Галиціи и Буковинѣ, вездѣ вызывая своею искренней игрою энтузіазмъ.

Съ 1876 года, въ продолженіи пяти лѣтъ, украинскіе спектакли и чтенія на малорусскомъ языкѣ были у насъ запрещены. Разрѣшены вновь эти спектакли благодаря въ значительной степени Кропивницкому, ибо по его иниціативѣ артистами великорусской труппы Ашкаренка, при которой Кропивницкій былъ режиссеромъ, была подана изъ Кременчуга телеграмма на имя министра внутреннихъ дѣлъ, съ просьбою разрѣшить постановку украинскихъ спектаклей. Разрѣшеніе было получено. Въ Харьковѣ Кропивницкій съ нѣсколькими товарищами отдѣлился отъ труппы Ашкаренка и образовалъ свою украинскую труппу.

Вотъ съ этого-то времени и начинается самый разцвѣтъ блестящей артистической дѣятельности Кропивницкаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и исторія развитія новаго украинскаго театра.

Организовавъ новую труппу, Кропивницкій объѣзжаетъ съ ней города Малороссіи и Новороссіи. Въ 1883 году онъ входитъ въ составъ труппы М. П. Старицкаго, гдѣ и становится режиссеромъ. По роду своего артистическаго дарованія Кропивницкій является резонеромъ. Обаяніе его могучаго таланта привлекло всеобщее вниманіе къ украинской труппѣ, которая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширялась и совершенствовалась, и въ скоромъ времени эта труппа сдѣлалась школою украинскихъ сценическихъ дѣятелей.

Украинскій театръ обязанъ въ значительной степени М. Л. Кропивницкому, который много положилъ силъ и своего богато одареннаго таланта на его развитіе и, кромѣ того, вызвалъ самобытное

общественно-литературное движеніе. Вотъ въ этомъ-то и есть главная его заслуга — какъ „отца“ украинскаго театра.

На фонѣ артистическихъ дѣятелей, создавшихъ украинскій театръ, рѣзко выдѣляется фигура Кропивницкаго. Онъ извѣстенъ не только артистическою, но и литературною, дѣятельностью — какъ писатель-драматургъ. Кропивницкій не былъ литераторомъ по призванію, онъ сдѣлался имъ по необходимости, чтобы расширить репертуаръ молодого театра.

Въ 1871 году, въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ,“ Кропивницкій впервые появился въ печати, помѣстивъ свой водевиль „За сиротою и Богъ зъ калытою.“

Но про болѣе широкую его литературную дѣятельность стало извѣстно только въ 1882 году, когда вышло первое изданіе его драматическихъ произведеній.

Драмы Кропивницкаго обращаютъ на себя вниманіе какъ своимъ богатымъ, чисто-народнымъ языкомъ, такъ и идейнымъ содержаніемъ. Однако значеніе его, какъ драматическаго писателя, все-же отходитъ на второй планъ въ сравненіи съ его созидательною ролью въ жизни и на сценѣ.

Изъ его драматическихъ произведеній только немногія имѣютъ литературное значеніе. Лучшими пьесами его считаются „Глытай“ и „Олеся,“ затѣмъ: „Дви семьи,“ „Дай сердцю волю — заведе у неволю“ (написана въ 1861 году), „Докы солнце зійде — роса очи выйистъ,“ „Зайды-голова“ и остроумный этюдъ „По ревызіи.“

Умеръ Кропивницкій 9-го апрѣля 1910 года въ Одессѣ, гдѣ прожилъ свои молодые годы и началъ свою увѣнчанную славой артистическую карьеру. Умеръ этотъ корифей украинской сцены, но слава о немъ будетъ жить вѣчно въ памяти его земляковъ-украинцевъ.

VI.

И. К. Тобилевичъ.

Вторымъ за Кропивницкимъ идетъ украинскій актеръ Иванъ Карповичъ Тобилевичъ, извѣстный подъ сценическимъ псевдонимомъ Карпенко-Карый, который также является самоучкой-актеромъ, начавъ свою артистическую дѣятельность совмѣстно съ Кропивницкимъ.

Иванъ Карповичъ — старшій представитель изъ даровитой семьи Тобилевичей, родился онъ въ 1845 году. Семья эта, кромѣ трехъ братьевъ артистовъ — Ивана (Карпенко-Караго), Николая (Садовскаго) и Афанасія (Саксаганскаго), дала украинской сценѣ извѣстную въ свое время талантливую артистку Марію Карповну Тобилевичъ (по сценѣ — Садовская-Борилотти), безвременно сошедшую въ могилу.

Вся эта талантливая семья вышла, въ полномъ смыслѣ слова, изъ народной массы. Тобилевичъ-отецъ былъ простымъ крестьяниномъ и представлялъ изъ себя замѣчательный типъ здоровой народной натуры. Обладая природнымъ умомъ и цѣня образованіе, онъ всѣми силами старался дать образованіе и своимъ дѣтямъ, несмотря на крайне ограниченныя средства. Благодаря этому, Иванъ Карповичъ имѣлъ возможность окончить Бобринецкое уѣздное училище, послѣ чего и вступилъ въ жизнь для борьбы за существованіе. Но, будучи отъ природы любознательнымъ, онъ не прекратилъ на этомъ свое образованіе, а всѣми силами стремился съ жаждой знанія къ наукѣ, несмотря на всѣ тяжелыя условія самообразованія, которыя были въ провинціальной глуши; конечно, и тамъ нашлись добрые люди, которые и доставляли юношѣ всѣ имѣемыя средства для самообразованія. Особенно значительный слѣдъ въ жизни Тобилевича оставилъ учитель Херсонской гимназіи

Д. П. Пильчиковъ, человѣкъ умный и хорошо образованный. Жадно схватывалъ юноша каждую мысль и каждое слово своего учителя. Вотъ эти-то наставленія и побудили къ дѣятельности будущаго артиста и драматурга.

Рядомъ съ этой школой самообразованія юноша проходилъ еще и другую школу — школу жизни, въ которой его впечатлительная натура находила богатую и разнообразную пищу. Условіями жизни Тобилевичъ былъ прикованъ къ канцелярскому столу, вмѣстѣ съ другимъ собратомъ по тогдашнему положенію М. Л. Кропивницкимъ, сперва въ городской управѣ въ Бобринцѣ, а потомъ въ Елизаветградской полиціи. Не трудно, конечно, представить себѣ, сколько при такихъ условіяхъ должна была пережить душевныхъ драмъ его артистически-чуткая натура.

Страсть къ театру въ немъ пробудилась очень рано. Побывавши какъ-то разъ въ театрѣ, онъ почувствовалъ страстное влеченіе къ сценѣ, она захватила всю его душу. Чтобы дать какой-нибудь исходъ своему неудержимому влеченію, Тобилевичъ вмѣстѣ съ Кропивницкимъ и другими любителями давали спектакли въ Бобринцѣ и Елизаветградѣ. Нѣтъ сомнѣнья, что эти любительскія упражненія не могли удовлетворить серьезной потребности артистической души Тобилевича; онъ всѣми силами рвался въ чудный міръ сценическихъ образовъ, а, между тѣмъ, тяжелая повседневная обстановка сурово подчеркивала въ его сознаніи весь контрастъ между міромъ грезъ и безотрадной дѣйствительностью.

Сценическое дарованіе Тобилевича было замѣчено въ любительскихъ спектакляхъ, и онъ неразъ получалъ приглашеніе поступить въ профессіональную труппу, но, имѣя семью, все еще не рѣшался вступить въ измѣнчивую жизнь актеровъ, — онъ мечталъ поступить на сцену, послѣ выслуги

двадцатипятилѣтней пенсіи, до которой оставалось всего нѣсколько лѣтъ. Но, между тѣмъ, выслужить пенсію ему такъ и не удалось, ибо въ 1883 году въ Елизаветградѣ гастролировала труппа М. П. Старицкаго, и Тобилевичъ, ранѣе отклонявшій предложенія поступить въ труппу, теперь сдался и вступилъ, наконецъ, на ту дорогу, на которую влекло его призваніе.

Съ момента поступленія Тобилевича въ труппу Старицкаго начинается его блестящая артистическая дѣятельность. Но, къ сожалѣнію, и теперь эта дѣятельность не была свободна отъ тяжелыхъ внѣшнихъ препятствій; его бывшіе сослуживцы не могли простить ему оставленіе службы и поступленіе на сцену, и всѣми силами старались повредить его будущности. Но несокрушимая энергія и глубокій искренній юморъ, которому онъ былъ всегда вѣренъ — на сценѣ и въ жизни, — спасли его отъ отчаянія.

Тобилевичъ въ продолженіи своей пятилѣтней опалы добывалъ средства къ существованію для себя и семьи буквально трудами рукъ своихъ. Вначалѣ онъ занялся переплетомъ книгъ, но вскорѣ перемѣнилъ родъ занятія и отправился къ отцу въ деревню, гдѣ прожилъ около пяти лѣтъ жизнью крестьянина-земледѣльца. Эта жизнь вновь послужила на пользу и самому драматургу-артисту, и украинской сценѣ.

Наблюдательный умъ Тобилевича схватилъ всю жизнь окружавшаго его народа, что впослѣдствіи онъ и изображалъ въ своихъ произведеніяхъ и въ своей игрѣ на сценѣ.

Въ личности Тобилевича соединены два выдающихся таланта — драматурга и артиста. Его амплуа — бытовыя роли людей старшаго возраста, преимущественно комическія.

Вообще, сценическій талантъ И. К. Тобилевича отличается чрезвычайной гибкостью. Ему одина-

ково доступны, въ предѣлахъ его амплуа, тончайшіе изгибы душевныхъ движеній — отъ драматически-сильныхъ ролей до полныхъ глубокаго лиризма и самаго добродушнаго юмора.

И. К. Тобилевичъ, какъ драматургъ, занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ украинской драматургіи. Его пьесы почти всѣ лишены внѣшняго, грубо бьющаго на нервы эффекта. Изъ значительнаго числа ихъ большая часть написана на темы, предъявляемыя экономическими и соціальными запросами современной и прошлой жизни украинской деревни.

Всѣ произведенія его отличаются замѣчательной мягкостью, теплотой и задушевностью изображенія.

VII.

А. В. Ступинъ.

Александръ Васильевичъ Ступинъ происходилъ изъ дворянскаго рода Борисовыхъ. О рожденіи и первыхъ годахъ жизни Ступина сохранились очень неопредѣленныя и сбивчивыя свѣдѣнія. Извѣстно только, что онъ родился 13-го февраля 1775 или 76 года, и что мать его, Надежда Никитична, была вынуждена, по семейнымъ обстоятельствамъ, отдать своего сына, вскорѣ послѣ рожденія, на воспитаніе арзамасской мѣщанкѣ Анисьѣ Степановнѣ Ступиной, которая и записала его въ арзамасскіе-же мѣщане подъ фамиліей Ступина.

Анисья Степановна была женщина простая и неграмотная, но отъ природы умная и добрая. Не имѣя собственныхъ дѣтей, она привязалась къ своему пріемышу со свойственною женщинѣ нѣжностью;

а онъ, въ свою очередь, полюбилъ данную ему судьбою воспитательницу, какъ родную мать.

Ступинъ съ ранняго дѣтства обнаруживалъ большую любознательность и, когда ему исполнилось пять лѣтъ, сталъ просить, чтобъ его отдали куданибудь учиться грамотѣ. Добрая Анисья Степановна, уступая настойчивымъ просьбамъ своего питомца, отдала его въ науку къ полуграмотной учительницѣ, которая и выучила азбукѣ и Часослову. Послѣ этого нужно было приняться за письмо, но, такъ какъ учительница сама не „дошла до письма," то рѣшились обратиться къ помощи глухого пономаря, у котораго Ступинъ въ короткое время и въ письмѣ оказалъ отличные успѣхи.

Между тѣмъ, ему исполнилось семь лѣтъ, и Анисья Степановна, полагая, что для питомца полученныхъ знаній достаточно, закончила его дальнѣйшее образованіе. Затѣмъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ молодому Ступину удавалось читать лишь по вечерамъ, урывками, да и то однѣ только церковныя книги; днемъ-же онъ вязалъ чулки, списывалъ каноны и молитвы, звонилъ на колокольнѣ, пѣлъ на клиросѣ и прислуживалъ въ церкви дьячкамъ.

Когда же Ступину исполнилось десять лѣтъ, его опредѣлили мальчикомъ въ лавку къ купцу, но тамъ онъ пробылъ недолго, ибо, отъ природы имѣя чувствительное и доброе сердце, не могъ хитрить и обманывать покупателей, какъ это дѣлаютъ торговцы, а потому и сталъ слезно умолять свою воспитательницу избавить его отъ необходимости кривить душою.

Вскорѣ послѣ этого у Ступина развилась наклонность къ рисованію, и онъ сталъ упрашивать свою воспитательницу отдать его учиться къ какому-нибудь живописцу. Анисья Степановна согласилась на его просьбу и 28-го сентября 1787 года отдала

его на выучку къ одному жившему съ ними по сосѣдству иконописцу, срокомъ на три года.

Новый наставникъ Ступина былъ самъ мастеръ изъ посредственныхъ, да и притомъ еще горькій пьяница. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, успѣхи въ живописи не могли быть велики: въ продолженіи всѣхъ трехъ лѣтъ онъ только и зналъ, что тереть краски, варить масло да рубить дрова, и за все это постоянно бывалъ въ-проголодь, а подчасъ и совсѣмъ не ѣдалъ.

Отживъ у иконописца договорный срокъ, Ступинъ вернулся къ своей воспитательницѣ и принялся самъ, какъ умѣлъ, подправлять старые образа и писать новые. Но неумѣлая рука, конечно, не могла много заработать, и потому онъ рѣшился опять поступить въ ученье, чтобы пріобрѣсти возможность добывать кусокъ хлѣба.

Однажды Ступинъ былъ приглашенъ для временной работы однимъ дьякономъ, слышимъ за искуснаго живописца. Мастеру-дьякону такъ понравилась работа Ступина, что онъ предложилъ ему постоянныя занятія, причемъ постепенно увеличивалъ плату, которая дошла подъ конецъ до 80 рублей въ годъ.

Когда Ступину исполнилось 19 лѣтъ, то Анисья Степановна стала уговаривать его, чтобы онъ женился; уступая просьбамъ своей воспитательницы Ступинъ взялъ въ жены себѣ бѣдную мѣщанку Екатерину Михайловну Селиванову, женщину добрую и умную, съ которой прожилъ счастливо слишкомъ сорокъ лѣтъ.

Однако, вскорѣ послѣ свадьбы, въ жизни Ступина произошла крутая перемѣна. Онъ попадаетъ въ Нижній-Новгородъ на службу въ губернское правленіе, со званіемъ подканцеляриста. Тяжело было служить Ступину на гражданской службѣ, ибо его начальникъ, узнавшій, что поступившій къ нему чиновникъ обучался живописи, заставлялъ

Ступина заниматься у него окраской крышъ и стѣнъ его дома, во время этихъ работъ часто приходилось ему терпѣть разныя невзгоды. Жутко становилось Ступину, и онъ горько раскаивался, что погнался за чинами, пренебрегая мѣщанскимъ званіемъ.

Наконецъ, счастливый случай помогъ Ступину вырваться опять на свободу. На помощь къ нему явилась игуменья одного нижегородскаго монастыря. Она обратилась къ начальнику Ступина съ просьбою уволить на нѣкоторое время служащаго у него художника отъ занятій, чтобы написать образъ Воздвиженія Креста Господня, для поднесенія Императору Павлу Петровичу. Совѣтникъ согласился. Однако, послѣ исполненія заказа игуменьи, Ступинъ къ нему уже болѣе не возвратился, ибо въ немъ принялъ участіе другой совѣтникъ правленія, который, увидя образъ, написанный Ступинымъ, добродушно сказалъ: „Послушай, голубчикъ, выходи-ка ты лучше въ отставку, я тебя выпущу канцеляристомъ.“ Конечно, Ступинъ съ радостью ухватился за это предложеніе и, получивъ указъ объ увольненіи, поспѣшилъ въ Арзамасъ, гдѣ вполнѣ и предался любимому искусству.

Съ 1-го сентября 1797 года Ступинъ сталъ принимать къ себѣ учениковъ, при помощи которыхъ получилъ возможность браться за болѣе значительные заказы. Такимъ образомъ, написавъ въ одномъ селѣ цѣлый иконостасъ, онъ купилъ себѣ въ Арзамасѣ за 450 руб. порядочный домикъ, въ который и переселился со своимъ семействомъ и учениками.

Приблизительно около этого-же времени Ступинъ получилъ изъ Петербурга письмо отъ двоюроднаго брата своей жены, В. С. Турина, который звалъ его въ столицу, чтобъ поступить въ Академію Художествъ. Ступинъ, воспользовавшись приглашеніемъ, 5-го марта 1800 года выѣхалъ изъ

Арзамаса въ Петербургъ, куда и прибылъ 17-го марта и остановился у родного дяди своей жены С. И. Турина, пріютившаго его у себя съ большимъ радушіемъ. Черезъ нѣсколько дней, именно 26 марта, Ступинъ держалъ экзаменъ въ Академіи, куда и былъ принятъ приходящимъ ученикомъ.

Въ 1802 году, по окончаніи курса въ Академіи, съ аттестатомъ художника 1 степени и шпагою, т. е. съ чиномъ 14 класса, Ступинъ, несмотря на свое ревностное желаніе продолжать художественное образованіе, былъ вынужденъ вернуться на родину, гдѣ семейство и ученики терпѣли нужду.

При отъѣздѣ Ступина, всѣ отнеслись къ нему съ самымъ живымъ сочувствіемъ. Императрица пожаловала молодому художнику на дорогу 200 руб.; Академія Художествъ подарила ему для его школы двѣ статуи и нѣсколько бюстовъ, а профессора снабдили его большимъ запасомъ книгъ, картинъ, рисунковъ, чертежей и гипсовъ. Такимъ образомъ онъ повезъ съ собою богатое собраніе художественныхъ произведеній, состоявшее изъ 6500 предметовъ, и до 2000 томовъ сочиненій, по части изящныхъ искусствъ.

Съ такими средствами Ступинъ, вернувшись въ Арзамасъ, основалъ рисовальную школу, первую тогда въ Россіи. Заботы Ступина о своей школѣ, какъ и слѣдовало ожидать, не остались безъ послѣдствій. Изъ этой школы, просуществовавшей болѣе сорока лѣтъ, вышло немало талантливыхъ людей, какъ, напримѣръ: Горбуновъ, Мих. Петр. Коринфскій (академикъ архитектуры), Алексѣевъ и другіе.

Въ 1834 году Ступинъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени за отличныя заслуги по учрежденію художественной школы въ Арзамасѣ.

Въ 1838 году его постигло несчастье: онъ лишился жены, съ которою дѣлилъ радости и горе

въ продолженіи 43 лѣтъ, и эта потеря такъ глубоко поразила уже состарившагося художника, что онъ самъ слегъ въ постель и едва не умеръ.

Въ 1845 году, послѣ новой своей поѣздки въ Петербургъ, Ступинъ былъ награжденъ, по представленію Академіи, орденомъ св. Владиміра 4-й ст. за распространеніе живописи въ отечествѣ и за сорокалѣтнее существованіе его школы.

Въ 1854 году Ступинъ, не взирая на свои 78 лѣтъ, снова поѣхалъ въ Петербургъ, и эта поѣздка уже была послѣднею, ибо 31-го іюля 1861 года Ступинъ умеръ въ Арзамасѣ, на 85 году своей жизни.

Любовь къ труду, и неутомимая дѣятельность на пользу отечества, вотъ отличительныя черты характера А. В. Ступина.

VIII.

В. М. Максимовъ.

Среди художниковъ весьма многочисленны примѣры, когда люди путемъ самообразованія достигали большой извѣстности. Однимъ изъ такихъ самоучекъ является талантливый художникъ-жанристъ Василій Максимовичъ Максимовъ.

Тяжелъ и тернистъ былъ путь этого самоучки-художника, вышедшаго изъ народа. Родился онъ 17-го января 1844 года, въ крестьянской семьѣ, Петербургской губерніи, Новоладожскаго уѣзда, деревни Лапино.

Отецъ его, дѣловитый и трезвый мужикъ, любилъ читать „Часы“, „Апостола“ и въ свободное время обучалъ сына грамотѣ.

Максимовъ росъ ребенкомъ тихимъ, вдумчивымъ и любознательнымъ, заслушиваясь разска-

зовъ. странниковъ и прохожихъ, возвращавшихся съ заработковъ и останавливавшихся въ ихъ избѣ на ночлегъ; въ долгіе лѣтніе вечера онъ любилъ часами одинъ просиживать на высокомъ берегу Волхова, мечтая и забывая о сверстникахъ и играхъ.

Мать его, строгая и домовитая хозяйка, оставшись послѣ смерти мужа главой семьи, опредѣлила сына въ школу при сосѣднемъ монастырѣ, а, умирая, когда ему шелъ лишь восьмой годъ, поручила заботамъ старшаго брата.

Школа эта помѣщалась въ упраздненной монастырской банѣ, а учителемъ былъ дьякъ, сосланный на покаяніе. Дѣти изъ окрестныхъ селъ являлись въ школу для занятій со своими свѣчами, обучались грамотѣ, церковному пѣнію, топили печи, подметали полы и подъ руководствомъ своего наставника сѣкли провинившихся товарищей. Подобныя тѣлесныя наказанія послужили Максимову сюжетомъ для перваго наброска, — настолько удачнаго, что учитель узналъ себя, и дебютирующій художникъ былъ нещадно наказанъ розгами.

По окончаніи „курса“, Максимовъ остался пѣвчимъ въ томъ-же монастырѣ; занимаясь урывками рисованіемъ, онъ жадно читаетъ случайно попадающіяся ему книги, но, убѣдившись, что здѣсь онъ ничему не научится, покидаетъ монастырь и проситъ брата отдать его къ мастеру въ Петербургъ. Его желаніе исполнено.

Найденъ подрядчикъ - иконописецъ, которому Максимовъ и закрѣпощается по контракту. Но не легко было здѣсь начинающему художнику: спитъ онъ на полу, считая за роскошь подстилку изъ войлока, убираетъ мастерскую, грунтуетъ доски, растираетъ краски, состоитъ на побѣгушкахъ у хозяина, у его мастеровъ и домашнихъ и, не досыпая, не доѣдая, истощаясь непосильной работой, доходитъ до того, что засыпаетъ, сидя за работой, пробуждаемый побоями.

Но не эта жизнь каторжника доводитъ его до отчаянія, а то, что его ничему не учатъ, не даютъ возможности даже самостоятельно, урывками, работать. Не выдержавъ такой жизни, Максимовъ убѣгаетъ отъ хозяина и, пользуясь пріѣздомъ земляка, уѣзжаетъ съ нимъ въ лодкѣ домой, помогая за проѣздъ грести и, гдѣ нужно, тянуть бечеву.

Однако этотъ первый жестокій опытъ не убиваетъ въ мальчикѣ его стихійнаго влеченія къ живописи, не ослабляетъ его энергіи. И вотъ на двѣнадцатомъ году онъ снова въ Петербургѣ, гдѣ случайно знакомится съ иконописцемъ Ярыгинымъ, у котораго есть помощникъ, вольнослушатель Академіи, Зрачковъ, но нѣтъ ученика. Вновь заключается контрактъ на пять лѣтъ, причемъ вновь начинается почти та-же каторжная жизнь, что и у прежняго хозяина.

Но здѣсь его учатъ: даютъ рисовать съ оригиналовъ и гипса, копировать красками съ хорошихъ образцовъ, позволяютъ компоновать, рисовать съ натуры, посѣщать воскресные рисовальные классы, ходить по соборамъ, гдѣ онъ видитъ хорошую живопись; у хозяина онъ иногда встрѣчается съ художниками и пользуется ихъ случайными совѣтами. Все это даетъ ему силы переносить лишенія, трудъ, такую тяготу жизни, которая давно бы убила и озлобила всякаго другого ребенка, но Максимовъ былъ стоекъ: онъ благословляетъ судьбу и дѣлаетъ такіе успѣхи, что скоро замѣняетъ мастера, и только его работами держится вся мастерская.

Наконецъ, срокъ ученія конченъ. На семнадцатомъ году художникъ вступаетъ въ „новую жизнь,“ становится самостоятельнымъ, живетъ въ собственной комнатѣ за 3 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, запасается собственными заказами, которые даютъ ему возможность не умереть съ голоду, и усиленно готовится въ Академію Художествъ.

Въ 1862 году онъ успѣшно выдерживаетъ экзаменъ, но поступить въ Академію ему удается только 7-го января 1863 года.

Здѣсь опять таже голодная жизнь, когда обѣдъ въ съѣстной лавкѣ кажется роскошью. Но теперь все это переносится не только легко, но радостно, вознаграждается возможностью отдаваться любимому дѣлу, блестящими успѣхами въ Академіи, гдѣ Максимовъ сразу выдѣляется на-ряду съ такими товарищами, какъ Рѣпинъ, Семирадскій, Полѣновъ и другіе.

Въ 1864 году онъ получилъ малую серебряную медаль за этюдъ съ натуры, а въ 1865 году за картину „Больное дитя", выставленную на академической выставкѣ, Максимовъ получилъ золотую медаль.

Невѣроятно быстро, всего въ три года, пройденъ академическій курсъ. Теперь оставался только конкурсъ на заграничную поѣздку, но онъ отъ него уклонился.

Не выходя на конкурсъ и получивъ въ 1866 году дипломъ на званіе класснаго художника, Максимовъ радуется своей независимости, пріобрѣтеннымъ знаніямъ и возможности всецѣло посвящать свои силы тому, для чего онъ жилъ, терпѣлъ всѣ муки цехового ученія, голодалъ и страдалъ.

Окрыленный надеждами и вѣрой въ свои силы, съ нѣсколькими десятками рублей, вырученными за проданныя картины, онъ уѣзжаетъ въ деревню и поселяется у брата въ свободной избѣ, живетъ крестьянской жизнью и, наряду съ этюдами и небольшими картинами, работаетъ надъ большой картиной „Бабушкины сказки".

Здѣсь-же онъ знакомится съ живущимъ по сосѣдству семействомъ генерала Измайлова, дочь котораго, Лидія Александровна, вскорѣ становится его женою.

Картина „Бабушкины сказки", удостоенная пре-

міи въ Обществѣ Поощренія Художествъ и пріобрѣтенная Третьяковымъ, имѣла успѣхъ, который достигъ еще большей силы съ появленіемъ въ 1875 году „Прихода колдуна на свадьбу".

Эта новая картина — одно изъ самыхъ крупныхъ, значительныхъ произведеній русской живописи — сразу создала автору имя, громкую, заслуженную славу и принесла званіе академика.

Максимовъ ободренный успѣхомъ и на время обезпеченный матеріально, дѣятельно принимается за новую работу, и въ слѣдующемъ 1876 году появляется его „Семейный раздѣлъ", а черезъ три года — „Бѣдный ужинъ", спустя еще три года — „Больной мужъ", и только черезъ семь лѣтъ — „Все въ прошломъ", самая популярная и всѣми излюбленная картина, прославившая художника такъ-же, какъ его первыя произведенія.

На послѣднихъ Передвижныхъ выставкахъ, участникомъ которыхъ Максимовъ былъ съ основанія общества, заслуживаетъ особеннаго вниманія „Лихая свекровь", написанная въ 1893 году; она напоминаетъ о прежнемъ художникѣ, а остальныя свидѣтельствуютъ уже объ угасающемъ, надорванномъ талантѣ, напрягающемъ всѣ свои послѣднія силы.

Въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ чувствуется угасаніе его творчества. Съ 1906 года Максимовъ уже больше своихъ картинъ не выставлялъ.

Обремененный семьей, онъ не переставалъ нуждаться даже въ самый блестящій періодъ своего успѣха, но затѣмъ нужда становилась все ощутительнѣе, острѣе. Съ 1907 года — больной, усталый, забытый — художникъ уже не можетъ работать и живетъ исключительно на получаемые 50 руб. ежемѣсячнаго пособія отъ Общества Поощренія Художествъ, — все болѣе и болѣе уходитъ отъ жизни, пока измученная душа не разсталась съ тѣломъ.

Онъ умеръ 17-го ноября 1911 года и похороненъ на родинѣ, въ деревнѣ, гдѣ протекли его дѣтство и большая часть тяжкой трудовой жизни.

IX.

Л. В. Поповъ.

Талантливый художникъ-самоучка Лукіанъ Васильевичъ Поповъ родился въ бѣдной крестьянской семьѣ, въ Оренбургской губерніи. Грамотѣ учился онъ всего одинъ годъ въ городскомъ училищѣ, а затѣмъ, на тринадцатомъ году жизни, будущій художникъ былъ отданъ родителями „въ мальчики“ въ писчебумажный магазинъ и тамъ, увидѣвъ картинки, сталъ и самъ рисовать. Благодаря помощи и поддержкѣ участливаго хозяина магазина, Поповъ имѣлъ случай отправиться въ Петербургъ, гдѣ, поступивъ на приказчичью службу, на восемнадцатомъ году получилъ возможность начать учиться рисованію.

Благодаря личной энергіи, онъ попалъ въ школу Общества Поощренія Художествъ и проучившись три года, былъ принятъ вольнослушателемъ въ Императорскую Академію Художествъ. Тамъ онъ постудилъ въ классъ извѣстнаго жанриста проф. В. Е. Маковскаго, который принялъ въ немъ живѣйшее участіе и началъ съ нимъ усиленно заниматься. Въ это время Поповъ блестяще дебютировалъ своими работами жанроваго характера: „Затопило“, „На новыя мѣста“ и „Встрѣча чудотворной иконы“.

Первыя картины Попова, выставленныя на Передвижной выставкѣ, были: „Встрѣча“ и „Дѣти“, пріобрѣтенныя Академіей Художествъ. Онѣ имѣли вы-

дающійся успѣхъ; съ этого времени Поповъ сталъ каждый годъ появляться на выставкахъ передвижниковъ.

Окончивъ блестяще Академію Художествъ, Поповъ за картину „Тихо“, выставленную на конкурсѣ, былъ посланъ за границу, для усовершенствованія, а послѣ отчета о своей поѣздкѣ онъ получилъ еще двѣ заграничныя командировки.

За этотъ періодъ имъ были написаны картины: „Защита“, „Своя компанія“, „Ходоки на новыя мѣста“, „Гдѣ же истина?“ „До зари“, „Наборъ“ и много другихъ.

По семейнымъ обстоятельствамъ Поповъ былъ вынужденъ поселиться въ Оренбургѣ и служить учителемъ рисованія въ мѣстномъ кадетскомъ корпусѣ.

Въ послѣдніе годы Поповъ былъ избранъ академикомъ и получилъ приглашеніе занять каѳедру въ Академіи, но снова по семейнымъ обстоятельствамъ вынужденъ былъ отказаться.

Поповъ отличался большой продуктивностью, и имъ написано весьма много картинъ. Смерть положила конецъ его дѣятельной и еще молодой жизни, — онъ умеръ 7-го мая 1914 года въ самый разцвѣтъ творческихъ силъ и таланта: ему не было и сорока лѣтъ.

X.

Л. А. Сѣряковъ.

Извѣстный граверъ на деревѣ Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ, сынъ крѣпостного крестьянина, родился въ Костромской губерніи въ 1824 г. Семи лѣтъ Сѣряковъ уже довольно бойко научился читать и писать, а спустя нѣсколько времени онъ

поступилъ кантонистомъ въ хоръ пѣвчихъ при полку принца Оранскаго.

Въ апрѣлѣ 1838 года Сѣряковъ прибылъ въ Псковскій полубаталіонъ военнымъ кантонистомъ. Здѣсь его, за хорошій почеркъ, назначили писцомъ въ канцелярію, а за прекрасный голосъ опредѣлили въ хоръ пѣвчимъ, и кромѣ того онъ долженъ былъ являться на ротныя ученія и посѣщать классы въ школѣ.

Кантонистовъ приготовляли, главнымъ образомъ, въ писаря и въ учебные карабинерные полки, откуда уже они разсылались, какъ образцы, по всей арміи унтеръ-офицерами.

Спустя два года послѣ прибытія Сѣрякова въ Псковъ, вышелъ приказъ о зачисленіи его въ рангъ рядового солдата, учителемъ рисованія и ариѳметики въ полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ, въ виду основательнаго знанія имъ алгебры, геометріи и успѣховъ въ рисованіи. Прослуживъ около пяти лѣтъ въ Псковѣ, Сѣряковъ былъ переведенъ въ Петербургъ писаремъ въ департаментъ военныхъ поселеній. Здѣсь его судьба сразу измѣнилась. Въ 1845 году онъ былъ назначенъ топографомъ и весь свой досугъ посвящалъ рѣзьбѣ ножемъ на деревѣ.

Однажды случай помогъ Сѣрякову познакомиться съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, который, узнавъ, что Сѣряковъ гравируетъ перочиннымъ ножомъ на деревѣ, далъ ему рекомендацію къ извѣстному писателю того времени Н. В. Кукольнику.

Заручившись рекомендательнымъ письмомъ отъ Одоевскаго, Сѣряковъ отправился къ Кукольнику. Несторъ Васильевичъ принялъ его съ распростертыми объятіями и тутъ-же далъ ему массу заказовъ для своей „Иллюстраціи“ и вскорѣ выхлопоталъ устройство его въ Академію.

Громадные успѣхи Сѣрякова и тутъ обратили на себя вниманіе. Въ 1853 году Сѣряковъ первый

пожелалъ по программѣ выгравировать на деревѣ „Голову старика“ съ картины Рембрандта и выполнилъ гравюру очень удачно, отъ его работы всѣ были въ восторгѣ, и онъ получилъ званіе свободнаго художника. Говорили даже, что за выставленную имъ гравюру ему хотѣли дать званіе академика; но оказалось невозможнымъ возвести солдата-топографа прямо въ чинъ IX класса.

По окончаніи академіи Сѣрякову дали заграничную командировку въ Парижъ; работая въ ателье, совершенствуясь въ гравированіи, онъ сталъ получать большіе заказы.

Чѣмъ больше жилъ Сѣряковъ въ Парижѣ, тѣмъ болѣе ему нравился этотъ городъ, и онъ на всю жизнь сохранилъ отрадное воспоминаніе о Франціи, гдѣ умѣли цѣнить его труды.

Слишкомъ пять лѣтъ прожилъ Сѣряковъ за границей. Въ февралѣ 1863 года онъ простился съ Парижемъ, объѣхалъ Швейцарію, Италію и Германію, а въ концѣ года вернулся въ Петербургъ и въ сентябрѣ 1864 года выставилъ свои работы въ Академіи. За нихъ ему дали званіе академика гравированія на деревѣ. Это былъ первый случай съ тѣхъ поръ, какъ существовала русская Академія Художествъ.

Изъ работъ его рѣзца особенно замѣчательны гравюры для „Русской Старины“, портреты: „Рябинина“, „Бирона“, „Пугачева“, „Лопухиной“, „Грибоѣдова“, рисунки старинныхъ модъ и другія, помѣщенныя въ 1875 году въ „Русской Старинѣ“.

Послѣдніе годы жизни Сѣрякова не представляютъ особенно выдающихся фактовъ, интересныхъ для повѣствованія; гравюры его работы, появлявшіяся въ различныхъ изданіяхъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей до 1881 года, хорошо извѣстны всѣмъ интересующимся этимъ родомъ искусства и доставили ему славу.

XI.

А. Д. Даниловъ.

Въ музыкальномъ мірѣ есть такъ-же немало композиторовъ-самоучекъ; однимъ изъ нихъ является петроградскій рабочій Арсеній Даниловичъ Даниловъ.

Родился онъ 27-го февраля 1871 года, въ крестьянской семьѣ, Тверской губерніи и уѣзда, въ дер. Вески. Отецъ его былъ фабричный. Сначала Даниловы жили въ Твери, а потомъ перебрались въ Петербургъ, гдѣ и отдали своего двѣнадцатилѣтняго сына въ ученье на фабрику музыкальныхъ инструментовъ Кеблиха.

Много горя пришлось перетерпѣть мальчику на фабрикѣ, ибо нерѣдко ему приходилось испытывать на себѣ ругань и побои, которыя однако не вышибли въ немъ любознательности и стремленія сдѣлаться хорошимъ мастеромъ. Присматриваясь къ разнымъ духовымъ инструментамъ, онъ началъ учиться играть на нихъ, чтобы имѣть возможность настраивать, и добился своего. Читать ноты онъ выучился отъ кантонистовъ и солдатъ-музыкантовъ, а затѣмъ самоучкой сталъ играть на тромбонѣ и роялѣ.

Даниловъ такъ пристрастился къ музыкѣ, что рѣшилъ, во что-бы то ни стало, стать музыкантомъ, и вотъ онъ выбираетъ себѣ тромбонъ и начинаетъ на немъ учиться играть, чтобы лучше развить слухъ. Черезъ этотъ инструментъ онъ безплатно попадаетъ учиться въ Консерваторію.

Однако въ консерваторіи Даниловъ пробылъ недолго, всего только одну зиму, а потомъ ему пришлось ее оставить, ибо учиться ему пришлось сразу по всѣмъ предметамъ, особенно же ему

было трудно одолѣть сольфеджіо*) и рояль, какъ обязательный предметъ, а у него рояля не было да и достать было негдѣ. Покойный профессоръ Лядовъ за эти предметы и элементарную теорію ему ставилъ два бала не переходные. Изъ-за этого Данилову пришлось покинуть Консерваторію. Послѣ этого онъ совершенно оставилъ духовой инструментъ и принялся съ большимъ рвеніемъ и самоотверженіемъ изучать музыку и даже рѣшилъ самъ попробовать сочинять.

Скопилъ онъ кое-какъ денегъ на старенькое піанино, накупилъ книгъ по теоріи музыки и засѣлъ. Много времени ему пришлось заниматься изученіемъ, а затѣмъ уже творчествомъ, нѣсколько лѣтъ онъ сидѣлъ за нотами и написалъ вещи, достойныя вниманія.

Закончивъ нѣсколько своихъ произведеній, Даниловъ пошелъ къ разнымъ знатокамъ музыки съ просьбой посмотрѣть. Брали они и щелкали по тетрадямъ пальцами со словами: — „Хорошая вещь. . . Оригинальная вещь. Вы у какого профессора учились?“ И лишь только узнавъ, что онъ рабочій-самоучка и ни у кого не учился, такъ сейчасъ-же начинали говорить, что музыка-серьезная вещь, и что ей десятки лѣтъ учатся, чтобы добиться толку, а сами помощи ему все-же не оказывали.

Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Черезъ 12 лѣтъ безпрерывнаго труда безъ руководителей, Даниловъ случайно попадаетъ къ дирижеру Шереметьевскаго оркестра, г. А. Б. Хессину, съ просьбой исполнить написанную имъ большую увертюру-симфонію подъ названіемъ „Петроградъ“, которая

---

*) Сольфеджіо — упражненіе въ пѣніи, при которомъ названіе нотъ произносится вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ имъ звукомъ.

была закончена Даниловымъ въ 1911 году и нѣсколько романсовъ для голоса.

Графъ Шереметьевъ, узнавъ объ этомъ выдающемся человѣкѣ, охотно согласился на просьбу Данилова и настолько заинтересовался имъ, что предоставилъ въ его распоряженіе весь свой оркестръ безвозмездно.

Концертъ Данилова состоялся въ маѣ 1915 года и имѣлъ большой успѣхъ. Дирижировалъ самъ композиторъ-самоучка. Была исполнена увертюра-симфонія „Петроградъ“ и нѣсколько вокальныхъ номеровъ съ участіемъ солистокъ и солистовъ: г-жъ Бѣлявской, Тимофеевой, г. г. Куклина и Селиванова.

Много пришлось приложить стараній г. А. Б. Хессину надъ приведеніемъ въ порядокъ твореній самоучки-композитора, который на концертѣ такъ изумилъ людей „музыкальной муштровки“ своими произведеніями.

А. Д. Даниловъ всѣ свои досуги посвящаетъ музыкѣ и не очень давно закончилъ вторую свою симфонію. Кромѣ свѣтской музыки, Даниловъ написалъ и хоры духовные: „Тебѣ поемъ“ и „Херувимскую пѣснь“.

Много трудовъ еще предстоитъ этому самородку, чтобы преодолѣть всѣ тернія чтобы выбраться на ровную и твердую дорогу.

Живетъ онъ съ семьей трудами рукъ своихъ, до сихъ поръ работая на фабрикахъ и заводахъ.

Въ настоящее время онъ пишетъ большую оперу.

Писатели-прозаики и поэты.

I.

Г. С. Сковорода.

Народный украинскій философъ и поэтъ Григорій Саввичъ Сковорода родился въ Малороссіи, Кіевскомъ намѣстничествѣ, въ селѣ Чебоксарахъ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ 1722 году. Отецъ и мать его были простые казаки — хлѣбопашцы.

Съ дѣтскихъ лѣтъ Сковорода обнаруживалъ особенную любовь къ чтенію, и отецъ отдалъ его учиться въ Кіевскую духовную академію, гдѣ онъ воспитывался вмѣстѣ съ Самуиломъ Мисловскимъ, впослѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ.

За хорошій голосъ и музыкальныя способности Сковорода былъ взятъ въ Петербургъ въ число пѣвчихъ придворной капеллы; въ то время царствовала Императрица Елизавета Петровна.

Во время пребыванія въ придворной капеллѣ Сковорода сложилъ мотивъ „Херувимской пѣсни", который и теперь употребляется во многихъ церквахъ Украйны. Кромѣ того, имъ сочинены торжественный напѣвъ „Христосъ Воскресе" и „Воскресенія день", который принятъ во всей Россіи.

Пробывъ въ капеллѣ около двухъ лѣтъ, Сковорода вернулся обратно въ Кіевъ и продолжалъ учиться въ духовной академіи. За шесть лѣтъ

своего пребыванія тамъ, Сковорода пріобрѣлъ большія познанія въ разныхъ наукахъ — но не отъ учителей, которые сами знали мало, а путемъ самоусовершенствованія, путемъ чтенія всевозможныхъ книгъ.

Отецъ Сковороды желалъ, чтобы сынъ его сдѣлался священникомъ, но Григорій Саввичъ совершенно не чувствовалъ расположенія къ духовному званію, а потому, не кончивъ курса, вышелъ изъ училища. Ему хотѣлось побывать за границей, въ чужихъ краяхъ.

Отправившись въ путешествіе, онъ побывалъ въ Польшѣ, Австріи, Германіи и Италіи. Находясь за границей, Сковорода попрежнему старался расширять свои познанія и потому особенно охотно знакомился съ учеными людьми.

Вернувшись изъ-за границы на родину, своихъ родныхъ Сковорода уже не засталъ въ живыхъ; не обладая никакими средствами, которыя могли бы доставить ему возможность жить безъ труда, онъ подыскивалъ себѣ занятія, переходя съ мѣста на мѣсто и нерѣдко оставаясь безъ пищи и одежды.

Странствованіе стало его привычкой. Съ палкой въ рукахъ, еврейской Библіей въ сумкѣ и самодѣльной флейтой за поясомъ исходилъ онъ всю Малороссію и побывалъ въ Москвѣ.

Больше всего Сковорода любилъ уединеніе, предаваясь размышленію и созерцанію красотъ природы. Вставалъ онъ рано утромъ и шелъ встрѣчать зарю въ лѣсъ или въ поле. Во время этихъ уединенныхъ прогулокъ онъ размышлялъ о важнѣйшихъ вопросахъ жизни человѣческой: о Богѣ, о мірѣ, о человѣкѣ, объ истинной жизни. Онъ спалъ не больше четырехъ часовъ въ сутки, пищу принималъ только одинъ разъ въ день, вечеромъ, послѣ заката солнца, ѣлъ онъ только овощи, плоды и молочные продукты, а мяса и рыбы не ѣлъ вовсе.

Въ 1764 году Сковорода вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ и другомъ М. И. Ковалинскимъ поѣхалъ въ Кіевъ. Въ Кіево-Печерской лаврѣ онъ встрѣтился со многими знакомыми и товарищами по духовной академіи. Многіе изъ нихъ стали уговаривать Сковороду перейти въ монашество. „Будетъ тебѣ скитаться по свѣту! — говорили ему: — Пора тебѣ пристать къ берегу. Намъ извѣстны твои таланты; поступай въ монахи, святая лавра приметъ тебя, какъ свое чадо, ты будешь столпъ церкви и украшеніе обители.“ — „Ахъ, преподобные! — возразилъ съ жаромъ Григорій Саввичъ, — я столпотворенія собою не хочу увеличивать, довольно и васъ, столбовъ неотесанныхъ, въ храмѣ Божьемъ. Я вижу святость не въ ризѣ, а въ волѣ Божьей.“

Вскорѣ Сковорода покинулъ Кіевъ и вернулся назадъ, въ Харьковъ. Онъ не любилъ бывать въ обществѣ людей чиновныхъ и знатныхъ, гдѣ чувствовалъ себя неловко. Онъ больше всего любилъ бывать среди людей простыхъ, гдѣ можно быть откровеннымъ и чувствовать себя свободно. Если ему приходилось бывать въ большихъ собраніяхъ, онъ старался быть незамѣченнымъ и занималъ послѣднее мѣсто. Вполнѣ свободно онъ чувствовалъ себя только съ простымъ народомъ, изъ котораго вышелъ самъ и который сердечно любилъ. Развлеченіемъ его была музыка; онъ игралъ на скрипкѣ, флейтѣ, гитарѣ и гусляхъ.

Въ 1766 году Сковорода, будучи приглашенъ въ Харьковское училище для преподаванія юношамъ правилъ нравственности, написалъ сочиненіе о нравственности, которое и прочиталъ ученикамъ. Въ своихъ чтеніяхъ Сковорода старался дать юношамъ правильное понятіе о Богѣ и Его требованіяхъ отъ человѣка. Главная его мысль была та, что человѣкъ долженъ всѣми силами души стараться выполнить въ своей жизни требованія воли Божьей. Но начальство его нашло, что нѣкото-

рыя мысли Сковороды не сходятся съ ученіемъ православной церкви, и благодаря этому онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе и вынужденъ былъ покинуть педагогику.

Съ 1775 года Сковорода уже нигдѣ не имѣлъ постояннаго мѣста жительства, странствуя пѣшкомъ изъ одного мѣста въ другое съ двумя неизмѣнными спутниками — сумкой и флейтой, на которой игралъ во время пути свои фантазіи.

Кромѣ Библіи, въ сумкѣ онъ носилъ свои сочиненія — басни, стихи, философскія статьи и переводы классиковъ. Нѣкоторыя его пѣсни и духовные стихи долгое время были очень распространены среди простого народа, а украинскіе бродячіе пѣвцы, называемые „бандуристами“, и малороссійскіе слѣпцы распѣвали ихъ на большихъ дорогахъ и на ярмаркахъ.

Религіозныя сочиненія Сковороды были особенно распространены среди крестьянъ. Крестьяне съ большимъ интересомъ читали и переписывали его сочиненія; они пѣли составленные имъ духовные стихи, придерживаясь его-же напѣвовъ.

Кромѣ необыкновеннаго ума, Сковорода отличался еще и прозорливостью. Остановившись у одного помѣщика въ 40 верстахъ отъ Харькова, послѣ обѣда Сковорода пошелъ въ садъ. Погода была чудная, несмотря на позднее время года. Подъ вечеръ хозяинъ, безпокоясь о томъ, что Григорій Саввичъ долго не возвращался, пошелъ въ садъ искать его. Онъ нашелъ его подъ высокой развѣсистой липой, роющаго заступомъ узкую длинную яму, и на вопросъ помѣщика — „Что дѣлаешь?“ — отвѣтилъ: — „Пора, другъ, кончить странствіе, пора успокоиться“. . . „Полно тебѣ шутить!“ — сказалъ помѣщикъ и отвелъ его въ домъ. „Иду; но прежде буду просить тебя: пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя храмина“, — настаивалъ Сковорода.

Придя въ домъ, онъ снялъ свитку и, скрестивъ на груди исхудалыя руки, тихо скончался. Это было 29 октября 1794 года.

Незадолго до смерти онъ просилъ друзей не исполнять надъ нимъ церковныхъ обрядностей и уступилъ ихъ уговорамъ, только лишь „представляя совѣсть слабыхъ“. На своей могилѣ онъ просилъ сдѣлать такую надпись:

„Міръ ловилъ меня, но не поймалъ“.

Большая часть рукописей Сковороды хранится въ Харьковскомъ университетѣ. Сочиненія его „Асхань о познаніи себя“, „Начальная дверь къ христіанскому благонравію“ и другія философскія бесѣды имѣли большой успѣхъ.

Вся жизнь Сковороды заключалась въ размышленіяхъ о Богѣ, о смерти, о смыслѣ жизни и о любви къ ближнему, разрѣшеніемъ которыхъ онъ занимался.

Большинство сочиненій Г. С. Сковороды представляютъ собою разсужденіе о Богѣ и о человѣкѣ. Кромѣ разсужденій, онъ писалъ также басни и стихотворенія. Всѣ они отличаются искренностью и серьезностью содержанія. Его сочиненія замѣчательны тѣмъ, что во всѣхъ нихъ, отъ перваго до послѣдняго, нѣтъ ни одного противорѣчія. Одно сочиненіе дополняетъ и разъясняетъ другое; но ни въ одномъ нельзя найти ни одной мысли, которая противорѣчила бы мыслямъ, высказаннымъ въ другомъ сочиненіи.

Вотъ эта-то послѣдовательность и отсутствіе противорѣчій показываютъ то, что Сковорода глубоко вѣрилъ въ то, что проповѣдывалъ. Къ сожалѣнію, о проповѣднической дѣятельности Сковороды въ литературѣ мнѣ не пришлось встрѣтить никакихъ существенныхъ указаній.

II.

Ѳ. Н. Слѣпушкинъ.

Поэты-самородки, прошедшіе горнило самообразованія, весьма обильно украшаютъ страницы исторіи нашей литературы. Къ такимъ поэтамъ принадлежитъ и ярославскій крестьянинъ-стихотворецъ Ѳедоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ.

Слѣпушкинъ вышелъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ Е. В. Новосильцевой, урожденной графини Орловой. Предки Слѣпушкина носили прозвище Скударныхъ. Подъ старость дѣдъ Слѣпушкина, Семенъ Скударный, ослѣпъ, почему его сынъ и внукъ получили новое прозваніе — Слѣпушкиныхъ.

Родился Ѳ. Н. Слѣпушкинъ въ 1786 году въ деревнѣ Малое-Мочино, Ярославской губерни, Романовскаго уѣзда. Съ ранняго дѣтства у Слѣпушкина развилась любовь къ чтенію, которому обучалъ его, какъ умѣлъ, отецъ, принадлежавшій самъ къ числу людей, недалекихъ въ грамотѣ.

На девятомъ году послѣ смерти отца Слѣпушкина отдали къ какому-то московскому лавочнику, торговавшему съѣстными припасами, но, когда ему исполнилось 15 лѣтъ, онъ былъ взятъ въ имѣніе своей госпожи, для подмоги мельнику.

Въ 1803 году Слѣпушкинъ женился на дочери своего хозяина, старовѣра-раскольника, и вскорѣ, по увѣщаніямъ родни, перешелъ и самъ въ расколъ Въ этомъ-же году онъ ѣдетъ въ Петербургъ на заработки. Свою жизнь въ Петербургѣ Слѣпушкинъ описываетъ въ стихотвореніи: „Отчетъ въ трицатиосьмилѣтнемъ моемъ торговомъ хозяйствѣ.“ Изъ этого стихотворенія и записокъ Слѣпушкина видно, что на оставшіяся отъ дороги деньги, онъ купилъ на мытномъ дворѣ, для продажи, полпуда грушъ и отправился распѣвать: „по вареную грушу“, по улицамъ и переулкамъ столицы.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ расторопный и бережливый Слѣпушкинъ успѣлъ скопить нѣсколько десятковъ рублей, такъ что могъ завестись цѣлою лавочкой, которую и снялъ близь Александро-Невской лавры, откуда перебрался за Неву въ Ново-Саратовскую колонію. Тамъ онъ расширилъ свою торговлю, занимаясь также перевозомъ черезъ Неву. По прошествіи года, въ который онъ выручилъ до 800 руб., онъ выписалъ изъ деревни и жену.

Восемь лѣтъ прожилъ Слѣпушкинъ въ Ново-Саратовской колоніи, занимаясь торговлей и посвящая все свободное время чтенію и писанію стиховъ, къ чему побуждала его потребность высказывать свои мысли и чувства.

Въ 1809 году Слѣпушкинъ обратился отъ раскола къ православію, со всею семьею своею и тестемъ, бывшимъ 35 лѣтъ въ расколѣ.

Жители сосѣдней Рыбацкой слободы такъ полюбили Слѣпушкина, что, наконецъ, уговорили его перебраться къ нимъ, и Слѣпушкинъ въ 1812 году покинулъ Ново-Саратовскую колонію.

Однако, по переѣздѣ въ Рыбацкую слободу, ему суждено было вынести цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній. Въ 1819 году онъ лишился жены, оставшись съ восемью дѣтьми. Эта тяжелая потеря вызвала стихотвореніе: „Похороны жены поселянина“. Вслѣдъ за смертью жены и торговыя дѣла его разстроились.

Въ 1820 году, Слѣпушкинъ, желая, чтобы дѣти не остались безъ женскаго присмотра, женился во второй разъ, на дочери крестьянина Рыбацкой слободы.

Въ это время Слѣпушкинъ написалъ стихотвореніе: „Отвѣтъ моимъ землякамъ“, въ которомъ онъ оправдывается отъ нападковъ за стихо-

творство, говоря, что пишетъ стихи только въ свободное отъ торговыхъ дѣлъ время. Зато извѣстный писатель того времени. П. П. Свиньинъ ободрилъ его на этомъ поприщѣ и далъ благой совѣтъ описывать въ своихъ произведеніяхъ преимущественно сельскій бытъ, коротко знакомый крестьянину-стихотворцу.

Въ 1826 году вышло первое собраніе сочиненій Слѣпушкина подъ заглавіемъ: „Досуги сельскаго жителя". Императорская Россійская Академія присудила за эту книгу Слѣпушкину золотую медаль, съ надписью: „Приносящему пользу русскому слову", а Императоръ Николай Павловичъ наградилъ его почетнымъ кафтаномъ.

Послѣ этого крестьянина-стихотворца стали посѣщать и вельможи, и знаменитые писатели. Въ числѣ наиболѣе извѣстныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ Слѣпушкинѣ, былъ и нашъ великій поэтъ А. С. Пушкинъ, который подалъ ему мысль для стихотворенія „Конь и домовой".

Въ этомъ стихотвореніи разсказывается о томъ, какъ одинъ старикъ сталъ вдругъ замѣчать, что его любимый конь каждое утро бываетъ весь въ пѣнѣ, не ѣстъ и день ото дня худѣетъ. Сначала старикъ подумалъ, что это проказы домового, не любившаго гнѣдой шерсти; но когда, по совѣту кума, заглянулъ въ конюшню ночью, то открылъ, что на захирѣвшемъ гнѣдомъ разъѣзжаетъ сынокъ по посидѣлкамъ и только къ утру возвращается домой. Съ тѣхъ поръ вся хворость исчезла, и онъ попрежнему сталъ гладокъ и игривъ. Въ заключеніе Слѣпушкинъ прибавляетъ:

„И нынѣ тоже говорятъ,
Случится-ль гдѣ такое чудо,
Коню отъ домового худо,
А смотришь — конюхъ виноватъ".

Въ 1828 году стихотворенія Слѣпушкина вышли вторымъ изданіемъ, дополненнымъ новыми стихами; въ двухъ частяхъ. Въ 1830 году онъ напечаталъ свои „Четыре времени года", въ которыхъ описалъ жизнь поселянина. Затѣмъ, въ 1832 году, по представленіи Государю, стихотворенія Слѣпушкина на 30-е августа, въ день открытія памятника Александру I-му, была пожалована золотая медаль на александровской лентѣ. Въ 1834 году вышли „Новые досуги сельскаго жителя", а въ 1840 году издана Академіею вторая книга „Новыхъ досуговъ Ѳеодора Слѣпушкина". Наконецъ, въ 1847 году появляется его „Разсказъ дѣтямъ отца, бывшаго въ расколѣ перекрещиванцевъ".

Извѣстность Слѣпушкина, какъ писателя, помогла ему освободиться отъ крѣпостного состоянія. Выйдя изъ крѣпостной зависимости, Слѣпушкинъ записался въ купцы 3-й гильдіи и задумалъ выдѣлывать кирпичи, для чего и купилъ у общества селенія Славянки участокъ земли, на которомъ построилъ себѣ домъ и кирпичный заводъ, гдѣ выдѣлывалось въ годъ до семи милліоновъ кирпичей и работало триста рабочихъ.

Однако, несмотря на богатырское сложеніе, которымъ обладалъ Слѣпушкинъ, смерть неожиданно похитила его у семьи и общества.

Онъ умеръ 13-го іюня 1848 года, отъ холеры, 62-хъ лѣтъ отъ роду и похороненъ въ оградѣ, украшенной имъ рыбацкой церкви.

Сочиненія Слѣпушкина выдержали нѣсколько изданій, а стихотворенія „Жизнь за царя", „Конь и домовой" — помѣщены въ хрестоматіяхъ.

Хотя стихотворенія Слѣпушкина стоятъ несравненно ниже произведеній поэтовъ Кольцова, Никитина, Сурикова и Дрожжина, но и они имѣютъ свои неоспоримыя достоинства. Въ нихъ сочинитель, у котораго слово и дѣло никогда не расходилось, является тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ жизни:

опытнымъ наставникомъ, поучающимъ, въ часы досуга, своихъ сельскихъ собратій живою, бойкою рѣчью, въ которой проглядываетъ наблюдательность и свѣтится веселый, острый умъ, а порою и неподдѣльное чувство.

III.

А. В. Кольцовъ.

Въ началѣ прошлаго столѣтія по Руси раздались дивныя русскія пѣсни поэта-самоучки Алексѣя Васильевича Кольцова, чуднаго выразителя народной души. Этотъ выдающійся поэтъ-самородокъ, сынъ воронежскаго мѣщанина прасола, торговца скотомъ, родился 3-го октября 1809 года въ Воронежѣ. Отецъ Кольцова хотя и былъ человѣкъ зажиточный, но не заботился объ образованіи сына.

На десятомъ году жизни Кольцовъ подъ руководствомъ семинариста Серебрянскаго, выучился читать и писать, потомъ его отдали въ мѣстное уѣздное училище, да и тамъ онъ пробылъ всего 4 мѣсяца. Отецъ его нашелъ, что для сына полученныхъ знаній вполнѣ достаточно, и взялъ его изъ второго класса училища, чтобы помогалъ ему въ торговлѣ.

Отсутствіе школьнаго обученія Кольцовъ кое-какъ пополнялъ чтеніемъ книгъ, къ которымъ такъ пристрастился съ самаго ранняго дѣтства, что посвящалъ чтенію все свободное время, — даже то, которое ему приходилось проводить въ степи въ наблюденіи за стадами отца.

Приставленный отцомъ въ торговлѣ, Кольцовъ все-же продолжалъ украдкою учиться и читать, для

этого онъ доставалъ книги вездѣ, гдѣ только имѣлъ возможность.

Когда ему попались въ руки произведенія русскихъ поэтовъ, увлеченіе достигло въ Кольцовѣ высшаго предѣла — и онъ началъ, подражая имъ, и самъ писать стихи.

Вначалѣ попытки юнаго поэта были неудачными, однако съ помощью и указаніями Серебрянскаго, близко подружившагося тогда съ Кольцовымъ, изъ-подъ пера послѣдняго вскорѣ полились дивныя пѣсни о народномъ бытѣ и красотахъ природы, среди которыхъ выросъ поэтъ-самоучка.

Достигши совершеннолѣтія, Кольцовъ нѣсколько разъ бывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ по дѣламъ отца. Тамъ онъ познакомился со знаменитыми русскими писателями: Пушкинымъ, Жуковскимъ, Бѣлинскимъ и др.

Послѣ смерти своего друга Серебрянскаго, Кольцовъ сблизился съ сыномъ воронежскаго помѣщика, студентомъ московскаго университета Станкевичемъ, который и имѣлъ на Кольцова сильное и чрезвычайно хорошее вліяніе. Въ 1835 году, подъ покровительствомъ Станкевича, появилось первое изданіе стихотвореній Кольцова, которое и обратило вниманіе читающей публики на народнаго поэта и вызвало одобреніе такихъ великихъ людей, какъ Бѣлинскій, Пушкинъ и др.

Съ этого времени Кольцовъ серьезно предался занятіямъ поэзіей. Отцу поэта не нравились занятія сына стихами, и онъ требовалъ участія его въ торговыхъ дѣлахъ, но душа поэта все-же продолжала рваться къ высшимъ цѣлямъ.

Однако неблагопріятная домашняя обстановка жизни съ постояннымъ преслѣдованіемъ и упреками за стихотворенія, печальныя неудачи личной жизни, невозможность вполнѣ отдаться любимому дѣлу, — чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, — мучили душу поэта, расшатывая и его здоровье.

Наконецъ, какъ-бы въ дополненіе къ этимъ нравственнымъ страданіямъ, присоединяются и физическія: Кольцовъ тяжело заболѣлъ, и эта болѣзнь въ-конецъ подорвала его силы и привела преждевременно къ могилѣ. Умеръ Алексѣй Васильевичъ 29-го октября 1842 года, 33-хъ лѣтъ отъ роду.

Въ своихъ стихотвореніяхъ А. В. Кольцовъ воспѣваетъ степную и лѣсную природу, урожай, полевыя работы, мужицкое горе и радость, простые характеры, думы и чувства, порывы къ волѣ, счастью, свѣту и образованію.

Благодаря тому обстоятельству, что Кольцовъ почти всю жизнь провелъ въ общеніи съ природой и крестьянской жизнью, ибо ему часто приходилось по дѣламъ отца посѣщать деревни и подолгу проживать тамъ, онъ и умѣлъ въ краткихъ словахъ обрисовать различные моменты крестьянской трудовой жизни: посѣвъ, уборку хлѣба („Урожай"), сѣнокосъ („Косарь"), представить въ привлекательномъ видѣ крестьянина-пахаря („Пѣсня пахаря"), сурово осудить тунеядца („Что ты спишь, мужичекъ"), вызвать сочувствіе къ одинокому труженику („Раздумье селянина").

Вѣра въ свои силы, въ свой трудъ, бодрость духа, жизнерадостность, терпѣніе, вѣра во Всемогущаго Бога и надежда на Его помощь, — вотъ устои крестьянской жизни въ произведеніяхъ Кольцова.

По силѣ лирическаго таланта, по гармоничности сочетанія самобытной формы съ самобытнымъ содержаніемъ, по изумительному богатству роскошныхъ образовъ — пѣсни Кольцова безспорно занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской поэзіи.

Кольцовъ мастерски рисуетъ въ своихъ пѣсняхъ бытовую жизнь деревенскихъ парней, ихъ увлеченія, радости и горе, жалобы дѣвицъ, насильно вы-

даваемыхъ замужъ. Всѣ эти явленія деревенской жизни и переданы такъ талантливо и художественно Кольцовымъ.

Кольцовъ первый показалъ русскому образованному обществу настоящую жизнь крестьянина съ его лишеніями, радостями и съ его душевными качествами.

Но не даромъ дались эти пѣсни Кольцову. Прежде, чѣмъ найти свое истинное призваніе, ему пришлось пройти довольно трудный и тернистый путь неизбѣжныхъ блужданій и огорченій.

Кольцовъ тѣмъ и замѣчателенъ, что не только не далъ заглохнуть своему богато одаренному природному таланту, но, присоединивъ къ нему неустанную жажду самообразованія, саморазвилъ себя до такой степени, что потомки не перестанутъ никогда съ любовью произносить его имя, читая и перечитывая его сочиненія.

Пѣсня.

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети ты въ лѣса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-дѣвицы;
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску...

Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Передъ осенью.

Безъ нея ночью мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ,
Среди дня безъ огня
Ходитъ солнышко.

Безъ нея кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Безъ нея на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будетъ по-сердцу?

Что-жъ поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ!

Поэтъ.

Въ душѣ человѣка
Возникаютъ мысли,
Какъ въ дали туманной
Небесныя звѣзды...

Міръ есть тайна Бога,
Богъ есть тайна жизни;
Цѣлая природа —
Въ душѣ человѣка.

Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ...

Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину —
Великую драму,
Исторію царства.

Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ.

И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя.

Дивныя созданья
Мысли всемогущей,
Весь міръ передъ вами
Со мной исчезаетъ...

Пѣсня.

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.

Горемычной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдинъ любовью
Душа не согрѣта.

Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь —
Жалко съ нимъ проститься!

Доля-жъ, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время
Въ воду камнемъ пала?

Поднимись, что силы,
Размахни крылами:
Можетъ, наша радость
Живетъ за горами;

Если нѣтъ — у моря
Сядемъ да дождемся,
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!

Раздумье селянина.

Сяду я за столъ
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,

Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны, сохи,
Коня-пахаря. . .

Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ талантъ —
Силу крѣпкую;

Да и ту, какъ-разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

IV.

Т. Г. Шевченко.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился 25-го февраля 1814 г. въ селѣ Моринцахъ, Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда. Сынъ крѣпостного крестьянина и самъ крѣпостной, онъ въ теченіе всей своей жизни оставался вѣрнымъ народу, воспѣвая его судьбу, его бытъ и тяжкій гнетъ его жизни.

Въ дѣтствѣ Шевченко, послѣ рано умершей матери, былъ отданъ въ ученье къ дьячку, который часто билъ мальчика, — затѣмъ онъ пасъ свиней, былъ поваренкомъ при барской кухнѣ, на обязанности котораго было выливать помои, мыть посуду и колоть дрова. Наконецъ, помѣщикъ Энгельгардтъ сдѣлалъ его „казачкомъ“, попросту говоря —

маленькимъ лакеемъ, и Шевченкѣ пришлось ѣздить съ бариномъ по Россіи.

Съ юныхъ лѣтъ у Шевченки была склонность къ живописи. Случайно замѣтивъ въ немъ эту способность и думая извлечь изъ него выгоды, помѣщикъ отдалъ его въ ученье къ извѣстному художнику-портретисту въ Варшавѣ, Ламми, но, спустя нѣкоторое время, переселилъ его въ Петербургъ, гдѣ и отдалъ его обучаться какому-то маляру.

Случайная встрѣча Шевченки съ землякомъ Сошенкой выручила будущаго поэта. Сошенко познакомилъ его съ писателями Жуковскимъ и Гребенкой и съ художниками Брюловымъ и Вениціановымъ. Съ ихъ помощью удалось выкупить Шевченку за 2.500 рублей въ 1830 году изъ крѣпостной зависимости и помѣстить въ Академію Художествъ.

Вотъ къ этому-то времени и относится поэтическая дѣятельность Шевченки. Онъ начинаетъ писать стихи на родномъ своемъ малорусскомъ языкѣ и въ 1840 году издаетъ сборникъ своихъ стихотвореній подъ названіемъ „Кобзарь“, который съ большимъ восторгомъ встрѣтили на Украйнѣ.

Поэзія Шевченки очень близка и понятна была народу, хотя въ его поэзіи нѣтъ радостныхъ и веселыхъ нотъ, но зато въ ней былъ призывъ къ свободѣ, всѣхъ и каждаго, несмотря на то, что онъ самъ былъ въ то время „невольникомъ“.

Шевченко за участіе въ Кирило-Мефодіевскомъ братствѣ, по доносу какого-то Петрова, подслушавшаго разговоръ его съ друзьями, — былъ въ 1847 году арестованъ и сосланъ рядовымъ въ Оренбургскій полкъ, съ запрещеніемъ писать и рисовать, ибо въ главную вину ему вмѣняли найденные при арестѣ стихи „преступнаго и гнуснаго содержанія“, которые вовсе и не предназначались имъ для печати.

Эта ссылка, продолжавшаяся болѣе 10-ти лѣтъ, тяжело подѣйствовала на здоровье Шевченки.

Въ 1857-омъ году онъ освободился и вернулся въ Петербургъ; хотя здоровье его уже было надломлено, но душа пылала той же любовью и той-же ненавистью.

Шевченко оказалъ громадное вліяніе на современниковъ. Его „Кобзарь", проникнутый искренней любовью къ народу, произвелъ цѣлый переворотъ. Даже въ глухихъ помѣщичьихъ углахъ, и то, пошли толки объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, о просвѣщеніи народа.

За это родина никогда не забудетъ такой заслуги своего неутомимаго вождя, пришедшаго въ міръ съ проповѣдью о томъ, что все и всѣ здѣсь рождены на счастье, братство и любовь, не на призрачное счастье, а на настоящее — на свѣтлое и радостное.

Какой громадный подъемъ духа былъ у нашего „кобзаря", разъ его мужества и бодрости не сломили ни темница, ни долгая разлука съ друзьями, ни долгіе житейскіе удары судьбы. Онъ, одинокій и забытый, все продолжалъ жить сладостной мечтой о счастьѣ всенародномъ — паденіи крѣпостного права.

Но все-же не суждено было Шевченкѣ увидѣть народъ освобожденнымъ, о чемъ онъ такъ страстно мечталъ. Умеръ онъ за нѣсколько дней до обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Зналъ онъ, что 19-го февраля манифестъ подписанъ, но все-же ему не пришлось увидѣть своихъ земляковъ не-рабами.

Умеръ Шевченко 26-го февраля 1861 года въ Петербургѣ, едва перешагнувъ порогъ своей студіи.

И вотъ — этотъ бывшій крѣпостной казачокъ, раскуривавшій трубку барину, нынѣ считается однимъ изъ величайшихъ славянскихъ поэтовъ.

Т. Г. Шевченко является первымъ народнымъ поэтомъ-самоучкой изъ крѣпостныхъ крестьянъ. Его поэзія столько-же близка и родственна великороссамъ, какъ и малороссамъ.

Въ заключеніе приведу нѣсколько его стихотвореній въ русскомъ переводѣ.

---

* * *

Отчего мнѣ тяжко, отчего мнѣ больно?
Отчего такъ сердце плачетъ и кричитъ,
Какъ ребенокъ малый? Чѣмъ ты недовольно,
Разскажи мнѣ, сердце! Что тебя томитъ?
Голодно ты что-ли, иль уснуть желаешь,
Чтобъ забыть неволю въ сторонѣ чужой? . .
Такъ усни навѣки и тогда не станешь
Биться ты и горя раздѣлять со мной.

---

* * *

За думою дума роемъ вылетаетъ;
Одна давитъ сердце, другая сжимаетъ,
А третья какъ будто тихо, тихо плачетъ
И съ собой всѣ слезы въ самомъ сердцѣ прячетъ.

Такъ кому-жъ я ихъ довѣрю,
И кому, тоскуя,
Въ сердцѣ спрятанную думу
Громко разскажу я?
Всѣ оглохли и поникли
Робко головою,
И никто понять не можетъ,
Другъ мой, насъ съ тобою.
До сѣдыхъ волосъ по свѣту
Намъ пришлось скитаться.
Что же дѣлать? Будемъ вѣкъ свой
Плакать и смѣяться.

---

* * *

Въ какомъ краю меня схоронятъ?
Гдѣ тлѣть судьбой мнѣ суждено?
Умру — никто меня не вспомнитъ,
Когда мнѣ счастья не дано!
Никто, хоть на смѣхъ, мнѣ не скажетъ:
„Покой ему въ землѣ сырой, —
Онъ только тѣмъ былъ, бѣдный, счастливъ,
Что рано кончилъ путь земной!“

Завѣщаніе.

Какъ умру я — схороните
На Украйнѣ милой;
Пусть курганъ въ степи широкой
Будетъ мнѣ могилой.
Мнѣ оттуда будутъ видны
Днѣпръ, луга и кручи;
Будетъ слышно, какъ волнами
Днѣпръ реветъ могучій...
Схоронивъ, соединитесь
Въ братствѣ вольномъ, новомъ
И меня не позабудьте
Вспомнить добрымъ словомъ!..

V.

Н. С. Цыгановъ.

Николай Степановичъ Цыгановъ родился въ Москвѣ въ началѣ перваго десятилѣтія прошлаго вѣка, въ мѣщанской семьѣ. На одиннадцатомъ году помѣщенный въ московское театральное училищѣ, онъ пробылъ въ немъ около восьми лѣтъ, послѣ чего былъ выпущенъ со званіемъ артиста императорскихъ театровъ.

Но не прошло и года, какъ всякаго рода непріятности и лишенія, сопряженныя съ положеніемъ

второстепеннаго актера, сдружили его съ неудачниками, привыкшими заливать свое горе въ отчаянныхъ попойкахъ, сгубившихъ не одно дарованіе. Все это, взятое вмѣстѣ, повлекло за собою разстройство здоровья и, въ концѣ-концовъ, свело Цыганова въ могилу. По свидѣтельству людей, знавшихъ его лично, это былъ человѣкъ веселый, и только въ тяжелыя минуты любившій заглушать свое горе въ шумномъ разгулѣ.

Эта печальная особенность, свойственная многимъ изъ самобытныхъ талантовъ нашихъ, отразилась и на пѣсняхъ Цыганова. Пѣсни свои сочинялъ онъ не вслѣдствіе внутренней потребности, а единственно для развлеченія себя и своихъ пріятелей. Первая мысль о сочиненіи пѣсенъ пришла ему въ голову на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ у извѣстнаго въ свое время драматурга князя Шаховского, гдѣ случайно былъ и Цыгановъ.

Рѣшившись испробовать свои силы на литературномъ поприщѣ, онъ избралъ для этой цѣли строй русскихъ народныхъ пѣсенъ.

Первыя пѣсни Цыганова были напечатаны въ „Литературномъ Кабинетѣ“, сборникѣ, составленномъ изъ трудовъ артистовъ императорскихъ московскихъ театровъ.

Наиболѣе извѣстными пѣснями Цыганова считаются: „Лежитъ въ полѣ дороженька“, „Ахъ, чарка моя, серебряная,“ „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ,“ „Охъ, болитъ, да щемитъ ретиво сердечко,“ „При долинушкѣ береза“, „Не кукушечка во сыромъ бору“; самыми же лучшими изъ его пѣсенъ въ художественномъ отношеніи являются: „По полю, полю чистому,“ „Полетай, соловушка“ и „Что ты рано, травушка“.

Цыгановъ во многихъ пѣсняхъ представляетъ черты русскаго быта въ вѣрныхъ и довольно рельефныхъ краскахъ, стихи его полны поэтической теплоты и задушевности. Въ пѣсняхъ: „Ахъ, чарка

моя, серебряная" и „Лежитъ въ полѣ дороженька" болѣе всего выражается личное чувство автора.

Умеръ Цыгановъ въ 1833-мъ году въ Москвѣ, въ совершенной бѣдности. Незадолго до смерти посвятивъ свои произведенія извѣстному драматическому артисту П. С. Мочалову, онъ въ своемъ посвященіи знаменитому трагику, между прочимъ, пишетъ слѣдующія строки:

„Ищите въ пѣсняхъ не стиховъ,
Не сладкихъ, кудреватыхъ словъ
Поэтовъ, баловней искусства:
Въ душевной скорби, въ простотѣ
Писалъ простого сердца чувства..."

И, дѣйствительно, пѣсни Цыганова отличаются главнымъ образомъ неподдѣльной простотою, задушевностью, и, кромѣ того, насквозь проникнуты истинно-русскимъ народнымъ духомъ.

Пѣсни Цыганова приходились всѣмъ по душѣ: ихъ заучивали и распѣвали во всѣхъ концахъ Россіи, однако нисколько не заботясь о томъ, кто выстрадалъ все это и потомъ сложилъ въ простыя безхитростныя пѣсни.

Поэтому имя Цыганова мало кому извѣстно: оно какъ-то исчезло въ народѣ, но зато народъ этотъ сохранилъ всѣ его пѣсни въ своей памяти, какъ святыню.

Пѣсни Цыганова были изданы дважды: первое изданіе вышло въ 1834 году въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Русскія пѣсни соч. Н. С. Цыганова," а второе въ 1857 году, тоже въ Москвѣ: „Собраніе сочиненій Н. Цыганова съ пріобщеніемъ новѣйшихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ С. Кораблевымъ."

Пѣсня.

Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ:
Не входи, родимушка,
Попусту въ изъянъ!
Рано мою косыньку
На двѣ расплетать!
Прикажи мнѣ русую
Въ ленты убирать!
Пускай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкія
Веселитъ собой!
То-ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться замужемъ
Охать да вздыхать?
Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего!
Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего!

— Дитя мое, дитятко,
Дочка моя милая!
Головка побѣдная,
Неразумная!
Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонко распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать:
Поблекнутъ на щеченькахъ
Маковы цвѣты;
Прискучатъ забавушки —
Стоскуешься ты!
А мы и при старости
Себя веселимъ:
Младость вспоминаючи,
На дѣтей глядимъ.
И я, молодешенька,
Была такова;
И мнѣ тѣ-же въ дѣвушкахъ
Пѣлися слова!

VI.

И. С. Никитинъ.

Прямымъ продолжателемъ Кольцова выступилъ другой народный пѣвецъ — содержатель постоялаго двора, Иванъ Саввичъ Никитинъ, сынъ воронежскаго мѣщанина-торговца. Родился онъ 21-го сентября 1824 года въ Воронежѣ.

Никитинъ выросъ въ тяжелой семейной обстановкѣ. Вѣчно пьяный отецъ издѣвался надъ своимъ сыномъ, да къ тому-же и ранняя утрата матери сильно повліяла на его характеръ. Никитинъ нѣкоторое время учился въ семинаріи, но вслѣдствіе разстройства дѣлъ отца долженъ былъ покинуть ее, не пройдя курса, и затѣмъ, поправивъ насколько было возможно отцовскія дѣла, завелъ постоялый дворъ, ставъ въ немъ и хозяиномъ, и дворникомъ въ одно и то-же время. Съ раннихъ лѣтъ Никитинъ почувствовалъ сильное влеченіе къ литературѣ, много читалъ книгъ русскихъ писателей, между которыми особенно любилъ Пушкина, Жуковскаго и Кольцова; увлекшись пѣснями послѣдняго, онъ и самъ сталъ писать стихи въ духѣ поэта-прасола. Въ тяжелой своей жизни Никитинъ находитъ единственное утѣшеніе въ поэзіи. Печатать свои стихи Никитинъ началъ съ 1853 года. Не обладая въ полной силѣ тѣмъ самобытнымъ лиризмомъ, которымъ дышетъ поэзія его предшественника Кольцова, онъ, тѣмъ не менѣе, подкупаетъ читателя силой и искренностью своего чувства. Скорбный стихъ Никитина, воспѣвающій горе крестьянское и низшаго городского населенія, живописующій ихъ бѣдность и темную долю, выливается прямо изъ нѣдръ его изстрадавшагося сердца. Поэтому-то вотъ и слышатся въ его произведеніяхъ почти однѣ и тѣ-же грустныя-тоскливыя ноты воспѣваемыхъ народныхъ печалей, прерываемыя лишь описані-

ями природы, выполненными съ рѣдкой художественностью и любовью.

Прочное основаніе его извѣстности положила поэма „Кулакъ", появившаяся въ печати въ 1856 году. Горе, изливаемое Никитинымъ въ стихахъ, дѣйствительно имъ-самимъ все выстрадано. Да и вся-то жизнь его очень небогата отрадными минутами. Постоянно Никитина угнетала то болѣзнь, то мелкая житейская суета изъ-за добыванія куска хлѣба, а это вѣдь плохіе спутники для радости.

Вотъ какъ Никитинъ охарактеризовалъ въ стихахъ свою жизнь:

Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь — молчаливая.
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Жизнь Никитина была кратковременна; онъ умеръ 37-ми лѣтъ отъ роду, 16-го октября 1861 года, въ Воронежѣ.

И. С. Никитинъ является пѣвцомъ бѣднаго люда. Онъ въ русской поэзіи съ поразительной силой и правдивостью первый разсказалъ намъ про такую жизнь, гдѣ всего меньше довольства, гдѣ всюду и вездѣ царитъ безпощадная власть нужды совмѣстно съ властью тьмы и невѣжества.

Но, несмотря на все это, нигдѣ мы не видимъ у Никитина осужденія, даже и тогда, когда онъ выводитъ въ своихъ стихотвореніяхъ семейныхъ самодуровъ и мелкихъ угнетателей. Онъ все-же не обвиняетъ лично ихъ, а обвиняетъ общія условія жизни.

Возьмемъ хотя-бы его извѣстную пѣсню „Ухарь-купецъ"; въ ней Никитинъ разсказываетъ, какъ продали родители проѣзжему купцу свою красавицу-дочку, — и тутъ поэтъ не осуждаетъ никого въ ней, а лишь только высказываетъ свое сожалѣніе по адресу бѣднаго люда.

Ознакомившись съ жизнью и стихами поэта, мы видимъ, что Никитинъ, всегда склонный къ трагизму, часто рисуетъ смерть и умираніе, иначе говоря, писалъ отходную самому себѣ. „Вырыта заступомъ яма глубокая“ — это стихотвореніе является однимъ изъ самыхъ лучшихъ въ народной поэзіи. Но поэтъ глубоко ошибается, думая, что „память о немъ никому не нужна“, наоборотъ, еще долго его скорбныя пѣсни будутъ распѣваться въ народѣ, возбуждая у всѣхъ сочувствіе къ тѣмъ безъ вины виноватымъ людямъ, которымъ выпалъ этотъ несчастный жребій:

„Мыкать горе, вѣкъ трудиться, нищимъ умереть.“

Умеръ Никитинъ, но зато не умерло его имя на страницахъ русской литературы.

---

* * *

Когда одинъ, въ минуты размышленья,
Съ природой я бесѣдую въ тиши,
Я вѣрю: есть святое Провидѣнье
И кроткій міръ для сердца и души;
И грусть свою тогда я забываю,
Съ своей нуждой безропотно мирюсь,
И небесамъ невидимо молюсь,
И пѣснь пою, и слезы проливаю...
И сладко мнѣ! И жаль мнѣ отдавать
На судъ людской восторги вдохновеній
И отъ толпы, какъ платы, ожидать
Пустыхъ похвалъ, иль горькихъ обвиненій.
Глухихъ степей незнаемый пѣвецъ,
Я нахожу въ моей пустынѣ счастье;
Своимъ слезамъ, какъ площадной слѣпецъ,
Стыжусь просить холоднаго участья.
Печаль моя застѣнчиво-робка,—
Въ родной груди скрываясь боязливо,
За пѣснь свою награды и вѣнка
Не требуетъ она самолюбиво.

Утро.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый цвѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь-безлюдье вокругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ, — на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ, — воду морщитъ, рябитъ.
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко-далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися, —
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ, разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ;
За морями ночлегъ свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ — пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа, отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

VII.

И. З. Суриковъ.

„Не проси отъ меня
Свѣтлыхъ пѣсенъ любви:
Грустны пѣсни мои,
Какъ осенніе дни!
Звуки ихъ — шумъ дождя,
За окномъ вѣтра вой;
То — рыданья души,
Стоны груди больной.

Такъ поетъ одинъ изъ вдохновенныхъ пѣвцовъ народной тоски и горя, столичной нужды и голытьбы, — поэтъ-крестьянинъ Иванъ Захаровичъ Суриковъ.

Суриковъ является истиннымъ поэтомъ, какихъ немного въ наше время. Читая и перечитывая его поэтическія произведенія, какъ-то невольно переносишься изъ шумныхъ и душныхъ городовъ въ тихія, привольныя степи; невольно замечтаешься о той красотѣ, которой нѣтъ имени, но которая сама собой понятна безъ словъ, какъ музыка...

Родился Суриковъ 25-го марта 1841 года въ деревнѣ Новоселово, Углицкаго уѣзда, Ярославской губерніи, гдѣ и провелъ свое раннее дѣтство. Онъ росъ и воспитывался въ темной крестьянской средѣ, на лонѣ природы, и окружающее имѣло безспорно сильное вліяніе на впечатлительнаго ребенка. Дѣтство Сурикова началось такъ-же, какъ начинается дѣтство каждаго деревенскаго мальчика. Бѣгая по улицѣ среди своихъ сверстниковъ и занимаясь ребячьими играми и шалостями, онъ незамѣтно вытянулся въ подростка.

Но недолго все-же пришлось рѣзвиться мальчику въ деревнѣ; на восьмомъ году отецъ, жившій тогда въ Москвѣ, взялъ его съ матерью къ себѣ, желая пріучить сына къ торговлѣ, такъ какъ самъ имѣлъ двѣ овощныхъ лавки.

Жили Суриковы сперва безбѣдно, имѣли и порядочное хозяйство. Но счастье измѣнчиво. Торговыя дѣла сильно пошатнулись; отецъ закрылъ обѣ лавки и переѣхалъ въ деревню, оставивъ жену съ сыномъ въ Москвѣ у дяди.

Отецъ Сурикова, послѣ этой неудачи, сильно затосковалъ, и, по свойственной многимъ людямъ слабости, — запилъ. Они обѣднѣли, нужда заставила ихъ жить въ подвалѣ съ разными горемыками и пропойцами. Суриковъ, будучи еще мальчикомъ, всматривался во все окружающее, прислушивался къ разнымъ разговорамъ о житьѣ-бытьѣ и сталъ понимать жизнь уже совсѣмъ не по-дѣтски.

Долго бѣдствовали Суриковъ съ матерью, пока снова не занялись торговлей — старымъ желѣзомъ

и углемъ. Въ этотъ промежутокъ времени И. З. познакомился съ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ, который поощрилъ Сурикова, заявивъ ему, что у него несомнѣнный талантъ. Это знакомство съ извѣстнымъ поэтомъ, его ласковое обращеніе и указанія сильно подняли духъ Сурикова и онъ сталъ внимательно относиться къ своимъ работамъ, и не напрасно, ибо въ 1863 году въ журналѣ „Развлеченіе“ появилось его первое стихотвореніе.

На 19-мъ году Суриковъ женился, женившись, онъ снова впалъ въ нужду и даже подумывалъ о самоубійствѣ. Впослѣдствіи эти страшныя минуты борьбы жизни съ невольнымъ желаніемъ смерти, онъ воспроизвелъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній — „На мосту“.

Ложь жизни, нищета и людская несправедливость привели поэта къ мысли у самоубійствѣ. Поэтъ палъ духомъ; руки его, уставшія въ борьбѣ, опустились; и вдругъ въ его въ памяти встаетъ дорогой образъ человѣка, который когда-то умѣлъ съ любовью поддерживать его бодрость и надежды. И онъ идетъ на могилу любимаго человѣка. Это посѣщеніе у него описано въ стихотвореніи „У могилы матери“.

„Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь въ землѣ сырой.
Я пришелъ къ твоей могилѣ
Съ горемъ и тоской“...

И вотъ, изливъ всю свою душу на дорогой могилѣ, онъ ободряется, и отчаяніе уже уступаетъ мѣсто жаждѣ жизни, и тогда поэтъ, согрѣтый былою любовью матери, смѣло опять выступаетъ на борьбу съ жизнью И уже дальше, въ томъ-же стихотвореніи, онъ пишетъ такъ:

„Съ неба дождикъ льетъ осенній,
Холодомъ знобитъ;
У твоей сырой могилы
Сынъ-бѣднякъ стоитъ,

Въ старомъ, рваномъ сюртучишкѣ,
Въ ветхихъ сапогахъ;
Но все также твердъ, какъ прежде,
Слезъ нѣтъ на глазахъ.
Знаютъ то судьба-злодѣйка,
Горе и бѣда, —
Что отъ нихъ твой сынъ не плакалъ
Въ жизни никогда.
Нѣтъ, въ груди моей горячей
Кровь еще горитъ.
На борьбу съ судьбой суровой
Много силъ кипитъ."

Многострадальный поэтъ народной тоски черпалъ въ своей любвеобильной душѣ силы, чтобы ободрять болѣе слабыхъ и менѣе выносливыхъ, чѣмъ онъ, писателей изъ народа. Въ своемъ стихотвореніи „Къ трудящемуся брату" онъ пишетъ слѣдующія ободряющія слова:

„Пусть громъ гремитъ надъ головою,
Но тучи черныя пройдутъ;
Все одолѣетъ сила духа,
Все побѣдитъ упорный трудъ".

Въ стихотвореніяхъ Суриковъ не только отражаетъ свое собственное горе и несчастія окружавшей его жизни, но нерѣдко переносится вдохновенной мыслью и къ былямъ родной старины, достигая въ поэтическомъ воспроизведеніи ихъ немалой степени совершенства. Таковы его: „Казнь Стеньки Разина", „Богатырская жена", „Терентій мужъ Даниловичъ" („Немочь"), „Удалой", „Садко", поэма „Василько" и нѣкоторыя другія произведенія въ этомъ родѣ, по праву могущія быть поставленными наряду съ былинами и сказаніями нашихъ лучшихъ эпическихъ поэтовъ.

Насколько любилъ Суриковъ литературу, это видно изъ того, какъ относился онъ къ поэтамъ-самоучкамъ. Онъ объединилъ вокругъ себя цѣлую группу такихъ писателей и предпринялъ большой товарищескій сборникъ „Разсвѣтъ", въ которомъ могли бы печататься самоучки. Одинъ такой

крестьянскій литературный сборникъ вышелъ; въ него вошли, кромѣ стихотвореній Сурикова, стихи и разсказы Кондратьева, Раззоренова, Дерунова, Козырева и многихъ другихъ.

Но, не разставаясь съ лишеніями въ тяжелой борьбѣ съ обстоятельствами жизни, Суриковъ скоро заболѣлъ чахоткой, отъ которой немало погибло русскихъ писателей въ расцвѣтѣ силъ и таланта.

И вотъ, 24-го апрѣля 1880 года, онъ умеръ. Схоронили поэта въ Москвѣ, на Пятницкомъ кладбищѣ.

Вотъ какіе стихи были написаны на смертъ Сурикова его младшимъ собратомъ по перу С. Д. Дрожжинымъ.

„Вешнее солнце пропало изъ глазъ,
Темная ночь наступила, —
Такъ передъ нами онъ, бѣдный, угасъ
Въ блѣскѣ таланта и силы.
Пой, терпѣливый, униженный людъ,
Пѣсни родного поэта, —
Въ нихъ воспѣвается честность и трудъ,
Слышится слово привѣта".

По мотивамъ большинства своихъ стихотвореній Суриковъ очень близко подходитъ къ поэзіи Кольцова и Никитина, отличаясь только задумчивостью и тихими примиряющими настроеніями.

---

* * *

Мнѣ доставались не легко
Моей души больные звуки.
Страдалъ я сердцемъ глубоко,
Когда слагались пѣсни муки.

Я въ пѣснѣ жилъ не головой,
А жилъ скорбящею душою, —
И оттого мой стонъ больной
Звучитъ тяжелою тоскою.

Труженикъ.

(Памяти А. В. Кольцова).

„Мнѣ грустно, больно, тяжело. . .
Что принесли мнѣ эти строки? —
Я въ жизни видѣлъ только зло
Да слышалъ горькіе упреки.

Вотъ трудъ прошéдшей жизни всей! . .
Тутъ много думъ и пѣсенъ стройныхъ.
Онѣ мнѣ стоили ночей,
Ночей безсонныхъ, безпокойныхъ.

Всегда задумчивъ, грустенъ, тихъ,
Я ихъ писалъ отъ всѣхъ украдкой,
И сталъ для ближнихъ я своихъ
Неразрѣшимою загадкой.

За искру чистаго огня,
Что въ грудь вложилъ мнѣ Всемогущій,
Они преслѣдуютъ меня
Своею злобою гнетущей.

Меня гнетутъ въ своей семьѣ,
Въ глуши родной я погибаю! . .
Когда-жъ достичь удастся мнѣ,
Чего такъ пламенно желаю?

Иль къ свѣту мнѣ дороги нѣтъ, —
За то, что я правдивъ и честенъ?“ —
Такъ думалъ труженикъ-поэтъ,
Склонясь съ тоской надъ книгой пѣсенъ.

Жизнь безъ свободы для него
Была тяжка, — онъ жаждалъ воли.
И надрывалась грудь его
Отъ горькой скорби и отъ боли.

Передъ собой онъ видѣлъ тьму,
Въ прошедшемъ — море зла лежало:
Но мысль безсмертная ему
Успокоительно шептала:

„На свѣтѣ ты для всѣхъ чужой,
Твой трудъ считаютъ за пустое,
Тебя все близкое, родное
Возненавидѣло душой.

„Но не робѣй! Могучей мысли
Горитъ свѣтильникъ предъ тобой.
Пусть тучи черныя нависли
Надъ терпѣливой головой, —

„Трудись и вѣруй въ дарованье:
Оно спасетъ тебя всегда;
Людская злоба — не бѣда
Для тѣхъ, кто чтитъ своепризванье.

„Пусть люди, близкіе тебѣ,
Съ тобою борются сурово:
Хотя погибнешь ты въ борьбѣ, —
Но не погубятъ люди слова.

„Придетъ пора, они поймутъ,
Что не напрасно ты трудился,
И тотъ, кто надъ тобой глумился,
Благословитъ твой честный трудъ!“

И мысли вѣровалъ онъ свято,
Переносилъ и скорбь, и гнетъ, —
И неуклонно шелъ впередъ
Дорогой жизни, тьмой объятой.

Упорно бился онъ съ судьбой,
И пѣсню пѣлъ въ часъ тяжкой муки.
И воплощалъ онъ въ пѣснѣ той
Всѣ стоны сердца, боли звуки.

И умеръ онъ, тоской томимъ,
Въ неволѣ, плача о свободѣ, —
Но пѣсня, созданная имъ,
Жива и носится въ народѣ.

---

* * *

Занялася заря, —
Скоро солнце взойдетъ.
Слышишь... чу! ..соловей
Щелкнулъ гдѣ-то, поетъ.

И все ярче, свѣтлѣй
Переливы зари;
Словно паръ надъ рѣкой
Поднялся, посмотри.

Отъ цвѣтовъ, на поляхъ,
Льется запахъ кругомъ,
И сіяетъ роса
На травѣ серебромъ.

Надъ рѣкой, наклонясь,
Что-то шепчетъ камышъ;
А кругомъ, на поляхъ,
Непробудная тишь.

Какъ отрадно, легко,
Широко дышетъ грудь!
Ну, молись-же скорѣй!
Ну, молись, да и въ путь!

Степь.

Ѣдешь, ѣдешь, — степь да небо,
Точно нѣтъ имъ края;
И стоитъ вверху, надъ степью,
Тишина нѣмая.

Нестерпимою жарою
Воздухъ такъ и пышетъ;
Какъ шумитъ трава густая,
Только ухо слышитъ.

Ѣдешь, ѣдешь, — какъ шальные,
Кони мчатся степью;
Вдаль курганы, зеленѣя,
Убѣгаютъ цѣпью;

Промелькнутъ передъ глазами
Двѣ-три старыхъ ивы, —
И опять въ травѣ волнами
Вѣтра переливы.

Ѣдешь, ѣдешь, — степь да небо, —
Степь, все степь, какъ море;
И взгрустнется поневолѣ
На такомъ просторѣ.

VIII.

С. Д. Дрожжинъ.

Ближе всего примыкаетъ къ покойному Сурикову и его поэзіи и понынѣ здравствующій поэтъ-пахарь Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ.

Родился Дрожжинъ 6-го декабря 1848 года въ бѣдной крестьянской семьѣ, въ деревнѣ Низовкѣ Твер-

ской губ. и уѣзда; учился онъ у сельскаго дьячка, а когда ему исполнилось 12 лѣтъ, онъ былъ увезенъ въ городъ, и это чудовище мяло чуткаго и идеальнаго мальчика, безпощадно мяло въ своей пасти. Въ Петербургѣ онъ служилъ то приказчикомъ у табачныхъ торговцевъ, то половымъ въ трактирахъ. Работалъ свыше силъ своихъ, а питался скверно и спалъ мало. Свое грошевое жалованье онъ посылалъ въ деревню роднымъ, а на получаемыя „чаевыя“ покупалъ себѣ книгъ у книгоношъ и читалъ, что называется, запоемъ и тѣмъ пополнялъ свое образованіе.

Онъ отдыхалъ и согрѣвалъ свою душу у свѣточей русской поэзіи. И вотъ, однажды, изъ этой души полились чудные звуки пѣсенъ труда и горя, пѣсенъ любви, вѣры и надежды на лучшее будущее.

Вотъ что пишетъ Дрожжинъ о своей минувшей жизни въ стихотвореніи „Изъ прошлаго“, которое приводится здѣсь полностью:

„Не мало времени прошло
Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ свѣтъ,
Съ мечтами отроческихъ лѣтъ
Мнѣ вспоминается село. —
Гдѣ я въ семьѣ своей узналъ
Всю горечь жизни и страдалъ
Въ неволѣ пламенной душой.
Какъ цвѣтъ, подрѣзанный косой,
Теряетъ сокъ и ароматъ,
Ничей не радуя ужъ взглядъ,
Лежитъ безжизненный, сухой,
И кромѣ праха отъ него
Не остается ничего, —
Такъ сгибли лучшіе года
Среди тяжелаго труда
И безпросвѣтной нищеты.
Вдругъ на семнадцатой веснѣ,
Въ вечерній часъ, явилась мнѣ,
Полна небесной красоты,
Царица пѣсенъ и мечты.
Я жилъ тогда въ краю чужомъ;
Съ волненьемъ въ сердцѣ молодомъ

Смотрѣлъ на счастіе другихъ.
И долго тамъ въ устахъ моихъ
Звучалъ горячій скорбный стихъ,
Въ которомъ я припоминалъ
Тогда всю боль прожитыхъ мукъ,
И съ болью сердца вызывалъ
Унылыхъ пѣсенъ каждый звукъ;
И разливался они
То робкимъ трепетомъ любви,
То вдохновенною мечтой
О счастьѣ родины святой.
И много было у меня
Въ груди и чувства, и огня,
Горячихъ юношескихъ грезъ,
Порывовъ радости и слезъ.
Я ничего не утаилъ, —
Все въ эти звуки перелилъ...
И вотъ, измученный, больной,
Съ печальной спутницей моей
Невозвратимыхъ грустныхъ дней
Вернулся я въ свой край родной
И сталъ пѣвцомъ людскихъ скорбей."

Свои стихи Дрожжинъ сталъ печатать съ 1873 года, сначала въ мало распространенномъ народномъ журналѣ „Грамотей", затѣмъ въ дѣтскихъ журналахъ „Семья и Школа", „Дѣтское Чтеніе", „Игрушечка", „Родникъ" и др. Мало-по-малу имя его становится извѣстнымъ, о новомъ поэтѣ-самородкѣ начинаютъ говорить въ печати, ему открываютъ свои страницы „толстые" ежемѣсячные журналы („Дѣло", „Русское Богатство" и др.). Популярность его возрастаетъ съ появленіемъ, по предложенію М. И. Семевскаго, въ его журналѣ „Русская Старина" автобіографіи С. Д. Дрожжина съ приложеніемъ цѣлаго ряда его стихотвореній.

Нынѣ живетъ Дрожжинъ въ своей родной деревнѣ Низовкѣ, красиво раскинутой на двѣ улицы по правому берегу рѣки Волги при впаденіи въ нее рѣки Шоши, гдѣ онъ провелъ все свое дѣтство и теперь неутомимо поетъ про красоту родной природы, своей родины и про ея страданія и радости.

Къ чести его надо сказать, что онъ и до сихъ поръ сохранилъ всѣ типичнѣйшія черты крестьянина-пахаря. Городъ не засосалъ Дрожжина, его всю жизнь тянуло изъ города въ деревню, къ природѣ, къ безхитростной крестьянской жизни и бодрому крестьянскому труду.

Поэзія Дрожжина осталась простой и чистой, какъ сама народная жизнь, и потому она близка душѣ крестьянина. Чередуя творчество съ полевыми работами, Дрожжинъ наслаждается скромнымъ и, быть можетъ, единственнымъ, истиннымъ счастьемъ на закатѣ своей жизни.

Л. Н. Толстой, такъ тяготѣвшій къ простой и ясной поэзіи, весьма сочувственно отзывался о пѣсняхъ Дрожжина и любилъ самого поэта, который при жизни Льва Николаевича бывалъ у него въ Хамовникахъ (въ его московскомъ домѣ).

Имя Дрожжина уже болѣе 40 лѣтъ пользуется извѣстностью въ печати; въ настоящее время оно очень популярно и числится на-ряду съ именами народныхъ поэтовъ Никитина и Сурикова.

Въ 1911 году Дрожжинъ получилъ отъ Императорской Академіи Наукъ премію въ 500 рублей имени М. Н. Ахматова за изданные сборники „Баянъ“, „Новыя русскія пѣсни“, „Завѣтныя пѣсни“ и Стихотворенія съ 1866—1888 г. 3-е изданіе. А въ 1915 году за сборникъ „Пѣсни стараго пахаря“, изданный въ 1913 г. съ портретомъ автора и статьею о его сочиненіяхъ А. А. Коринфскаго, онъ получилъ отъ Академіи Наукъ почетный отзывъ имени А. С. Пушкина.

Сочиненія Дрожжина, собранныя въ отдѣльные сборники, выдержали по нѣсколько изданій, а вновь выходящія печатаются въ лучшихъ современныхъ журналахъ.

Въ деревнѣ поэта зачастую посѣщаютъ многіе изъ его литературныхъ друзей и почитателей. Бывали въ Низовкѣ покойные Златовратскій и Н. А.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Бѣлоусовъ и много другихъ писателей.

Пріѣзжаютъ къ нему школьныя колоніи, учителя, любители-фотографы и начинающіе стихотворцы.

Кто только бывалъ и бываетъ у С. Д. Дрожжина, всѣ уходятъ — воодушевленные его бодростью духа, словоохотливостью и симпатичностью этого маститаго крестьянина-поэта, который, несмотря на свои 67 лѣтъ, все еще выглядитъ гораздо моложе. И у всѣхъ, кто только бывалъ у С. Д. Дрожжина, остается самое лучшее неизгладимое воспоминаніе о проведенномъ у него времени.

Дрожжинъ, давъ нѣсколько прекрасныхъ образцовъ литературнаго жанра пролетарской пѣсни „Пѣсни рабочихъ", громадное большинство своихъ стихотвореній посвящаетъ русскому крестьянину-пахарю, идеализируя сельскій бытъ. Бодрость, вѣра въ „міръ идеала" и необычайная теплота чувства характерныя черты дрожжинской пѣсни.

Свою музу Дрожжинъ характеризуетъ слѣдующими стихами:

„Моя муза родилась крестьянкой простой
И простымъ меня пѣснямъ учила,
Изъ деревни родной часто въ городъ большой
За собою пѣвца уводила.
Когда пѣли мы съ ней, то бѣднякъ забывалъ
Все, что въ сердцѣ его наболѣло,
Когда пашню пахалъ иль желѣзо ковалъ,
Съ этой, пѣсней работа кипѣла;
По селамъ, деревнямъ, по большимъ городамъ
Она тихою грустью звучала
И участье ко всѣмъ горемычнымъ людямъ
У счастливыхъ людей вызывала."

Крестьянскому труду Дрожжинъ посвящаетъ, между прочимъ, стихотворенія: „На сѣнокосѣ", „Въ страду", „Сонъ труженика", „Дума", „Двѣ поры", „Довольство крестьянина" и многія другія. Всѣ эти стихотворенія затрагиваютъ разныя стороны де-

ревенской жизни. Деревенское горе Дрожжинъ описываетъ въ стихотвореніяхъ „Пахарь“, „Смерть коня-пахаря“ и т. д.

Какъ Суриковъ, такъ и Дрожжинъ являются пѣвцами деревни и пѣвцами столицы. Оба они, по волѣ печально сложившихся обстоятельствъ и матеріальныхъ условій, были съ дѣтства оторваны отъ деревни и втиснуты въ городскія условія и обречены на борьбу, нищету и лишенія; вотъ поэтому-то и большинство ихъ стихотвореній полны выраженія мукъ и страданій.

Въ 1913 году 12-го декабря, въ Москвѣ, въ литературно-художественномъ кружкѣ, происходило чествованіе маститаго юбиляра, поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина по случаю исполнившагося 40-лѣтія его литературной дѣятельности.

Чествованіе юбиляра отличалось большой сердечностью, въ немъ принимали участіе: общество любителей россійской словесности, общество дѣятелей періодической печати и литературы, касса литераторовъ и ученыхъ, литературно-художественный кружокъ, общество „Среда“ и другіе.

Прибывшій С. Д. Дрожжинъ съ женой-старушкой былъ встрѣченъ дружными апплодисментами. Привѣтствовали юбиляра отъ общества любителей россійской словесности предсѣдатель общества А. Е. Грузинскій, отъ литературно-художественнаго кружка И. А. Бѣлоусовъ. Были прочитаны адреса отъ редакцій журналовъ и т. д. Много было получено на имя юбиляра привѣтственныхъ телеграммъ въ томъ числѣ и отъ В. Г. Короленко.

---

* * *

Много пѣсенъ у меня
Въ головѣ роится,
Много страсти и огня
На душѣ таится.

Да отъ думъ, печали злой
И нужды тяжелой
Не могу я ни одной
Пѣсни спѣть веселой.

---

* * *

Сгибла молодость и сила
На зарѣ туманныхъ дней,
Вьюга жизни убѣлила
Темный шелкъ моихъ кудрей.

На лицѣ, какъ цвѣтъ съ долины,
Красоту мою сожгла
И глубокія морщины
Ядомъ скорби провела.

Дѣва-ль милая плѣняла,
Или счастье впереди,
Все, какъ пламя, замирало —
Затаенное въ груди.

Только пѣсня, даръ небесный,
На крылахъ живой мечты
Уносила въ міръ чудесный
Вѣчно юной красоты.

---

* * *

Я для пѣсни задушевной
Взялъ лѣсовъ зеленыхъ шопотъ,
А у Волги въ жаръ полдневный
Темныхъ струй подслушалъ ропотъ.
Взялъ у осени ненастье,
У весны благоуханье,
У народа взялъ я счастье
И безмѣрное страданье.

Дума пахаря.

Шепчутся вѣтви кудрявой березы,
Съ листьевъ росинки спадаютъ, какъ слезы;
Солнышко съ синяго неба глядитъ;

Птичка щебечетъ и къ лѣсу летитъ;
Утренній вѣтеръ прохладою вѣетъ;
Травка, какъ шелкъ, на поляхъ зеленѣетъ;
Смотритъ съ межи василекъ голубой,
Пахарь тихонько идетъ за сохой, —
Весело думаетъ думу такую:
„Вотъ, какъ вспашу я полоску родную
„И, помолившись во храмѣ святомъ,
„Рыхлую землю засѣю зерномъ,
„Стану я новой весны дожидаться
„Лѣтомъ оно будетъ зрѣть, наливаться...
„Только пошли мнѣ, Господь, урожая."
Крестится пахарь, а солнце, сіяя,
Смотритъ съ небесъ и въ поляхъ передъ нимъ
Все оживляетъ лучемъ огневымъ.

IX.

А. Е. Раззореновъ.

„Не брани меня, родная,
Что я такъ люблю его, —
Скучно, грустно, дорогая,
Жить на свѣтѣ безъ него.

Я не знаю, что такое
Вдругъ случилося со мной,
Что такъ бьется ретивое
И терзается тоской.

Мнѣ не надобны наряды
И богатства всей земли, —
Кудри молодца и взгляды
Сердце бѣдное зажгли.

Сжалься, сжалься-же, родная,
Перестань меня бранить,
Знать — судьба моя такая:
Я должна его любить".

Такъ пѣлъ когда-то въ пѣснѣ, извѣстной каждому русскому человѣку, поэтъ-самоучка Алексѣй Ермиловичъ Раззореновъ. Тяжело сложилась жизнь

этого даровитаго народнаго поэта, и только приходится удивляться той силѣ, энергіи и мощи, съ которыми приходилось ему выбиваться изъ мрака къ свѣту среди окружающей его обстановки.

Родился Раззореновъ въ 1819 году въ семьѣ крестьянина, въ сельцѣ Маломъ Уваровѣ, Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи, научился читать и писать у мѣстнаго приходскаго пономаря. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ привезенъ въ Москву, гдѣ и началъ тянуть лямку въ грязномъ трактирчикѣ за мытьемъ посуды. Эта суровая обстановка страшно дѣйствуетъ на душу впечатлительнаго ребенка, и онъ не выдерживаетъ этого и бѣжитъ вонъ отсюда, занявшись торговлею съ лотка, въ-разносъ, разными мелочными товарами. Затѣмъ, Раззореновъ чуть-ли не ежегодно мѣняетъ свои профессіи, — то онъ лакей, то крендельщикъ, то приказчикъ и, наконецъ, попадаетъ совершенно случайно на какую-то провинціальную сцену, гдѣ выступаетъ въ самыхъ разнообразныхъ мелкихъ роляхъ. Очень возможно, что изъ Раззоренова могъ-бы выйти и не совсѣмъ заурядный актеръ, но страшно безпокойная натура не позволяла ему долго оставаться на одномъ мѣстѣ и все время влекла его въ какую-то невѣдомую даль — въ поискахъ лучшаго, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, уже подъ старость ему не надоѣла эта скитальческая жизнь, и онъ, чтобы устроить свою старость въ болѣе спокойныя рамки, рѣшаетъ на кое-какія скопленныя деньжонки снять овощную лавочку и этимъ обезпечить себѣ относительно безбѣдное существованіе.

Около 25 лѣтъ существовала эта небольшая овощная лавочка „Ермилыча“ на Тверской въ Палашовскомъ переулкѣ. Она нисколько не отличалась отъ обычнаго типа подобныхъ мелочныхъ-овощныхъ лавочекъ, громадное количество которыхъ разбросано по разнымъ улицамъ и переул-

камъ Москвы, но зато эта лавочка часто видала въ своихъ стѣнахъ извѣстныхъ писателей и поэтовъ того времени, навѣщавшихъ владѣльца ея поэта-крестьянина А. Е. Раззоренова.

Стихи началъ писать Раззореновъ довольно рано, чуть-ли не юношей: „писалъ много, печаталъ мало“ — признается онъ самъ въ своей автобіографіи, написанной на память одному изъ своихъ позднихъ друзей — незадолго до смерти. Стихи его появлялись въ „Грамотеѣ“, „Разсвѣтѣ“, „Иллюстрированной Недѣлѣ“, „Воскресномъ Досугѣ“, „Московскомъ Листкѣ“, Русскомъ Курьерѣ“, „Новостяхъ Дня“ и др. Его до сихъ поръ всюду распѣваемая пѣсня „Не брани меня, родная“, написанная еще въ началѣ 50-хъ годовъ, была въ первый разъ напечатана съ его именемъ въ 1891 году въ сборникѣ „Родные звуки“, изданномъ подъ редакціей И. А. Бѣлоусова, тогда уже, когда она болѣе тридцати лѣтъ была извѣстна, какъ народная пѣсня, и распѣвалась по всей Россіи.

Лавочка „Ермилыча“ была извѣстна многимъ московскимъ литераторамъ; это былъ своего рода „литературный клубъ“, — съ увѣренностью можно было идти къ Раззоренову и застать тамъ нѣсколько человѣкъ изъ пишущей братіи. Покойный И. З. Суриковъ любилъ ходить къ Ермилычу „отдыхать“. Его частенько навѣщали Л. И. Пальминъ, А. В. Кругловъ, М. А. Козыревъ, И. А. Бѣлоусовъ. „Оригинально было смотрѣть на этого старика-лавочника въ длиннополомъ сюртукѣ, за прилавкомъ декламирующаго наизусть цѣлые монологи изъ „Скопина Шуйскаго“, „Ляпунова“, „Велизарія“, „Гамлета“ и съ чисто юношескимъ увлеченіемъ читающаго стихи любимыхъ поэтовъ — Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго“, — вспоминаетъ о немъ близко знавшій его А. А. Коринфскій въ своемъ фельетонѣ, посвященномъ его памяти („Саратовскій Листокъ“, № 25 1891 г.).

Умеръ Раззореновъ 22 января 1891 года въ преклонной старости, 72-хъ лѣтъ отъ роду. Похоронили его въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Вотъ какъ характеризуетъ музу Раззоренова его собратъ по происхожденію, литераторъ Николай Степаненко: „Мелодія, полная грусти и тоски, элегичность тона, — вотъ присущіе ему мотивы. У Раззоренова часто сквозь слезы пробивается иронія надъ жизнью, но именно та иронія, которая всеже даетъ надежду...“

Въ заключеніе приведу стихотвореніе, посвященное покойнымъ Алексѣемъ Ермиловичемъ памяти друга его И. З. Сурикова:

„Миръ тебѣ, поэтъ почившій,
Другъ завѣтный мой!
Я пришелъ къ твоей могилѣ
Съ братскою слезой;

Я принесъ тебѣ сердечный,
Низкій мой поклонъ...
Тихъ, навѣки безмятеженъ
Твой могильный сонъ...

Въ этой жизни скоротечной
Мало ты гостилъ,
Но талантъ твой, Богомъ данный,
Въ землю не зарылъ;

Самъ-собой изъ мрака къ свѣту
Пробивая путь,
Спѣлъ ты много пѣсенъ скорби,
Надрывая грудь...

Въ пѣсняхъ этихъ слышны были
Горе да тоска,
Въ нихъ сказалася лихая
Доля бѣдняка...

Много новыхъ, лучшихъ пѣсенъ
Обѣщалъ ты намъ;
Но — увы! — ихъ не услышать
Намъ, твоимъ друзьямъ!..

Близки были мы съ тобою
Сердцемъ и душой...
Спи-же съ миромъ... Скоро, скоро
Свидимся съ тобой!..

X.

С. Я. Деруновъ.

Савва Яковлевичъ Деруновъ является однимъ изъ старѣйшихъ русскихъ поэтовъ-самоучекъ. Родился онъ 5-го января 1831 года, въ крестьянской семьѣ Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда.

Всю свою юность Деруновъ провелъ по разнымъ скитаніямъ и, между прочимъ, служилъ мальчикомъ въ откупномъ кабакѣ.

Первымъ литературнымъ знакомствомъ Дерунова была встрѣча съ извѣстнымъ народнымъ поэтомъ И. З. Суриковымъ. Поэты подружились, и эта дружба не прерывалась до послѣднихъ дней Сурикова.

Писать Деруновъ началъ поздно, печатался приблизительно въ 60—70-хъ годахъ въ „Развлеченіи", въ „Иллюстрированной Газетѣ", „Грамотеѣ", „Газетѣ Гатцука" и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ.

Деруновъ, кромѣ стихотвореній и разсказовъ, много писалъ этнографическихъ статей, которыя печатались въ „Этнографическомъ Обозрѣніи", и за которыя онъ получилъ нѣсколько наградъ отъ ученыхъ обществъ.

Испытавъ въ дѣтствѣ всю горечь тяжелой жизни бѣдняка съ разными лишеніями и неудачами, Деруновъ, сдѣлавшись впослѣдствіи обезпеченнымъ человѣкомъ, не отвернулся отъ приходящихъ

за помощью. Всякаго, кто только приходилъ къ нему, онъ награждалъ и деньгами, и всевозможными вещами, и никто не уходилъ отъ него съ отказомъ.

Истинный послѣдователь великаго учителя Л. Н. Толстого, Деруновъ былъ ревностнымъ поборникомъ народнаго образованія; благодаря его ходатайству, въ Пошехонскомъ уѣздѣ было открыто много школъ, а за свои статьи о защитѣ народа, за свои идеи онъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ, однако, пробылъ недолго и былъ выпущенъ на волю.

Въ послѣдніе годы жизни Деруновъ лишился зрѣнія; это обстоятельство, однако, не мѣшало заниматься ему горячо любимой имъ литературой. Свои произведенія онъ диктовалъ дочерямъ и близкимъ ему лицамъ, которыя записывали ихъ.

Къ этому періоду времени относятся самые тяжелые годы жизни маститаго старца-слѣпца.

Въ своихъ произведеніяхъ Деруновъ воспѣваетъ бѣдность крестьянской жизни и самую крестьянскую жизнь со всѣми ея рѣдкими радостями и неразлучными печалями. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Деруновъ, описывая сонъ крестьянки, говоритъ:

Въ избушкѣ крестьянка на голбцѣ лежитъ, —
Съ тяжелой работы вернулася, спитъ;
Работала, билась, мужъ грубый бранилъ,
Два раза ударилъ, въ кабакъ заходилъ.
И горько ей стало: слеза за слезой
Скатилась, упала . . . Вернулась домой,
Уснула бѣдняжка, прижавшись къ стѣнѣ
И снится крестьянкѣ жизнь-радость во снѣ,
Мужъ видится тихій и пить пересталъ,
Избушку онъ чинитъ, въ работѣ усталъ,
Но вышла зато ужъ красива изба,
На диво вкругъ оконъ узоры, рѣзьба,
И въ новой избушкѣ такъ чисто, свѣтло,
Въ морозы — утѣха: какъ въ банѣ тепло,
Хлѣбовъ народилось — засѣки полны, —
Играетъ улыбка во снѣ у жены.

Въ семействѣ достатокъ, скота полный дворъ,
Мужъ тихо, безъ брани, ведетъ разговоръ,
Дѣтей накопилось, растутъ и шалятъ,
Здоровье и разумъ въ глазахъ ихъ горятъ.
Крестьянка проснулась, открыла глаза, —
Со щекъ покатилась невольно слеза. . .
Нѣтъ мужа, знать — выпить въ кабакъ завернулъ,
Лишь вѣтеръ въ избушкѣ неистово дулъ.

Въ поэзіи Дерунова, несмотря на живописуемыя имъ мрачныя стороны крестьянской жизни, слышатся, однако, и бодрость, и призывъ къ труду. Вотъ какъ рисуетъ онъ пахаря въ своемъ стихотвореніи „Въ полѣ“, помѣщенномъ въ сборникѣ „Къ завѣтной цѣли“:

Небо глубоко синѣется;
По полю пашня чернѣется,
Пахарь идетъ за сохою,
Правитъ привычной рукою,
Весело въ небо глядитъ;
Солнце его золотитъ.
Вкругъ него ширь необъятная...
Эхъ, наша Русь благодатная!
Есть, гдѣ въ тебѣ пріютиться,
Есть чѣмъ въ тебѣ прокормиться:
Кладъ твой нетронутъ лежитъ, —
Трудъ лишь его сторожитъ!..

Умеръ Деруновъ 30-го іюля 1909 года въ глубокой старости, — ему было 78 лѣтъ. Его стихотворенія большею частью посвящены описанію русской деревенской жизни и природы. Они задушевны, часто проникнуты скорбью, а еще чаще русской удалью.

XI.

А. И. Левитовъ.

Выдающійся писатель-самородокъ Александръ Ивановичъ Левитовъ, — съ именемъ котораго въ нашей литературѣ связано понятіе о „безвременно

погибшемъ русскомъ Диккенсѣ", родился 20-го іюня 1835 года въ торговомъ селѣ Добромъ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губ., въ семьѣ дьячка.

Дѣтскіе годы Левитова прошли привольно, наложивъ неизгладимый отпечатокъ на его впечатлительную, поэтическую натуру.

Чувство природы было чрезвычайно развито въ Левитовѣ; онъ зоркимъ глазомъ художника подмѣчалъ въ ней самые мимолетные оттѣнки и умѣлъ ихъ передавать ярко и обаятельно.

Учился Левитовъ въ лебедянскомъ духовномъ училищѣ и тамбовской Семинаріи и шелъ однимъ изъ первыхъ. Подъ конецъ ученія семинарское начальство, недолюбливавшее Левитова за „сочинительство" и чтеніе свѣтскихъ книгъ, которыми онъ зачитывался, стало особенно преслѣдовать его и даже подвергло однажды, наканунѣ перехода въ высшій классъ, тѣлесному наказанію, вслѣдствіе чего Левитовъ заболѣлъ нервной горячкой и принужденъ былъ бросить семинарію.

Съ нѣсколькими рублями въ карманѣ онъ пѣшкомъ добрелъ до Москвы, а потомъ перебрался въ Петербургъ и поступилъ въ 1855 году въ медико-хирургическую академію. Спустя годъ послѣ поступленія въ академію, благодаря какой-то исторіи, Левитовъ очутился въ Шенкурскѣ съ обязательствомъ отслужить въ качествѣ фельдшера стипендію, которую онъ получалъ, будучи студентомъ.

Двухъ-лѣтнее пребываніе въ ссылкѣ оказало губительное вліяніе на весь ходъ жизни Левитова.

При полномъ отсутствіи какого-бы то ни было интеллигентнаго общества, онъ поневолѣ завелъ знакомство съ людьми, развлеченія которыхъ состояли въ отчаянныхъ попойкахъ и игрѣ въ карты. Ввиду этого добрая треть его произведеній посвя-

щена игрѣ пьянаго воображенія, пьянымъ галлюцинаціямъ и т. д.

Промучившись два года въ Шенкурскѣ, пробывъ затѣмъ два года въ Вологдѣ, Левитовъ получилъ свободу.

Въ 1859 году почти безъ гроша тронулся онъ въ путь, чтобы повидаться съ родными, но добрался до Лебедяни только черезъ полгода, ибо ему не только пришлось пройти пѣшкомъ все разстояніе, но еще приходилось по дорогѣ останавливаться въ селахъ и зарабатывать себѣ на пищу, работая за рубль цѣлую недѣлю надъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ какого-нибудь волостного управленія.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ жизни Левитова наступилъ просвѣтъ; это время является самымъ лучшимъ, самымъ счастливымъ періодомъ его жизни. Поселившись въ 1860-мъ году въ Москвѣ, онъ хотя и бѣдствовалъ сначала, но, благодаря счастливой случайности, познакомился съ критикомъ Апол. Григорьевымъ, который сразу оцѣнилъ оригинальный талантъ Левитова и пристроилъ его въ качествѣ секретаря въ редакцію „Русскаго Вѣстника“.

Въ это время онъ знакомится со многими писателями, которые встрѣтили Левитова сочувственно, и очерки его начинаютъ появляться одинъ за другимъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, „Библіотекѣ для чтенія“, „Времени“, „Русской Рѣчи“ и многихъ другихъ журналахъ; на нихъ обращаютъ серьезное вниманіе.

Но въ серединѣ 60-хъ годовъ Левитовъ окончательно превращается въ неисправимаго „мечтателя“, мечущагося въ безысходной тоскѣ, вѣчно кочующаго изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, пробующаго пристроиться куда-либо на мѣсто: то учителемъ въ Ряжскѣ, то воспитателемъ одного изъ московскихъ пансіоновъ, то на желѣзной до-

рогѣ. Но, къ сожалѣнію, онъ нигдѣ не уживался больше одного, двухъ мѣсяцевъ, потому что, подъ вліяніемъ непреодолимой страсти къ вину, всякая способность къ правильному образу жизни въ немъ совершенно исчезла.

Его матеріальное положеніе все время было отчаянное; приходилось ютиться въ подвалахъ, на чердакахъ, питаться въ-проголодь, одѣваться чуть-ли не въ лохмотья.

Рѣдкими исключеніями являются недолгіе свѣтлые промежутки, въ-родѣ конца 1871-го и начала 1872 года, когда Левитовъ былъ редакторомъ журнала „Сіяніе". Особенно-же мучительны были послѣдніе пять лѣтъ его жизни, — заработокъ былъ ничтожный, здоровье окончательно надломлено, литературное положеніе надорвано вѣчными авансами изъ редакцій, въ уплату которыхъ Левитовъ давалъ одни наброски и отрывки.

Въ послѣднемъ періодѣ чахотки Левитовъ жилъ въ нетопленой комнатѣ. Однажды, чтобы добыть изъ какой-то редакціи 5 руб., онъ въ декабрьскую стужу вышелъ изъ дома въ одномъ легкомъ пальто и сильно простудился, вслѣдствіе чего 4-го января 1877 года и умеръ въ московской университетской клиникѣ.

Первые разсказы Левитова были собраны и изданы въ 1865 году, подъ заголовкомъ „Степные очерки". Они выдержали 3 изданія, каждый разъ дополняемые новыми очерками, и изо-всѣхъ произведеній Левитова, — наравнѣ съ его книгою „Горе селъ, дорогъ и городовъ" — пользуются наибольшею извѣстностью. Его описанія придонскихъ степей принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ русскаго пейзажа.

Изъ всѣхъ писателей-народниковъ выше его можетъ быть поставленъ развѣ только одинъ — Глѣбъ Успенскій.

Его талантъ отличается тонкимъ, чисто диккенсовскимъ, юморомъ, въ связи съ необыкновенно выразительнымъ и характернымъ языкомъ.

Основная черта разсказовъ Левитова глубокая задушевность, острая наблюдательность и мягкій, поэтическій колоритъ.

XII.

В. К. Влазневъ.

Василій Кузьмичъ Влазневъ, поэтъ, историкъ своего края, этнографъ, статистикъ и публицистъ-самоучка, происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ помѣщика, извѣстнаго поэта, Н. П. Огарева. Родился онъ въ 1839 году въ селѣ Верхнемъ Бѣлоомутѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерній.

Въ 1846 году Влазневъ, вмѣстѣ съ другими земляками, получилъ „вольную“, а въ началѣ 60-хъ годовъ попалъ въ Москву для изученія техническаго дѣла: рисованія и рѣзьбы по дереву; тамъ онъ познакомился съ молодыми преподавателями одной изъ воскресныхъ школъ, благодаря чему изъ крѣпостного крестьянина превратился въ интеллигентнаго человѣка. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Влазневъ знакомится съ поэтомъ И. З. Суриковымъ и нѣкоторыми другими писателями изъ народа.

Влазневъ, занимаясь рѣзьбой, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ попробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Попытка Влазнева писать оказалась не безплодной, ибо его очерки начинаютъ появляться въ печати — сначала въ „Трудахъ Рязанской Архивной Коммиссіи“, а затѣмъ уже въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“. Занимался Влазневъ

публицистикой, беллетристикой и поэзіей. Такого рода его произведенія печатались въ „Русскомъ Курьерѣ“ и „Чтеніи для народа“. Имъ написаны интересныя воспоминанія о поэтѣ Н. П. Огаревѣ, много стихотвореній, разсказовъ, историко-этнографическихъ статей и масса корреспонденцій, помѣщавшихся въ столичныхъ изданіяхъ, между прочимъ — въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“.

Влазневъ долгое время жилъ у себя на родинѣ, занимаясь иконостасно-рѣзнымъ ремесломъ, а также до самой смерти не покидалъ любимыхъ литературныхъ занятій, вдали отъ друзей писателей-самоучекъ, большая часть которыхъ умерли. И только въ 1901 году, случайно познакомившись съ начинающимъ поэтомъ-самоучкой И. И. Морозовымъ, онъ завязалъ съ послѣднимъ дружбу, встрѣчаясь иногда лично и часто переписываясь. Онъ первый ободрилъ юнаго поэта, давалъ ему совѣты, читалъ и провѣрялъ стихи, знакомилъ съ правилами стихосложенія и настаивалъ не бросать писанія стиховъ. „Только съ ними“, — говорилъ онъ ему, — „забывается горе и не такъ сильно чувствуются удары судьбы“... Быть можетъ, эти совѣты и подготовили благопріятную почву для разцвѣта поэзіи Морозова.

Умеръ В. К. Влазневъ 18-го іюня 1905 года въ бѣдности и малоизвѣстности, несмотря на несомнѣнные задатки дарованія.

Вотъ одно изъ его стихотвореній, уцѣлѣвшихъ въ письмахъ къ И. И. Морозову, посвященное памяти Д. В. Ш—ва:

„Свѣтало... Смѣлыми шагами
Ты вышелъ на тернистый путь,
Гдѣ встрѣтилъ брата — и слезами
Согрѣлъ его больную грудь...

Про эти слезы и про стоны
Ты честно голосомъ воззвалъ, —
И дрогнулъ мракъ, и легіоны
Свои онъ на тебя послалъ...

Отъ ихъ дыханія сгорая,
Погибъ ты смертью мотылька,
Но память о тебѣ святая
Осталась въ сердцѣ бѣдняка".

XIII.

Ѳ. М. Рѣшетниковъ.

Извѣстный писатель-самоучка Ѳедоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ родился въ 1841 году, въ г. Екатеринбургѣ, Пермской губерніи.

Дѣтство Рѣшетникова было очень не веселое. Мать его, бѣжавшая съ нимъ отъ буйства своего мужа къ родственникамъ въ Пермь, скоро умерла, оставивъ послѣ себя десятимѣсячнаго сына на попеченіе родственниковъ — людей очень грубыхъ и жестокихъ.

Много пришлось испытать Рѣшетникову всевозможныхъ лишеній и побоевъ отъ своихъ воспитателей — дяди и тетки. Эти побои дважды заставляли мальчика бѣжать изъ дома и подолгу скрываться, пока опять не попадалъ къ своимъ воспитателямъ.

Несмотря, однако, на тяжелую обстановку, стѣснявшую всѣ его юные порывы, онъ былъ далекъ отъ безнадежнаго пессимизма; напротивъ, онъ не переставалъ мечтать о возможности пріобрѣтать книги и по нимъ учиться. „Узнаю, — писалъ онъ, — я и другихъ буду учить, пользу какую-нибудь принесу". Жажда знанія и стремленіе быть полезнымъ людямъ стали руководящими принципами въ личной жизни Рѣшетникова.

Въ 1859 году, окончивъ уѣздное училище, Рѣшетниковъ ѣдетъ въ Екатеринбургъ и поступаетъ на должность въ уѣздный судъ съ жалованьемъ по 3 рубля въ мѣсяцъ.

Лишь только Рѣшетниковъ почувствовалъ пробуждающіяся въ немъ творческія силы, онъ рѣшилъ всецѣло посвятить ихъ облегченію народныхъ страданій, которыя онъ такъ глубоко и искренне постигалъ.

Видя, что Екатеринбургъ не можетъ дать никакого простора для развитія его творческихъ способностей, Рѣшетниковъ ощутилъ неодолимое желаніе вернуться въ Пермь, гдѣ у него было много школьныхъ товарищей и гдѣ можно было читать книги. Немало трудностей пришлось ему преодолѣть, прежде чѣмъ осуществить это скромное желаніе.

Перебравшись въ Пермь, Рѣшетниковъ въ іюнѣ 1861 года поступилъ на должность канцелярскаго служителя казенной палаты, оплачиваемую крайне скудно.

Нищенское, полуголодное существованіе не помѣшало, однако, Рѣшетникову со всею энергіею отдаться литературной работѣ, къ которой его поощряли и нѣкоторые изъ его сослуживцевъ.

Въ это время имъ были написаны разсказъ изъ заводской жизни „Скрипачъ“ и драма „Раскольникъ“.

Въ 1862 году Рѣшетникову удалось напечатать этнографическій очеркъ въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, повлекшій для него нѣкоторыя непріятности по службѣ. Въ слѣдующемъ году Рѣшетникову представился случай переселиться въ Петербургъ при помощи пріѣхавшаго въ Пермь ревизора, у котораго онъ занимался перепиской бумагъ на дому.

Въ Петербургѣ Рѣшетникову удалось получить мѣсто въ Министерствѣ Финансовъ съ жалованіемъ по 9 рублей въ мѣсяцъ, — здѣсь онъ попрежнему сильно бѣдствовалъ. Къ этому времени у него были уже закончены „Подлиповцы“, которыхъ онъ, по совѣту одного изъ своихъ сослуживцевъ,

послалъ Некрасову въ редакцію „Современника". Повѣсть была принята, напечатана и сразу обратила на себя вниманіе читающей публики и доставила автору литературную извѣстность.

Въ это время Рѣшетниковъ женился на своей землячкѣ: жизнь его улучшилась, литературный трудъ давалъ вначалѣ достаточный заработокъ и нѣкоторый досугъ. Казалось, давнишняя его мечта заняться самообразованіемъ была близка къ осуществленію. Онъ, дѣйствительно, очень много читалъ, прочитанное записывалъ въ извлеченіи; но сознаніе пробѣловъ въ умственномъ развитіи не переставало мучить его.

Позднѣе — къ нравственнымъ страданіямъ присоединились еще и матеріальныя лишенія, такъ какъ, хотя онъ и много писалъ, но семья росла и литературнаго заработка не хватало часто и на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей. Все это вмѣстѣ взятое вызывало у Рѣшетникова крайне мрачное настроеніе духа; онъ сталъ искать забвенія своего горя въ винѣ. Борьба съ тяжелыми условіями жизни окончательно надломила силы Рѣшетникова, и онъ сошелъ въ могилу въ полномъ разцвѣтѣ силъ и таланта, не проживъ и 30-ти лѣтъ. Умеръ онъ въ 1871 году.

Рѣшетниковъ, какъ писатель, является первымъ насадителемъ того общественно-литературнаго направленія, которое позднѣе, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, сложилось въ стройную систему народничества и отмѣтило собою цѣлый, весьма характерный, періодъ въ русской литературѣ.

Въ этомъ отношеніи литературная дѣятельность Рѣшетникова представляетъ собою нѣчто совершенно своеобразное, и по тону, и по содержанію совершенно отличное отъ литературы предшествовавшаго періода.

Въ мотивахъ его литературной дѣятельности и въ самихъ произведеніяхъ ярко отразилось завѣт-

ное стремленіе выступившей на историческую арену „разночинной“ интеллигенціи поставить во главу угла своей дѣятельности интересы народа и посвятить всѣ свои силы облегченію его вѣковыхъ страданій.

Жизнь Рѣшетникова представляла сплошной рядъ нравственныхъ и матеріальныхъ лишеній. Онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ близко познакомился съ вопіющими невзгодами народа; чуткій къ чужому горю, онъ подмѣчалъ его всюду, гдѣ бы оно ни проявлялось.

Вотъ поэтому-то его наблюденія не ограничивались только крестьянствомъ, но распространялись и на низшее чиновничество, и на мѣщанъ, и на рабочихъ, на бурлаковъ, на нищихъ, пьяницъ петербургскихъ кабаковъ, обитателей подваловъ и ночлежекъ.

„Подлиповцы“ Рѣшетникова являются самой яркой и самой цѣнной вещью изо всѣхъ имъ созданныхъ произведеній, оказавшей потрясающее дѣйствіе на читателей развернувшеюся передъ ними картиной ужасныхъ страданій народа. Это произведеніе сразу-же дало ясное представленіе о направленіи автора. Глубокою правдою и неподдѣльною искренностью дышетъ эта мрачная повѣсть о полуголодномъ и животномъ существованіи крестьянской массы цѣлаго обширнаго края, о существованіи безнадежномъ и безцѣльномъ, изъ котораго нѣтъ никакого выхода для этихъ забитыхъ горемъ и нуждой людей.

Сочиненія Рѣшетникова выходили тремя изданіями въ 2-хъ томахъ, въ 1874 году въ изданіи Солдатенкова и дважды въ изданіи Павленкова, въ 1890 и 1896 г. г., со статьей М. Протопопова „О жизни и литературной дѣятельности Рѣшетникова“.

XIV.

А. Ѳ. Ивановъ-Классикъ.

* * *

„Не одна въ поляхъ дорожка
Передъ нами пролегла,
Проторила тѣ дорожки
Воля честности и зла, —
Проторили ихъ невзгоды,
Появившіяся вновь,
Увлеченье, трудъ и горе,
И измѣна, и любовь.
Вдалекѣ отъ насъ остались
Тѣ дорожки, что легли
По лугамъ подъ яснымъ небомъ
Торжествующей земли, —
Гдѣ цвѣтутъ безпечно розы,
Окропленныя росой,
Гдѣ сіяющее солнце
Блещетъ вѣчною красой.
Мы — идемъ другой дорожкой,
Передъ нами — степь и пыль,
Только вѣтеръ переноситъ
Солнцемъ вызженный ковыль.
И таитъ въ себѣ невольно
Наше сердце, какъ курганъ,
Похороненныя тайны
Безпокойныхъ свѣжихъ ранъ.“

Извѣстный поэтъ-юмористъ и лирикъ-самоучка, Алексѣй Ѳедоровичъ Ивановъ, которому принадлежитъ это задушевное стихотвореніе, — сынъ крѣпостного крестьянина Ярославской губерніи, Любимскаго уѣзда, родился 2-го февраля 1841 года въ Петербургѣ.

Отецъ его, откупившись на волю и занявшись торговлею, собирался также опредѣлить и сына въ торговлю, но, будущій поэтъ не чувствовалъ ни малѣйшей склонности къ этой профессіи, а отдался весь самообразованію, вслѣдствіе чего товарищи и прозвали его въ-насмѣшку „Классикомъ“. Подъ этимъ псевдонимомъ онъ и выступилъ на литера-

турное поприще, будучи приказчикомъ въ одной изъ лавокъ Апраксина Двора.

Первое его стихотвореніе — „На смерть И. С. Никитина“ — было напечатано въ ноябрѣ 1861 года въ „Петербургскомъ Вѣстникѣ“.

Первымъ обратилъ вниманіе на Иванова-Классика неподражаемый переводчикъ Беранже В. С. Курочкинъ, помѣщавшій затѣмъ многія его стихотворенія въ издававшейся имъ „Искрѣ“. Затѣмъ, въ 1862—63 годахъ, Ивановъ-Классикъ печатался въ „Иллюстраціи“ В. Р. Зотова, въ „Будильникѣ“, „Дѣлѣ“ (Благосвѣтлова), а позднѣе — въ „Осколкахъ“ (Лейкина), „Гуслярѣ“, „Нашемъ Времени“, „Всемірной Иллюстраціи“, „Трудѣ“ и многихъ другихъ изданіяхъ. Вскорѣ по выступленіи на литературный путь — онъ становится присяжнымъ поэтомъ газеты „Петербургскій Листокъ“, гдѣ до конца жизни и воспѣвалъ петербургскія и всероссійскія злобы дня, какъ-бы соперничая съ знаменитымъ „королемъ рифмы“ Д. Д. Минаевымъ.

Умеръ Алексѣй Ѳедоровичъ 3-го января 1894 года 53-хъ лѣтъ, въ Петербургѣ, гдѣ и похороненъ на „литераторскихъ мосткахъ“ Волкова кладбища.

Наиболѣе извѣстны его стихотворенія, часто встрѣчающіяся въ декламаціонныхъ сборникахъ: „Письмо къ Богу“, Совѣты“, „Рыцарь клуба“, „Милыя личности“ и др. Кромѣ юмористическихъ, у Иванова-Классика было немало и чисто лирическихъ стихотвореній, глубоко-искреннихъ и мелодичныхъ. Вотъ одно изъ нихъ:

„Ахъ, зачѣмъ подъ солнышкомъ и лазурью чистою,
Темная дуброва,
Ты шумишь, склоняяся зеленью вѣтвистою,
Грустно и сурово?
Лучше спой, зеленая, съ волей молодецкою
Пѣсню мнѣ такую,
Чтобы мнѣ припомнила счастье мое дѣтское,
Долю молодую!..

И дуброва темная шепчетъ мнѣ летучими,
Шумными словами:
— „Вѣдь отъ этой пѣсенки я сама горючими
Обольюсь слезами.
Ты не помнишь матери, какъ она съ побѣдною
Злой судьбой гуляла,
Счастье твое дѣтское, долю твою бѣдную
Люто проклинала.
Какъ тебя забытаго, кроткаго, постылаго,
Съ юною красою,
Обмывали дождички, будто друга милаго,
Съ вешнею росою.
Какъ, шумя, расчесывалъ кудри твои черныя
Буйный вѣтеръ въ полѣ,
Какъ съ тобой дружилися бѣдняки, покорные
Той-же горькой долѣ, —
Какъ потомъ ты съ юностью и съ надеждой ясною
Разцвѣталъ на-славу,
Какъ тебѣ готовила вновь дѣвица красная
Сладкую отраву.
Какъ на грудь склонилася добрая головушка,
Опустились руки“...
— Не буди-же говоромъ, шумная дубровушка,
Въ сердцѣ злыя муки!
Не кори, кудрявая, друга жизнью этою, —
Знойнымъ краснымъ лѣтомъ...
Безъ тебя докончу я пѣсню недопѣтую
И прощусь со свѣтомъ!“..

Въ 1875-мъ году вышелъ въ свѣтъ его сборникъ „Пѣсни Классика“ а въ 1882-мъ — „На разсвѣтѣ“ (новыя пѣсни, сатиры, юмористическія стихотворенія и куплеты). Затѣмъ были изданы сборники: въ 1889 году — „Веселый попутчикъ“ (письма съ дороги, записки на лету, картинки изъ путевыхъ впечатлѣній и дорожныя пѣсни) и въ 1891 году „Стихотворенія“ (изд. Д. Д. Ѳедорова).

XV.

Я. Е. Егоровъ.

Талантливый писатель-крестьянинъ Яковъ Егоровичъ Егоровъ, сынъ крѣпостного, родился 19-го

ноября 1857 года въ селѣ Кривинѣ Новгородской губерніи.

По окончаніи приходской школы, онъ — какъ лучшій изъ учениковъ — былъ отправленъ въ Гатчинскую учительскую семинарію, которую успѣшно кончивъ, занялъ мѣсто народнаго учителя.

Учительствовалъ Егоровъ 25 лѣтъ: съ 1876 г. по 1901 годъ; сперва — въ Новгородской губерніи, а затѣмъ подъ Петербургомъ въ селѣ Рыбацкомъ и, наконецъ, въ самомъ Петербургѣ.

Выйдя по болѣзни въ отставку, Егоровъ былъ, въ довершеніе ко всѣмъ недомоганіямъ, разбитъ параличомъ и принужденъ вернуться въ родную деревню, гдѣ и скончался въ крайней бѣдности 8-го февраля 1902 года.

Въ литературѣ Як. Егор. Егоровъ извѣстенъ — какъ самобытный поэтъ и беллетристъ. Его многочисленныя стихотворенія („Пѣсни и думы пахаря“, „Школьные подвижники,“ „Пѣсни о нуждѣ“ и друг.), разсѣянныя въ разныхъ столичныхъ журналахъ, до сихъ поръ еще не изданы отдѣльно. Выдающіеся по своей художественной простотѣ, живописующіе деревню разсказы и очерки Егорова (кромѣ напечатанныхъ послѣ этого въ газетахъ и журналахъ) вышли и отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Среди крестьянъ“ (С. Петербургъ, 1899 г., 317 стр.) Лучшіе изъ нихъ: „Мірское вино,“ „Славный денекъ,“ „Барышня Ѳеоктиста“, „Баринъ ѣдетъ,“ „Дѣдъ,“ Передѣлъ,“ „Искатель правды.“ Критикъ журнала „Русская Мысль“ (іюль, 1899 г.), привѣтствуя появленіе этой книги, назвалъ помѣщенные въ ней разсказы „человѣческими документами, отлично собранными среди крестьянъ, освѣщенными честной и гуманной мыслью, способными оказать плодотворное вліяніе на деревню и вообще на провинцію — раскрытіемъ крестьянскихъ нуждъ передъ тѣми кому о нихъ вѣдать надлежитъ. Прочитавши разсказы и очерки Егорова, — говоритъ онъ, —

можно смѣло сказать: съ подлиннымъ вѣрно и очень важно для тѣхъ, на чьей обязанности лежитъ творить судъ и правду среди крестьянъ, не только формальную правду по-писанному, а настоящую — по душѣ и по убѣжденію, съ величайшею осмотрительностью и искреннею любовью къ самому этому еще темному народу и къ его собственной правдѣ, выработанной многими вѣками... Хотите знать современную (80—90 г. г.) деревню — прочтите эту книгу!" — заключилъ онъ свой отзывъ.

Въ 1880 году Егоровъ дебютировалъ произведеніями своей крестьянской музы въ „Русскомъ Богатствѣ" (редакціи Н. Н. Златовратскаго), затѣмъ продолжалъ въ немъ содрудничество за все время редакціи Л. Е. Оболенскаго, печатаясь, кромѣ того, во многихъ изданіяхъ („Сѣверъ", „Новое Слово", „Биржевыя Вѣдомости," „Русская Жизнь," „Сынъ Отечества," „Звѣзда", „Русская Бесѣда" и др.).

Привожу его мелодичное стихотвореніе „Деревенскій вечеръ," напечатанное въ „Русскомъ Богатствѣ" начала 90-хъ годовъ:

„Въ небѣ алое облачко таетъ,
Надъ рѣкою туманы легли;
Сны весенніе тихо слетаютъ
Къ бѣднымъ жителямъ грѣшной земли...
Спитъ земля... Ужъ заря догораетъ;
Лишь, глубокою скорбью дыша,
Гдѣ-то въ пѣснѣ о счастьѣ рыдаетъ
Человѣка живая душа .."

Въ этихъ восьми строкахъ Егоровъ умѣлъ изобразить цѣлую картину, проникнутую тепломъ и задушевностью...

Стихотвореніе „Мечты", напечатанное въ журналѣ „Сѣверъ" въ 1897 году (редакціи А. А. Коринфскаго) — совершенно въ другомъ духѣ:

„Мечты, мечты, завѣтныя мечты,
Родитесь вы, какъ молнія изъ тучи;
Цвѣтете вы, какъ вешніе цвѣты,
Какъ взмахъ орла — легки вы и могучи...
Но вотъ прошла пора — осыпались цвѣты,

На нивѣ не поетъ веселой пѣсни жница, —
И падаете вы, завѣтныя мечты,
Какъ съ дерева послѣдніе листы,
Какъ въ осень темную подстрѣленная птица"...

А сколько кротости и чуткой любви къ брату-человѣку слышится въ нижеслѣдующемъ его стихотвореніи, напечатанномъ въ 1891 году, въ журналѣ „Звѣзда":

„Если сердце твое ошибется
И полюбитъ разлюбитъ напрасно, —
Помяни улетѣвшее счастье
И тепло, и любовно, и ясно.
Если гордость задѣта больная
И высокія думы разбиты, —
Не ищи безпокойному сердцу
У людей ни суда, ни защиты.
Если счастье нахлынетъ случайно,
Если жизнь и тебѣ улыбнется, —
Позабудь про былыя невзгоды,
Пожалѣй, что не всѣмъ такъ живется!."

Въ сборникахъ извѣстной просвѣтительно-издательской фирмы „Посредникъ" было напечатано нѣсколько стихотвореній Як. Е. Егорова, въ полномъ смыслѣ слова „дошедшихъ до народа" — распѣваемыхъ имъ наравнѣ со с в о и м и пѣснями. Таковы его. „Изъ-за лѣсика, лѣса темнаго, привозили къ намъ добра молодца"..., „Какъ пошелъ я, парень, въ поле за сохой"..., „На зарѣ было на утренней, на восходѣ солнца краснаго"... и друг.

Будучи народнымъ учителемъ, Я. Е. Егоровъ, близко ознакомившись на практикѣ съ потребностями школы и духовными запросами деревенскаго школьника, немало поработалъ на своемъ вѣку и для педагогическо-учебной литературы. Такъ общеизвѣстныя книги для чтенія въ школѣ и изученія русскаго языка „Азбука-картинка", „Красное Солнышко", „Ясная Звѣздочка" и „Русская грамматика въ примѣрахъ", до сихъ поръ принятыя, какъ учебныя руководства, и расходящіяся новыми повторными изданіями, принадлежатъ ему. Заду-

манъ имъ былъ еще (отчасти уже и выполненъ вчернѣ) цѣлый рядъ учебниковъ, но болѣзнь, а затѣмъ и смерть, прервали его просвѣтительную работу на пользу народа, изъ темныхъ нѣдръ котораго онъ вышелъ самъ, и къ которому стремилось всю жизнь свѣтлое сердце поэта-самородка, учителя-крестьянина.

„Мое сердце не здѣсь, мои думы не здѣсь,
Не забыть мнѣ картины родныя:
Синій лѣсъ на горѣ, пѣнье птицъ на зарѣ
И туманы въ долинѣ сѣдые...
Мои думы не здѣсь, думы — въ сердцѣ живутъ,
Мое сердце — гдѣ зрѣютъ посѣвы,
Гдѣ гуляетъ соха, гдѣ сверкаетъ коса,
Гдѣ родятся родные напѣвы!..“

Какъ-бы дополненіемъ къ этому стихотворенію является принадлежащій перу того-же Як. Егор. Егорова „Сонъ“:

„Ночью осенней
Снился мнѣ сонъ:
Былъ я на царствѣ,
Былъ королемъ, —

Серебро-злато
Я разсыпалъ,
Гумна, амбары
Всѣмъ отворялъ.

Каждому мужу
Далъ я жену,
Женщинѣ каждой —
Домъ и семью,

Дѣткамъ-малюткамъ—
Мать и отца,
Міру честному —
Слугъ и друзей...

Всѣмъ-же вручилъ я
Властью моей
Свѣтлую радость —
Вѣру въ людей“.

Такъ писалъ-пѣлъ онъ, будучи оторваннымъ отъ деревни и деревенскаго люда, кровно связаннаго

съ нимъ, къ которому ему и пришлось вернуться на „послѣдній покой."

Вотъ какими строками, между прочимъ, помянулъ покойнаго поэта-крестьянина А. А. Коринфскій въ своей большой статьѣ, посвященной „Памяти деревенскаго самородка" въ „Биржев. Вѣдом." (№ отъ 6 марта 1902 г.):

„Скромное имя покойнаго, — пишетъ онъ, — принадлежало человѣку, далеко выдающемуся изъ его родной крестьянской среды. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова „самородокъ" — писатель-крестьянинъ, подарившій русской литературѣ цѣлый рядъ достойныхъ общаго вниманія произведеній, отмѣченныхъ, при всей своей скромности, печатью истиннаго таланта, проникнутыхъ неподдѣльной вдохновенностью, богатыхъ чисто-русской задушевностью... Жилъ человѣкъ, выбивался къ свѣту, работалъ на пользу родному краю по мѣрѣ силъ и дарованія, умеръ гдѣ-то въ новгородскихъ лѣсахъ и — какъ будто „память о немъ никому не нужна": нигдѣ не появилось ни строчки объ этомъ труженикѣ мысли и слова, всю свою жизнь принесшемъ безъ остатка на алтарь просвѣщенія родного темнаго люда, плотью отъ плоти, костью отъ кости котораго былъ онъ самъ — со всѣми своими стремленіями, надеждами и недюжинными способностями. Молчаніе о такихъ „не-герояхъ" жизни было бы глубокой несправедливостью со стороны знавшихъ и слѣдившихъ за ихъ дѣятельностью людей."

XVI.

И. Д. Родіоновъ.

Иванъ Дмитріевичъ Родіоновъ родился въ 1851 году; онъ происходилъ изъ мѣщанъ г. Одоева Туль-

ской губ. На литературное поприще онъ выступилъ, сотрудничая въ „Воскресномъ Досугѣ“ А. Ѳ. Баумана, и, затѣмъ, печатался въ „Ремесленной Газетѣ,“ „Разсвѣтѣ,“ „Грамотеѣ“, „Развлеченіи“, „Будильникѣ,“ „Невѣ“ и нѣкоторыхъ др. изданіяхъ 70-хъ г. г.

Изъ стихотвореній Родіонова наиболѣе извѣстны: „Приди ты, родная“, „Какъ идетъ въ кабакъ дѣтина“. Послѣднее распѣвалось въ народѣ и даже служитъ текстомъ для картинъ народнаго жанра. Привожу его здѣсь полностью:

Какъ идетъ въ кабакъ дѣтина —
Веселится, скачетъ,
А оттоль идетъ дѣтина —
Тужитъ все да плачетъ.

— „Отворяй, жена, ворота!“
Я млада вставала
И отъ пьяницы ворота
Крѣпко запирала.

„— Ты ступай, ступай, ярыжникъ,
Пьяный не являйся,
Гдѣ напился, гдѣ шатался —
Тамъ и протрезвляйся!

„Будетъ снѣжная пороша
Пьяницѣ постелью,
А крутое изголовье
Нанесетъ метелью.

„Ярки звѣзды шитый пологъ
Замѣнятъ собою,
Соберутся сѣры волки
Вкругъ тебя толпою.

„Поголубятъ, приласкаютъ
Пьянаго дружочка,
Долго памятна пьянчугѣ
Будетъ эта ночка!

„А пока ты протрезвишься,
Я къ себѣ иного
Зазову, закличу въ гости
Друга молодого.

„Съ нимъ я крѣпко обоймуся,
Цѣловаться буду,
Про тебя-же, мужъ постылый,
И совсѣмъ забуду.“

Умеръ И. Д. Родіоновъ 12 іюня 1881 года въ Ялтѣ послѣ тяжкихъ и мучительныхъ страданій; въ Ялтѣ же онъ и похороненъ.

Одинъ изъ друзей И. Д. Родіонова въ своихъ воспоминаніяхъ напечатанныхъ въ „Невѣ“ въ 1881 году, между прочимъ, такъ характеризуетъ личность покойнаго: „Живо припоминаю симпатичный обликъ Ивана Димитріевича, — пишетъ онъ. — Сколько было въ немъ задушевности, которая такъ ярко выливалась въ его тихой и грустной поэзіи!.. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ, когда онъ пришелъ меня провожать изъ Москвы вмѣстѣ съ И. З. Суриковымъ. Сколько тогда высказалось между нами симпатій и чувствъ, будто чувствовалось послѣднее разставаніе съ умершими друзьями. Какъ теперь помню, прощаясь со мной, Иванъ Дмитріевичъ говорилъ: „Смотри, другъ милый, не брани, не кори, что я тебѣ буду писать рѣдко; неохочъ я писать письма, ты же пиши ко мнѣ часто...“ Разлука и симпатичность Ив. Дм. запечатлѣлись въ моемъ сердцѣ навсегда. Вѣчная память о тебѣ, милый другъ, сохранится навсегда въ сердцахъ людей, тебя знавшихъ, а любящіе тебя друзья не забудутъ вовѣки.“

Въ 1896—97 г. кружкомъ писателей-самоучекъ былъ изданъ сборникъ стихотвореній „Нужды,“ посвященный памяти И. Д. Родіонова, съ его портретомъ, факсимиле и біографіей.

XVII.

М. А. Козыревъ.

Авторъ разсказовъ изъ народнаго и купеческаго быта и стихотвореній, Матвѣй Алексѣевичъ Козыревъ родился 6-го августа 1852 года въ подмос-

ковной деревнѣ близъ ст. Крюково, Николаевской ж. д., въ крестьянской семьѣ. Мальчикомъ онъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ его и опредѣлили въ табачную лавочку, которая находилась въ мѣстности, прилегающей къ Тверской заставѣ.

Въ эту табачную частенько заходилъ поэтъ-крестьянинъ И. З. Суриковъ и въ одно изъ своихъ посѣщеній засталъ Козырева за писаніемъ стиховъ, познакомился съ нимъ тутъ-же, и впослѣдствіи они стали хорошими друзьями.

Ободренный Суриковымъ, Козыревъ усердно принялся за „творчество“, и въ 1871 году въ журналѣ „Грамотей“ появилось его первое стихотвореніе „Раздумье старика“. Затѣмъ, уже стихи его стали печататься въ „Будильникѣ“, „Развлеченіи“, „Невѣ“, „Русскомъ Курьерѣ“, „Русскомъ Листкѣ“ и другихъ изданіяхъ.

Въ 70-хъ годахъ Козыревъ выпустилъ въ свѣтъ сборники своихъ разсказовъ: „Изъ народнаго житья-бытья“ и „Типы Замоскворѣчья“.

Оставивши службу въ табачной лавочкѣ, Козыревъ занялся ломовымъ извознымъ промысломъ, что дало ему возможность обзавестись собственнымъ домомъ, а лѣтъ за 7—8 до смерти Козыревъ купилъ въ Бронницкомъ уѣздѣ хуторъ, гдѣ и поселился навсегда, занявшись сельскимъ хозяйствомъ вдали отъ своихъ пріятелей поэтовъ-самоучекъ. И только въ апрѣлѣ 1912 года онъ пишетъ одному изъ своихъ молодыхъ друзей — И. И. Морозову о своей болѣзни. „Милый Иванъ Игнатьевичъ! Я лежу въ постели, настолько скверно въ болѣзненномъ состояніи, что такъ и чувствуется дуновеніе съ Елисейскихъ Полей“. Въ іюнѣ того-же года онъ слегъ въ больницу, а 9-го октября его не стало. Похороненъ онъ на своемъ хуторѣ.

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Козыревъ говоритъ о самомъ-себѣ:

„Не бѣда — много лѣтъ на плечахъ, —
Молодъ я съ сѣдиною въ кудряхъ...“

И почти до самой смерти онъ сохранялъ бодрый видъ, отличаясь богатырскимъ сложеніемъ и силой.

Привожу три стихотворенія покойнаго.

Разсвѣтъ.

Темнота весенней ночи
Въ полѣ разрѣдѣлась;
Смеркли звѣзды, ночи очи,
Зорька загорѣлась.

Освѣтился лѣсъ дремучій,
Зеленью одѣтый;
Щелкнулъ — чу! — пѣвецъ могучій
Соловейко гдѣ-то,

И далеко лѣсомъ трели
Звонко покатились, —
А верхушки стройныхъ елей
Зорькой золотились..

Въ небѣ, слѣдомъ за зарею,
Солнце появилось,
И омытая росою
Травка оживилась...

Сторона моя родная,
Ты, — какъ утро это, —
Разсвѣтай, преградъ не зная,
Просвѣщеньемъ свѣта!

Бѣда.

Въ деревушкѣ бѣдной, лѣтнею порою,
Мужики и бабы собрались толпою;
Про бѣду мірскую охаютъ, гуторятъ,
Изъ бѣды исхода ищутъ — не находятъ.
И бѣда-то точно съ неба къ нимъ свалилась:
Вишь, въ деревнѣ ночью баба удавилась.
Говорятъ, что худо ей житье-то было,
Что свекровь лихая всячески давила.
Бѣдная бабенка долго такъ терпѣла,
Ото всѣхъ украдкой плакала, хирѣла...

Лучшаго исхода не нашла бѣдняжка:
Наложила руки... Видно, было тяжко!
На горе всѣмъ съ жизнью бѣдная разсталась:
Сколько вѣдь хлопотъ-то мужичкамъ досталось!
Вотъ они тоскливо смотрятъ на дорогу,
Ждутъ-стоятъ судейскихъ — грозную тревогу.
Просятъ они Бога, чтобъ прошла невзгода,
Ихъ карману меньше было бы расхода...

Молитва.

Преклонивъ колѣни предъ Тобою, Боже,
Я молю — пошли мнѣ, что всего дороже:
Дай мнѣ силу-крѣпость справиться съ собою,
Чтобъ сумѣлъ жить въ дружбѣ съ правдою святою
И прямой дорогой шелъ бы съ правдой вмѣстѣ,
Сторонясь неправды, гордости и лести;
Сторонился-бъ злобы всюду, безъ возврата...
Чтобъ всегда и видѣлъ въ человѣкѣ брата;
Исполнялъ всегда бы заповѣдь святую,
Полюбивши „братьевъ", какъ семью родную!..

XVIII.

В. И. Ивановъ (В. Савихинъ).

Василій Ивановичъ Ивановъ, талантливый беллетристъ изъ народа, выступившій на литературное поприще подъ псевдонимомъ В. Савихинъ, родился 18-го марта 1858 года въ бѣдной крестьянской семьѣ, въ деревнѣ Гнѣздиловой, Гдовскаго уѣзда, Петербургской губерніи.

Мальчикомъ Ивановъ работалъ вмѣстѣ съ отцомъ на табачной фабрикѣ. Въ концѣ 70-хъ г. г. онъ перешелъ на казенный заводъ, гдѣ въ свободное отъ работы время занимался самообразованіемъ.

Печататься онъ сталъ съ 80-хъ г. г. въ „Русскомъ Богатствѣ," затѣмъ разсказы его помѣщались въ

„Сѣверномъ Вѣстникѣ“ и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ и газетахъ.

Въ 1906 году его произведенія были выпущены въ свѣтъ издательствомъ „Посредникъ“ отдѣльнымъ томомъ, въ который вошли „Пробужденіе“ и другіе разсказы.

Имя Иванова-Савихина, довольно популярно среди народныхъ массъ. Наиболѣе извѣстными его разсказами являются: „Аника-воинъ,“ „Дѣдъ Софронъ,“ „Кривая доля.“

XIX.

Н. А. Пановъ.

Богато одаренный талантомъ народный поэтъ Николай Андреевичъ Пановъ происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ; родился онъ 29 апрѣля 1862 года, въ селѣ Софьинѣ, Самарской губерніи и уѣзда.

Раннее дѣтство прошло у него невесело. Онъ скоро лишился родителей и попалъ къ отличавшемуся жестокостью дядѣ, не сочувствовавшему стремленіямъ своего племянника къ образованію, — почему ему и пришлось пройти только народную школу да три класса сызранскаго реальнаго училища.

Съ юныхъ лѣтъ Пановъ испыталъ немало горя, брошенный жизнью въ омутъ борьбы за кусокъ насущнаго хлѣба. Тяжело было жить ему подъ гнетомъ окружающихъ, а всякій, даже слабый, протестъ грозилъ лишеніемъ крова и пищи, ставилъ мальчика въ безвыходное положеніе. И вотъ однажды въ холодный, осенній дождливый день, онъ очутился на улицѣ. Идти было некуда. Жившій

съ нимъ подъ однимъ кровомъ и оставшійся у родственниковъ его братъ припрятывалъ для него послѣ обѣда или ужина куски хлѣба; ночевать же ему приходилось на берегу рѣки, въ полуразвалившейся землянкѣ, давно покинутой ея обитателемъ. Голоднаго, больного, лишеннаго силъ, подняли его, на паперти городского собора, какіе-то добрые люди и пріютили у себя.

Живя въ бѣдной мѣщанской семьѣ, Пановъ сталъ учиться телеграфному искусству, а затѣмъ случай помогъ ему опредѣлиться на желѣзную дорогу. Недостатокъ прерваннаго образованія онъ пополнялъ чтеніемъ книгъ и мечталъ даже о поступленіи въ университетъ, но долженъ былъ отказаться отъ своихъ мечтаній, вслѣдствіе незнанія древнихъ языковъ и серьезной болѣзни, которыя и помѣшали ему осуществить завѣтный планъ.

Всѣмъ своимъ духовнымъ и нравственнымъ развитіемъ Пановъ обязанъ только самому-себѣ и тѣмъ закалившимся въ борьбѣ силамъ, которыя вложила въ него природа.

Первыя стихотворенія его появились въ журналѣ „Сѣверная Звѣзда“ за 1877 г., первая книжка стихотвореній, (подъ заглавіемъ „Думы и пѣсни,“) вышла въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Вслѣдъ за тѣмъ поэтъ, огорченный неуспѣхомъ ея, какъ-бы исчезъ съ литературнаго горизонта; но прошло нѣсколько лѣтъ — и снова стало мелькать его чуждое еще для всѣхъ имя, сначала на столбцахъ провинціальныхъ (волжскихъ) газетъ, затѣмъ — на страницахъ журналовъ „Игрушечка,“ „Родина,“ „Звѣзда“, „Дѣло,“ „Колосья,“ „Семьянинъ,“ „Наблюдатель,“ „Новое Слово“, „Русская Бесѣда,“ „Благовѣстъ,“ и другихъ изданій.

Въ началѣ 90-хъ годовъ оно появлялось подъ общественными фельетонами „Русской Жизни“, издававшейся въ Петербургѣ г. Пороховщиковымъ. Затѣмъ, въ 1895 году вышелъ въ свѣтъ большой

томъ его стихотвореній „Гусли звончаты“ — съ портретомъ автора и обстоятельной біографіей, написанной извѣстнымъ собирателемъ памятниковъ народнаго творчества С. Г. Рыбаковымъ.

Въ концѣ 90-хъ годовъ вышла новая книга его „Зарницы и молніи“, въ которую включена большая комедія въ стихахъ „Ихъ торжество“, изъ-за цензурныхъ исключеній такъ и не увидѣвшая сцены. Спустя еще года два вышла третья книга, — большой (до 500 страницъ) романъ въ стихахъ „Владиміръ Волгинъ“, а вслѣдъ за тѣмъ и четвертая — сборникъ „Родному народу“. Послѣ этого критика, сначала и глухая, и нѣмая по отношенію къ Панову, начала заговаривать о поэтѣ. Затѣмъ, въ 1902 году, близкіе друзья его устроили ему юбилейное чествованіе по случаю исцолнившагося 25-ти лѣтія его литературной дѣятельности, послѣ котораго начали прислушиваться къ голосу его уже и недруги его музы.

За 90—906 годы стихотворенія Панова печатались на страницахъ „Новостей“, „Петербурской Жизни“, „Живописнаго Обозрѣнія“, „Сѣвера“, „Новаго Міра“, „Волгаря“, „Урала“, „Уральской Жизни“, „Новаго Вѣка“, „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „Звѣзды“, „Науки и Жизни“, „Обновленной Россіи“ и „Современной Жизни“. Въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ онъ печаталъ кромѣ стиховъ, и фельетоны — подъ псевдонимами Н. Невскій и Свободный Гражданинъ.

Множество сатирическихъ стихотвореній Панова было разбросано по разнымъ журналамъ 1905—906 годъ. Однако не въ сатирическихъ стихахъ, не въ фельетонахъ соль и цвѣтъ его творчества, а въ пѣсняхъ и думахъ, посвященныхъ родному народу, воспѣвающихъ горе и нужды бѣдныхъ простыхъ людей, оскорбленныхъ и униженныхъ судьбою, а также — въ яркихъ пѣсняхъ о свободѣ... Эти пѣсни навсегда останутся дороги всѣмъ цѣнящимъ поэзію и „любящимъ Русь“.

Средства къ существованію Панову приходилось добывать службою, на которой онъ почему-то недолго уживался. Горькая, полная лишеній жизнь подкосила его. Онъ умеръ 29 августа 1906 года въ Александровской больницѣ для чернорабочихъ въ Петербургѣ. Похороненъ — на „литераторскихъ мосткахъ“ Волкова кладбища.

Въ ноябрѣ того-же года друзьями покойнаго, при участіи знаменитой артистки М. И. Долиной, былъ устроенъ въ Петербургѣ вечеръ памяти Панова, въ залѣ Тенишевскаго училища, а вслѣдъ за тѣмъ былъ изданъ сборникъ подъ заглавіемъ „Впередъ“, составленный изъ послѣднихъ стихотвореній Н. А. Панова. Деньги, вырученныя отъ устройства вечера, пошли на памятникъ который 29 августа 1907 года и былъ освященъ на могилѣ поэта.

Вотъ какими стихами, кромѣ обычнаго некролога и отдѣльнаго очерка, посвященнаго характеристикѣ его поэзіи, проводилъ въ могилу друга-поэта А. А. Коринфскій (см. книгу его „Подъ крестною ношей“, изд. 1909 г., стран. 13—14):

„Я шелъ къ подъѣзду сумрачной больницы ..
Кончался августъ. . Былъ веселый день, —
Сіяло солнце, щебетали птицы,
Деревья — разодѣвшись въ багряницы —
Узорную бросали тѣнь...

Я черезъ садъ прошелъ съ душой унылой,
Вошелъ въ пріютъ недуговъ роковыхъ —
Гдѣ жизнь, горя послѣднихъ вспышекъ силой,
Клонилась скорбно предъ своей могилой —
На рубежѣ страстей и мукъ земныхъ.

И вотъ она — та скорбная палата,
Гдѣ онъ лежалъ — убитый жизнью другъ,
Чья мысль была такъ юностью богата...
Я подошелъ и — не узналъ собрата, —
Такъ измѣнилъ его недугъ!

Не онъ, а трупъ, лежалъ передо мною.
А такъ недавно онъ всей страстью жилъ,
Когда горѣлъ и гнѣвомъ, и тоскою,
Когда боролся мыслью огневою
За вольности родныхъ, народныхъ, силъ ..
Еще вздымалась грудь полуживая,
Но — что минута — властной смерти тѣнь,
Все явственнѣй объятья простирая,
Надъ нимъ витала, ближе подступая,
Гася его послѣдней скорби день...
Минуты мнѣ казалися часами, —
Всю жизнь его я вспомнилъ — жизнь борьбы,
Жизнь тяжкихъ мукъ, безумья злыми снами,
Вставшую кошмаромъ между нами —
Рабами общей нашей съ нимъ судьбы...
О, сколько думъ! О, сколько думъ возстало
Въ одно мгновенье!.. Что-жъ, конецъ пути!..
Твоя страда, товарищъ, миновала;
Ночь думъ твоихъ свѣтла отнынѣ стала,
Твой день — угасъ... Прощай и всѣхъ прости!..
Счастливѣе ты многихъ несравненно:
Не с ч а с т ь е развѣ умереть — какъ ты,
Все высказавъ — что было сокровенно,
Въ глаза всѣмъ бросивъ правду дерзновенно,
Всѣ выполнивъ завѣтныя мечты?!
Сынъ пахаря, — ты жилъ лишь для народа,
Пѣвецъ его — страдалъ ты вмѣстѣ съ нимъ,
Твоей была его бѣда-невзгода,
Была его печальница — Свобода —
И свѣточемъ, и факеломъ твоимъ.
И вотъ теперь — въ больницѣ для рабочихъ.
Въ кругу сыновъ неволи трудовой
Пришлось тебѣ, вдали отъ всѣхъ охочихъ
До грезъ любви и радостей всѣхъ прочихъ,
Побѣдною склониться головой...
Вокругъ тебя — воспѣтые тобою,
Кого ты звалъ на подвигъ, на борьбу,
Кто могъ понять тебя съ твоей судьбою...
Да, счастливъ ты свободною душою!
Какъ умеръ ты — не умереть рабу!..
Прости — прощай!.. Я вышелъ изъ больницы, —
Кипѣла жизнь, сіялъ лучами день,
Свободныя вились въ лазури птицы...
И мнилось мнѣ — по улицамъ столицы
Свобода шла съ величіемъ царицы,
Простившая былого рабства тѣнь..."

Н. А. Пановъ, какъ истинный пѣвецъ народа, не ограничиваетъ своего поэтическаго кругозора пѣснями объ одномъ пахарѣ; нѣтъ, его поэзіи не менѣе близокъ и гонимый нуждою рабочій, идущій на промысловую страду фабрикъ и заводовъ, переполняющій большіе города, ютящійся на чердакахъ и въ подвалахъ. Пановъ, извѣдавъ самъ всю тяжесть городской страды, далъ русской поэзіи цѣлую серію типичныхъ картинъ городской жизни, въ которыхъ онъ является пѣвцомъ униженныхъ и обездоленныхъ рабовъ нужды. Его стихотворенія: „Безпріютные“, „Дорогія деньги,“ „Увели“, „Въ послѣдній разъ!“, „Дѣти рынка“ и мног. др. производятъ тяжелое впечатлѣніе, каждое слово въ нихъ кажется облитымъ кровью сердца. Однако, на ряду съ такими стихами, поэтъ откликается и на другіе голоса городской жизни, какъ, напримѣръ: „Пѣсня неунывающихъ“, „Трынъ-трава“, „Семь бѣдъ одинъ отвѣтъ!“ и т. д., въ которыхъ слышатся уже не вопли отчаянія, а звуки безпечнаго отношенія ко всѣмъ житейскимъ невзгодамъ и лишеніямъ.

Любовь къ народу и сознаніе своего долга передъ нимъ настолько захватили собою весь его духовный міръ, что онъ поистинѣ былъ готовъ положить душу свою за его свободу; ему онъ принесъ въ даръ лучшіе перлы своей поэзіи, выдѣливъ ихъ изъ массы написаннаго въ особый сборникъ „Родному Народу“.

Въ наслѣдіи, оставленномъ имъ родной литературѣ, есть одно стихотвореніе, настолько характерное въ отношеніи любви къ народу, что можетъ замѣнить собою перечень всѣхъ его думъ и пѣсенъ. Это — „Привѣтъ жаворонку“.

„Встрѣчаешь солнце пѣсней ты,
Пѣвецъ полей и вѣстникъ свѣта,
И отвѣчаетъ съ высоты,
Въ сіяньи вѣчной красоты,
Оно улыбкою привѣта;

Шлютъ ароматъ тебѣ цвѣты,
Пѣвецъ полей и вѣстникъ свѣта...
Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О, жаворонокъ голосистый!

Поетъ надъ розой соловей
Въ отраду всѣмъ, кто любитъ нѣжно...
Онъ — царь садовъ, онъ — чародѣй
Влюбленныхъ молодыхъ людей,
Или живущихъ безмятежно...
Пусть онъ поетъ, поетъ звучнѣй —
Въ отраду всѣмъ, кто любитъ нѣжно!
Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О, жаворонокъ голосистый!

Заслыша пѣснь твою, встаетъ,
Берется дружно за работу
Бѣднякъ подъ бременемъ заботъ...
„Богъ-помочь!“ ты поешь, и вотъ —
Онъ бодръ; онъ гонитъ прочь дремоту...
Смиренный труженикъ-народъ
Берется дружно за работу.
Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О, жаворонокъ голосистый!

Поешь для жницы молодой,
И самому тебѣ отрадно,
Когда надъ рожью золотой,
Сіяньемъ солнца залитой,
Она тебѣ внимаетъ жадно,
Какъ пахарь-сѣятель весной...
И самому тебѣ отрадно.
Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О, жаворонокъ голосистый!

Пѣвецъ, собратъ мой по судьбѣ,
Я радъ, что ты — пѣвецъ народный...
Не любишь тьмы, и я въ борьбѣ
Стою за свѣтъ; всегда тебѣ
Отвѣчу пѣснею свободной...
Моя мольба — въ твоей мольбѣ!
Я радъ, что ты — пѣвецъ народный...

Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О, жаворонокъ голосистый!"

Въ пѣсняхъ Панова встаетъ вся трудовая жизнь нашего крестьянина-пахаря, прославленнаго своимъ терпѣніемъ, но въ то-же время неудержимаго въ богатырскихъ порывахъ къ волѣ. Поэтъ тяжкой народной доли — онъ, однако, не можетъ назваться пессимистомъ. Отъ хватающихъ за душу грустныхъ напѣвовъ въ-родѣ:

„Ночь темна-темнёшенька,
Въ домѣ тишина;
Я сижу младешенька
Съ вечера одна.
Словно мать желанная
По сынкѣ родномъ,
Плачетъ неустанная
Буря за окномъ,
До земли рябинушка
Гнется и шумитъ...
Лучина-лучинушка
Неясно горитъ..." —

— онъ переходилъ и къ такимъ, напримѣръ, бодрящимъ мотивамъ, какъ:

„Не боюсь я грозной темени ночной,
Ни вьюги, ни вѣтра встрѣчнаго:
Вечеркомъ поѣду въ-гости къ дорогой,
Ждетъ она дружка сердечнаго.
Запрягу я въ сани легкія коня,
Ужъ того-ль, что вихремъ носится!
Застоялся онъ въ конюшнѣ у меня
И на волю, борзый, просится...
Снѣжки бѣлые, пушистые снѣга,
Въ чистомъ полѣ забѣлѣлися;
Серебромъ-парчой равнины и луга,
Горы, долы пріодѣлися..."

А вотъ въ какихъ мощныхъ строфахъ Пановъ воспѣваетъ красавицу Волгу, мать русскихъ рѣкъ:

„Гой ты, русскихъ рѣкъ великая царица,
Наша крѣпкая надёжа и приволье,
Моря Каспія красавица-сестрица,
Молодецкое, широкое раздолье!
Гордой силы вѣковѣчная свобода,
Стародавней Руси славушка святая,
Неизмѣнная кормилица народа,
Гой ты, Волга, наша рѣченька родная!..“

Въ заключеніе приведу образецъ его чистой лирики, въ область которой онъ рѣдко заглядывалъ, но каждый разъ былъ и въ ней вполнѣ въ своей сферѣ:

„Въ глубокомъ, прохладномъ оврагѣ,
Гдѣ сумракъ и въ полдень царитъ,
Какъ тысячи трепетныхъ крыльевъ —
Зеленая роща шумитъ.
Лежу и въ таинственномъ шумѣ
Стараюсь открыть, разгадать
Ея чародѣйныя тайны,
Чтобъ въ пѣсняхъ своихъ передать...
Лежу неподвижно и слышу
Знакомыя, будто-бъ, слова:
То — нѣжно, съ цвѣтами сплетаясь,
Шуршитъ надо мною трава...
На вѣткахъ красиваго клена
Какая-то птичка поетъ,
И пѣсня невѣдомой птички
Такъ къ сердцу больному и льнетъ!
Здѣсь, въ ласковомъ этомъ затишьи,
Для бѣдныхъ страдальцевъ — пріютъ...
И я отдохнулъ бы, да думы
Забыться мнѣ все не даютъ.
Быть-можетъ, счастливая пара
Сюда приходила весной
И пѣла веселыя пѣсни,
Какъ птичка поетъ надо мной...
А я одинокъ, одинокъ я —
Что мрачный надъ моремъ утесъ, —
Никто моей пѣсни не слышитъ,
Не видитъ никто моихъ слезъ...“

XX.

К. М. Фофановъ.

Константинъ Михайловичъ Фофановъ, родился 18-го мая 1862 года, въ происходившей изъ крестьянъ Олонецкой губерніи небогатой мѣщанской семьѣ, въ Петербургѣ. Дѣдъ его былъ простымъ извозчикомъ, отецъ занимался торговлей дровами и углемъ. Дѣтство будущій знаменитый лирикъ провелъ въ родной семьѣ и съ самаго начала ученья (не пошедшаго дальше частнаго приготовительнаго училища) такъ пристратился къ чтенію, а въ особенности къ поэзіи, что не разставался съ Пушкинымъ, художественные завѣты котораго воспринялъ всецѣло и воплотилъ въ своемъ носящемъ отблескъ геніальности поэтическомъ творчествѣ.

Писать стихи К. М. Фофановъ началъ еще въ годы дѣтства, но выступилъ въ печати только въ 1881-мъ году, будучи 19 лѣтнимъ юношей. Первое его стихотвореніе было случайно напечатано въ газетѣ „Русскій Еврей“, и уже съ 1883 года имя его стало знакомо всѣмъ истиннымъ цѣнителямъ поэзіи, начавшимъ чутко прислушиваться къ каждому новому напѣву его полнозвучной лиры. Его произведенія наперебой печатали солидные журналы и газеты: „Русское Богатство“, „Русская Мысль“, „Нива“, „Новь“, „Живописное Обозрѣніе“, „Недѣля“, „Художникъ“, „Трудъ“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Наблюдатель“, „Вѣкъ“, „Всемірная Иллюстрація“, „Новое Время“ (гдѣ ему, въ-виду его выходящей изъ ряда талантливости, было оказываемо исключительное вниманіе), „Биржевыя Вѣдомости“, „Сѣверъ“, „Журналъ для всѣхъ“ и многія, многія другія изданія, считавшія честью для себя украсить свои страницы именемъ этого поистинѣ, „поэта милостью Божіей“, хранившаго въ своей вдохновенной душѣ до конца дней неизсякаемый источникъ творчества. Къ 1887-му году, когда кни-

гоиздательствомъ Германъ Гоппе была выпущена первая книга стихотвореній (Мелкія стихотворенія. — Фантазіи. Библейскіе мотивы. — Думы. — Сказки и поэмы. — Отрывки), о Константинѣ Фофановѣ весь литературный Петербургъ говорилъ уже, какъ о „звѣздѣ первой величины"; его мелодичные стихи перекладывались на музыку извѣстными композиторами, переводились на иностранные языки, читались съ эстрады на концертахъ. Автора ихъ приглашали къ участію на благотворительныхъ литературныхъ вечерахъ, считали за честь увидѣть въ высокопоставленныхъ литературно-художественныхъ салонахъ. Явилось множество его подражателей. Со всѣхъ концовъ Россіи его засыпали письмами. Знаменитый художникъ И. Е. Рѣпинъ нарисовалъ его портретъ для академической выставки. Слава сама гналась за молодымъ поэтомъ, нисколько объ этомъ ни заботившимся, а даже — наоборотъ — сторонившимся отъ нея и безумно расточавшимъ свой высокій даръ, которому одни радовались, другіе – завидовали. Скромный до послѣдней степени, онъ не только не возгордился отъ охватившей его отовсюду атмосферы славы, но старался слиться во всѣми. На рѣдкость довѣрчивый („дитя душой") — онъ въ каждомъ видѣлъ друга и брата, отдавалъ послѣднее каждому просившему, жилъ бѣднякомъ и въ полномъ смыслѣ слова всю свою жизнь былъ мученикомъ собственнаго слабоволія: не берегъ ни себя-самого, ни своего изумительнаго дарованія. Какъ человѣкъ, онъ былъ положительно не приспособленъ къ практической жизни („не отъ міра сего"), а дивный талантъ его, несмотря на всю свою исключительность, былъ хрупокъ, — „беречь" же его было некому.

Въ 1889-мъ году появилась вторая книга его стихотвореній (изд. А. С. Суворина). Не уступая по яркости красокъ, изяществу стиха и красотѣ обра-

зовъ произведеніямъ, собраннымъ въ первой книгѣ, эти стихотворенія уже, въ большинствѣ, лишены чарующей свѣжести, какою охватывало читателя даже при бѣгломъ перелистываніи страницъ той, — на нихъ уже лежитъ налётъ усталости. Къ 1892-му году вышла въ свѣтъ третья книга Фофанова „Тѣни и тайны“ (изд. М. В. Попова). Всѣ 352 страницы ея выдаютъ въ авторѣ уже надломленнаго жизнью человѣка, талантъ его (все еще полный вдохновенныхъ звуковъ) надорванъ въ значительной степени, становится „больнымъ“, хотя временами и возгорается съ прежнимъ пыломъ и способенъ „жечь“ своимъ „глаголомъ сердца людей“, возвышаясь до пророческой проникновенности. Въ 1896 г. новое изданіе 2-й книги, значительно дополненное позднѣйшими произведеніями, было выпущено въ пяти отдѣльныхъ сборникахъ („Майскій шумъ“, „Снѣгурочка“, „Монологи“ и др.) тою-же издательскою фирмою. Они напомнили всѣмъ о прежнемъ Фофановѣ и явились какъ-бы новою неувядаемою гирляндою въ вѣнкѣ его славы. Но слѣдующій-же новый объемистый томъ стихотвореній истерзаннаго жизнью поэта („Иллюзіи“), вышедшій въ 1900-мъ году такъ-же въ изданіи А. С. Суворина и содержащій въ себѣ образцы позднѣйшей его лирики, баллады, сказки, разсказы въ стихахъ, поэмы и проч., былъ еще большимъ показателемъ того, что талантъ его автора уже находился въ агоніи, чѣмъ „Тѣни и тайны“. Агонія эта, однако, была продолжительнѣе, чѣмъ можно было предполагать: еще цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ К. М. Фофановъ изнемогалъ подъ тяжкимъ молотомъ жизни, писалъ неутомимо, изливалъ въ стихахъ вопли своей измученной уже души (порою въ изумительно прекрасныхъ строфахъ) и, наряду съ вымученными, слабыми и туманными, дарилъ своимъ читателямъ художественные шедевры кристально-ясной, высокой красоты, то полные глубоко-философской

мысли о тайнахъ мірозданія, то затрагивающіе животрепещущіе запросы души современнаго поколѣнія, то прямо-таки гипнотизирующіе своею „поэзіею настроеній". Какъ изумительно было всѣмъ „напыщеннымъ собой" воспринимать все это отъ того Фофанова, который не получилъ никакого образованія кромѣ жалкихъ начатковъ его въ пору дѣтства. А, между тѣмъ, духовный кругозоръ его былъ такъ широкъ, такъ всеобъемлющъ даже въ сумрачные годы его печальнаго „умиранія" подъ невыносимымъ для другихъ гнетомъ нравственныхъ и физическихъ недуговъ. Воистину это былъ одинъ изъ немногихъ избранниковъ, носителей чудотворящей искры Божіей, поющихъ по вдохновенію свыше.

Не лишено относительнаго интереса предсказаніе, которое сдѣлала еще 14-ти лѣтнему Фофанову цыганка. Она предсказала ему и славу, и деньги, и нищету, и смерть на 50-мъ году отъ рожденія. И все это сбылось буквально: осѣненный громкою славою, приносившей съ собою и не удерживавшіеся у него въ рукахъ крупные порою гонорары, онъ умеръ почти въ нищетѣ. Лишенный вслѣдствіе тяжкой болѣзни возможности что-либо заработать, онъ жилъ въ свою послѣднюю зиму въ одной изъ дачныхъ окрестностей Петербурга со своею многодѣтной семьей въ самой ужасающей обстановкѣ, голодая въ полномъ смыслѣ этого слова. Простудившись, онъ слегъ окончательно, оставаясь даже безъ медицинской помощи. Случайно узнавши объ этомъ, остававшіеся вѣрными ему старые литературные друзья перевезли его въ одну изъ частныхъ петербургскихъ больницъ, гдѣ онъ пользовался исключительно внимательнымъ уходомъ и лѣченіемъ, но было уже поздно: едва придя въ себя передъ смертью, онъ скончался 17-го мая 1911 г. и похороненъ, по высказанному имъ-самимъ желанію, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря —

невдалекѣ отъ могилъ Майкова, Тютчева и Некрасова. Надъ его свѣжей могилою произнесено было немало прощальныхъ рѣчей и стихотвореній. Вотъ одно изъ послѣднихъ, принадлежащее А. А. Коринфскому, напечатанное въ журналѣ „Пробужденіе“.

Ниспосланный на землю небесами —
Пѣвецъ любви — онъ бремя жизни влёкъ,
Какъ тяжкій крестъ подъ знойными лучами,
Смотря въ глубь жизни скорбными очами,
Какъ оскорбленный ближними пророкъ

Рвался онъ въ высь душою вдохновенной
Отъ міра золъ, отъ бездны суеты, —
Восторженный во всемъ, проникновенный;
А жизнь рвала рукою дерзновенной
Его мечтой взрощонные цвѣты.

Давила жизнь, гнала его сурово
Отъ тѣхъ высотъ, гдѣ съ нимъ жила мечта,
Куда влекла и мысль его, и слово,
Срывая съ сердца тяжкія оковы,
Безсмертная, святая Красота.

Изгнанникомъ безропотно — печальнымъ
Онъ жилъ подъ ливнемъ, грознымъ ливнемъ, бѣдъ,
Тьму озаряя свѣтомъ идеальнымъ;
Онъ былъ такимъ безумцемъ геніальнымъ,
Какими встарь гордился-бъ цѣлый свѣтъ.

Безпомощный въ борьбѣ съ самимъ-собою —
Былъ искрененъ и кротокъ, какъ дитя, —
Пылалъ всю жизнь нездѣшнею тоскою,
Не могъ идти за шумною толпою,
Благословлялъ весь Божій міръ, грустя.

Пѣснь — съ жизнью въ немъ загадочно сливалась;
И не понять — кончалась гдѣ одна
И гдѣ другая властно начиналась,
Гдѣ быль въ потокъ мелодій претворялась,
Взлетая въ высь съ низинъ глубокихъ дна.

Онъ — весь горѣлъ... И вотъ — сгорѣлъ предъ нами
На пламени своихъ мятежныхъ думъ,
Слился навѣкъ съ разсвѣтными лучами;
Пѣвецъ любви, — какъ пѣлъ онъ съ соловьями,
Такъ и замолкъ — подъ свѣтлый майскій шумъ.

Когда случается выбирать изъ стихотворнаго наслѣдія, оставленнаго К. М. Фофановымъ, наиболѣе характерные образцы его поэтическаго творчества, невольно теряешься: такъ много у него истинныхъ перловъ, безъ каждаго изъ которыхъ какъ-бы чего-то недостаетъ для выясненія его творческаго облика, — чего-то важнаго, существеннаго. Приходится, однако, и здѣсь примириться съ этимъ, взявъ изъ его книгъ нѣсколько по возможности разнородныхъ стихотвореній. Нельзя, прежде всего, не включить въ ихъ число слѣдующаго шедевра изъ шедевровъ его ранней лирики:

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя;
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.
И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя,
И распѣли ихъ вѣтры мятежные
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.
И земля — подъ весенними ласками,
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.
И теперь — въ эти дни многотрудные,
Въ эти темныя ночи ненастныя
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво-чудныя.

Въ болѣе позднее время, когда поэтъ былъ уже въ значительной степени отравленъ горечью жизни, изъ-подъ его пера вылилось такое проникновенное стихотвореніе:

Я сердце свое захотѣлъ обмануть.
Довольно, — сказалъ я, — печалиться въ мірѣ:
Прекрасенъ и свѣтелъ нашъ жизненный путь,
Цвѣты на полянахъ и струны на лирѣ,
И волны на морѣ, и звѣзды въ эфирѣ —
Все дышетъ, чтобъ слаще намъ было вздохнуть...
Я сердце свое захотѣлъ обмануть!..

И сердце забилось тревогою знойной,
Исполнилось силой, зажглося огнемъ —
Гдѣ другъ передъ другомъ, боецъ предъ бойцомъ
Сходились съ открытымъ и дерзкимъ лицомъ
И кровь проливали, и мѣрили силы, —
Съ не-братской отвагой разили мечомъ
И съ братской тоскою копали могилы.

Любимыя очи мнѣ лгали опять,
Вѣнокъ мой душистый былъ бурей развѣянъ.
Недолго любилъ я, чтобъ долго страдать,
Немного простилъ я — и много осмѣянъ:
Цвѣты опьяняли дыханіемъ грудь,
И думы тѣснило смятенье разгула...
Я сердце свое захотѣлъ обмануть,
А сердце — меня обмануло!..

Вотъ еще стихотвореніе — совершенно въ иномъ родѣ, являющееся какъ-бы отвѣтомъ поэта самому-себѣ на „исканіе Бога:“

Не говори, что дни былые
Свѣтлѣй и чище отъ того,
Что тамъ Христосъ дѣла святыя
Творилъ и видѣли впервые
Тамъ Жизнедавца своего!

Не сожалѣй, что опоздали
Мы къ днямъ гоненій и чудесъ,
Что мукъ Христа не облегчали,
И что въ непонятой печали
Учитель распятъ и воскресъ.

Онъ здѣсь — Христосъ! Онъ — между нами,
Онъ — въ добромъ сердцѣ и въ очахъ,
Когда правдивыми словами
Ты убѣждаешь со слезами
О вѣчной правдѣ въ небесахъ.

Онъ — здѣсь, въ толпѣ, къ Нему готовой
Придти и вымолить любовь,
Онъ только снялъ вѣнецъ терновый
И обѣщаетъ жизни новой
Святую вѣру вновь и вновь.

И, осѣненъ кадильнымъ дымомъ,
Сіяньемъ радугъ и денницъ,
Пришелъ Онъ къ падшимъ и гонимымъ
И всталъ хранителемъ незримымъ
У обезславленныхъ темницъ.

Какимъ яркимъ „диссонансомъ“ врывается въ переливныя волны мелодій, стансовъ, элегій любовнаго содержанія, плѣнительныхъ фантазій, картинъ природы, окрашенныхъ мистическими порывами думъ, пессимистическихъ воплей души и другихъ стихотвореній К. М. Фофанова слѣдующее незабываемое произведеніе его поистинѣ многограннаго пера:

Нашъ домовой.

Люблю тебя, нашъ русскій домовой!
Волшебнымъ снамъ, какъ старинѣ, послушный,
Ты вѣешь мнѣ знакомой стариной,—
Пою тебя, нашъ демонъ простодушный!
Ты близокъ мнѣ, волшебникъ дорогой.
Довѣрчивый, ты скромныя угодья
Моихъ отцовъ и дѣдовъ охранялъ,
Ихъ — зернами и хмѣлемъ осыпалъ...
Ты близокъ мнѣ, я — внукъ простонародья.
И первый ты въ младенческой тиши
Дохнулъ тепломъ мнѣ родственной души,
И слышался тогда твой вздохъ печальный.
Онъ -- какъ вопросъ — звучалъ изъ тишины,
А, можетъ-быть, изъ тьмы первоначальной,—
„Не правда-ли, всѣ люди? всѣ равны?“
И сталъ ты мнѣ, какъ откровенье, сладокъ,
И полюбилъ я тихій твой приходъ —
То съ нѣгою плѣнительныхъ загадокъ,
То съ мукою язвительныхъ заботъ.

*

Народъ живетъ; народъ еще не вымеръ...
Ты помнишь-ли, какъ Солнышко-Владиміръ,
Твой добрый князь, крестился у Днѣпра?..
Ты бражничалъ у княжаго двора,
Ты сторожилъ и мелъ его хоромы...
И дѣвичьи мечты тебѣ знакомы.
Какъ часто ты довѣрчивой княжнѣ
Внушалъ любовь; въ докучной тишинѣ,
Когда дрожалъ лампадный лучъ въ часовнѣ,
Въ безсонный часъ, при ласковой лунѣ,
Она, дитя, мечтала о неровнѣ.
Ты былъ одинъ свидѣтель нѣжныхъ чаръ,
Ты разжигалъ сердечной страсти жаръ,

Ей навѣвалъ любовную истому,
Сонъ отгонялъ, — и, наконецъ, она,
Дыханіемъ твоимъ обожжена,
Лебяжій пухъ мѣняла на солому...
И, между тѣмъ, какъ старый князь дрожалъ,
Влюбленныхъ слѣдъ ты нѣжно заметалъ
И колдовалъ надъ милою деревней,
Гдѣ страсть полнѣй и пѣсни задушевнѣй...

*

Ты дорогъ мнѣ, таинственный кумиръ;
Моихъ страстей и грезъ моихъ наперсникъ,
По-своему ты любишь грѣшный міръ.
Родныхъ полей и дымныхъ хатъ ровесникъ,
Веди меня въ сѣдую глушь лѣсовъ,
Къ полямъ, къ труду, къ замедленному плугу!..
Не измѣни неопытному другу, —
Дай руку мнѣ!.. Ты видишь, я готовъ
Смѣнить тоску нарядныхъ лестью горницъ,
Гдѣ зрѣетъ страсть завистливыхъ затворницъ,
Лукавыхъ женъ, холодныхъ дочерей,
Кичащихся лишь немощью своей, —
На скромный даръ завѣтныхъ огородовъ,
На золото колеблющихся нивъ...
Тамъ ты вдохнешь мнѣ силу новыхъ всходовъ
И стану я, по-твоему, счастливъ!..
И грѣшный вопль раскаянья забуду, —
И радостью труда исполненъ буду,
Свой новый путь, какъ жизнь, благословивъ.

Это стихотвореніе было написано въ 1891 году, и почти въ то-же-самое время изъ его сердца вырывались уже такіе страдальческіе звуки, какъ:

„Моя душа полна отравой,
Воспоминаньемъ и тоской...
Какъ я не правъ, о Боже Правый,
Передъ всевидящимъ Тобой!..
Простри-же благостную руку,
Дай сердцу заповѣдь любви
И за нее — хотя-бъ на муку
И на позоръ благослови!..“

Неотразимое впечатлѣніе производитъ заключительное стихотвореніе третьей книги К. М. Фо-

фанова, являющееся какъ-бы его завѣщаніемъ живущему и дѣйствующему поколѣнію:

Живите, люди добрые! Живите, люди честные!
Стремися, юность смѣлая, безъ устали впередъ!
Тебѣ — земля цвѣтущая, тебѣ — огни небесные,
Тебѣ — весна румяная и шопотъ вешнихъ водъ...
Живите, возлюбившіе все свѣтлое, все чистое, —
Вы — правдѣ неизмѣнные глашатаи земли!
Недаромъ солнце знанія, какъ истина — лучистое,
Все ярче разгорается и блещетъ вамъ вдали...
Живите — будьте счастливы! Тотъ счастливъ, кто съ младенчества
Въ толпѣ желаній призрачныхъ не зналъ лукавыхъ грезъ,
И счастливъ тотъ, кто съ вѣрою погибъ за человѣчество,
Кто рано легъ въ холодный гробъ, кто зла не перенесъ.
Но тѣ — еще счастливѣе, кому борьба печальная
Не смѣла крылья юныя до времени разбить,
Чье слово вдохновенное, какъ арфа — музыкальное,
Осталось въ мірѣ дремлющихъ на доброе будить...
Исчезнетъ зло мятежное, пройдутъ мечты лукавыя,
Пройдутъ непостоянные, безумные года,
Погибнутъ всѣ жестокіе, погибнутъ всѣ неправые,
А истинна великая и слово — никогда!..

XXI.

Н. А. Лазаревъ (Темный).

Николай Артемьевичъ Лазаревъ — даровитый авторъ разсказовъ и незаурядный изобрѣтатель, происходилъ изъ среды простыхъ рабочихъ, родился въ 1863 году.

Онъ болѣе 20-ти лѣтъ проработалъ въ мастерскихъ Брестской желѣзной дороги, затѣмъ служилъ въ мастерскихъ московскаго городского трамвая. Работая въ мастерскихъ и видя различные техническіе недостатки, онъ сдѣлалъ рядъ, съ немалой пользою для дѣла примѣненныхъ на практикѣ, изобрѣтеній, измѣнившихъ его положеніе про-

стого рабочаго на болѣе самостоятельное и обезпеченное.

Своимъ появленіемъ въ литературѣ онъ обязанъ извѣстному писателю-народнику Н. Н. Златовратскому. Лучшими его произведеніями являются разсказы: „Наслѣдство“ и „Обыскъ“.

Печатался Н. А. Лазаревъ, всегда подъ псевдонимомъ Темный, въ „Русскомъ Богатствѣ“, „Образованіи“, „Новомъ Словѣ“, въ изданіяхъ „Посредника“ и нѣкоторыхъ другихъ.

Умеръ и похороненъ онъ въ 1910-омъ году въ Москвѣ — на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Годъ спустя, на его могилѣ, по почину его друга И. А. Бѣлоусова, поставленъ памятникъ изъ полированнаго гранита съ портретомъ покойнаго и соотвѣтственными надписями.

XXII.

Максимъ Горькій (А. М. Пѣшковъ).

Однимъ изъ крупнѣйшихъ талантовъ нынѣшняго времени является писатель изъ народа Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, достигшій всемірной извѣстности подъ псевдонимомъ Максима Горькаго.

Родился А. М. Пѣшковъ — онъ-же Максимъ Горькій — въ Нижнемъ-Новгородѣ 14-го марта 1868 года. По своему происхожденію Максимъ Горькій отнюдь не принадлежитъ къ тѣмъ „отбросамъ общества“, пѣвцомъ которыхъ онъ выступаетъ въ литературѣ.

Рано умершій отецъ Горькаго изъ обойщиковъ выбился въ управляющіе большой пароходной конторы; дѣдъ со стороны его матери — Каширинъ былъ богатый красильщикъ. Семи лѣтъ М. Горь-

кій остался круглымъ сиротою, а дѣдъ его началъ разоряться, и для заброшеннаго, почти не знавшаго ласки, мальчика наступила пора тяжелыхъ невзгодъ и скитаній, которая и побудила его избрать себѣ впослѣдствіи псевдонимъ Горькаго.

Жизнь этого писателя весьма необычайна. Сначала его отдаютъ въ „мальчики“ въ магазинъ обуви, затѣмъ онъ попадаетъ ученикомъ къ родственнику-чертежнику. Житье его было такое „сладкое“, что мальчикъ, унаслѣдовавшій отъ отца и дѣда энергію и страсть къ приключеніямъ, сбѣжалъ, и съ тѣхъ поръ началась для него борьба за существованіе и постоянная смѣна занятій и профессій. М. Горькій поступаетъ въ иконописную мастерскую, но и оттуда побывъ недолго, убѣжалъ и вскорѣ поступилъ на волжскій пароходъ въ ученики къ повару. Поваръ, къ счастью для мальчика, оказался грамотнымъ, у него нашлось немало книгъ, и вотъ здѣсь-то и началось первое знакомство будущаго писателя съ литературой.

Изъ поваренковъ М. Горькій попалъ въ садовники, въ это время онъ серьезно задумалъ учиться, для чего и поѣхалъ въ Казань, предполагая, что тамъ науки преподаются даромъ. Но, къ великому огорченію и разочарованію, онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, вслѣдствіе чего и поступилъ въ крендельное заведеніе, на жалованье по 3 руб. въ мѣсяцъ.

Періодъ жизни Горькаго въ Казани принадлежитъ къ числу самыхъ тяжелыхъ. Тутъ-то онъ, по горькой необходимости, и свелъ тѣсное знакомство съ міромъ „бывшихъ людей“, въ разныхъ трущобахъ и ночлежкахъ. Въ это время Горькій работалъ на рѣкѣ, пилилъ дрова, таскалъ грузы, урывками почитывая книги, между нелегкимъ своимъ дѣломъ.

Вмѣстѣ съ борьбой за существованіе въ Горькомъ пробуждается и борьба духа. Въ 1888 году, въ періодъ особо острой нужды и прямой голо-

довки, Горькій, будучи уже 19-ти лѣтъ, доходитъ до такого состоянія, что покушается на самоубійство, пустивъ въ себя пулю. Къ счастью, рана не имѣла смертельнаго исхода, и, оправившись, Горькій принимается за торговлю яблоками въ-разносъ.

Послѣ Казани Горькій попадаетъ въ Царицынъ линейнымъ сторожемъ на желѣзную дорогу. Затѣмъ, онъ отправляется въ Нижній, гдѣ ему предстояло отбывать воинскую повинность. Но для солдатчины онъ оказался непригоднымъ; забракованный пріемной комиссіей, онъ становится продавцомъ баварскаго кваса, а затѣмъ попадаетъ писцомъ къ нижегородскому присяжному повѣренному М. А. Ланину, въ лицѣ котораго и нашелъ наставника.

Несмотря на то, что Горькій впервые за долгіе годы нашелъ и уютъ, и привѣтъ, его, однако, скоро потянуло вдаль. И вотъ онъ попадаетъ въ Донскую Область, на Украйну, въ Бессарабію, на южный берегъ Крыма, идетъ на Кубань, а затѣмъ на Кавказъ.

Начало литературной дѣятельности М. Горькаго относится къ 1892 году. Въ Тифлисѣ, гдѣ Горькій работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, онъ отнесъ въ редакцію газеты „Кавказъ“ полусказочный очеркъ изъ знакомой ему по бессарабскимъ странствованіямъ цыганской жизни — „Макаръ Чудра“, который и былъ напечатанъ въ одномъ изъ октябрьскихъ №№.

Вернусшись на Волгу, Горькій начинаетъ сотрудничать въ нижегородскихъ и казанскихъ газетахъ, а съ разсказомъ „Емельянъ Пиляй“ попадаетъ въ столичную прессу, въ „Русскія Вѣдомости“, и въ самомъ непродолжительномъ времени завоевываетъ всеобщую извѣстность.

Къ 1893—94 г. г. относится знакомство Горькаго съ жившимъ въ то время въ Нижнемъ-Новгородѣ

В. Г. Короленкою, который немалую роль сыгралъ въ литературной судьбѣ Горькаго, какъ и нѣкоторые другіе покровительствовавшіе ему литераторы.

Конечно, они распознали въ немъ несомнѣнный талантъ, но никому и въ голову не приходило, какая судьба ждетъ этого исключительно талантливаго самородка.

Въ теченіе 1895, 1896 и 1897 г. г. появляются разсказы Горькаго въ „Русскомъ Богатствѣ“ — „Челкашъ“, а затѣмъ въ „Русской Мысли“ — „Супруги Орловы“ и „Ошибка“ и цѣлый рядъ разсказовъ въ другихъ журналахъ и газетахъ.

За ними — большой романъ „Ѳома Гордѣевъ“ и т. д. Отдѣльныя изданія, сборники „Знанія“, пріобрѣтшіе ему громадную аудиторію читателей, полную матеріальную обезпеченность, много друзей и враговъ... Все это напоминало-бы какія-то превращенія изъ волшебной сказки, если-бы не совершалось у всѣхъ на глазахъ.

Въ заключеніе очерка о Горькомъ, не входя въ характеристику его извѣстныхъ всѣмъ и каждому произведеній, я укажу только, что Горькій, выучившійся у своего дѣда чтенію по Псалтири и Часослову, до всего остального дошелъ путемъ самообразованія безъ всякой посторонней помощи.

Въ настоящее время Горькій составилъ себѣ громкую извѣстность не только въ русской современной литературѣ, гдѣ этому самообразовавшемуся писателю отведено одно изъ первыхъ мѣстъ, но и въ значительной степени популяренъ заграницей, такъ какъ произведенія его переведены на всѣ европейскіе языки.

XXIII.

Скиталецъ (С. Г. Петровъ).

Одинъ изъ выдающихся современныхъ писателей-самородковъ Степанъ Гавриловичъ Петровъ, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Скиталъца, — сынъ крестьянина, родился въ 1868 году въ Самарской губерніи. Въ дѣтствѣ — съ отцомъ-гусляромъ онъ игралъ по ярмаркамъ, — учился въ учительской семинаріи, но до окончанія курса былъ исключенъ „за неблагонадежность“. Послѣ этого онъ нѣкоторое время служилъ писцомъ, потомъ — пѣвчимъ въ архіерейскомъ хорѣ, затѣмъ — странствующимъ хористомъ въ малороссійской труппѣ.

Литературная дѣятельность его началась съ 1898 года въ „Самарской Газетѣ“ — стихотворными фельетонами. Кромѣ многочисленныхъ прекрасныхъ повѣстей и разсказовъ, создавшихъ ему литературное имя, С. Г. Петровъ пишетъ изрѣдка и стихотворенія, отличающіяся вдохновенной энергіей. Къ лучшимъ произведеніямъ его принадлежатъ разсказы: „Ранняя обѣдня“, „Спѣвка“, „Октава“, „За тюремной стѣной“, „Полевой судъ“, „Сквозь строй“, „Этапы“, „Отстала“. Наиболѣе капитальнымъ произведеніемъ является большая повѣсть „Огарки“, напечатанная въ одномъ изъ извѣстныхъ сборниковъ „Знанія“ въ 1906 году. Повѣсти, разсказы и стихотворенія его, печатавшіеся въ этихъ сборникахъ и въ лучшихъ ежемѣсячныхъ журналахъ передового направленія, изданы тремя отдѣльными томами въ 1903—1910 г. тою-же фирмою „Знаніе“.

Какъ беллетристъ, Скиталецъ отличается острой наблюдательностью, колоритнымъ волжскимъ языкомъ, силою изобразительности и способностью объединять простоту пріемовъ творчества съ яркой художественностью. Онъ — одинъ изъ тѣхъ писателей, произведенія которыхъ захватываютъ читателя съ первой до послѣдней страницы.

Будучи близкимъ другомъ и единомышленникомъ М. Горькаго и Л. Андреева, онъ не вдался изъ-за этого въ подражаніе имъ, но удержался на своей — болѣе скромной, но не менѣе твердой — почвѣ. Это одно уже говоритъ за жизненность его самобытнаго таланта.

Всѣ разсказы и очерки Скитальца отличаются своеобразною пѣвучестью, которая вырывается не только въ звучномъ каскадѣ словъ, точно собирающихся перелиться въ стихи, но и сообщаетъ его произведеніямъ какую-то внутреннюю музыкальность, и всѣ они какъ-бы представляютъ собою одну пѣснь.

Отъ отца-гусляра Скиталецъ-Петровъ воспринялъ и его музыкальное дарованіе. И будучи уже извѣстнымъ писателемъ, онъ не забылъ когда-то кормившихъ его гуслей. Достигши въ игрѣ на старинномъ народномъ инструментѣ большого совершенства, онъ до сихъ поръ время отъ времени даетъ на гусляхъ цѣлые концерты — какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ городахъ, пропагандируя родную ему волжскую народную пѣсню.

Привожу два стихотворенія Скитальца для ознакомленія съ этимъ родомъ его творчества.

* * *

Колокольчики-бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Тройка мчится, комья снѣжные летятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль!
Нѣтъ ни звѣздочки на темныхъ небесахъ,
Только видно, какъ мелькаютъ огоньки.
Не смолкаетъ звонъ малиновый въ ушахъ,
Въ сердцѣ нѣту ни заботы, ни тоски.
Эхъ! лети, душа, отдайся вся мечтѣ,
Потоните, хороводы блѣдныхъ лицъ!
Очи милыя мнѣ свѣтятъ въ темнотѣ
Изъ-подъ черныхъ, изъ-подъ бархатныхъ рѣсницъ...
Эй, вы, шире, сторонитесь, — раздавлю!
Безконечно, жадно хочется мнѣ жить!
Я дороги никому не уступлю,
Я умѣю ненавидѣть и любить...
Ручка нѣжная прижалась въ рукавѣ...

Не пришлось бы мнѣ лелѣять той руки,
Да отъ снѣжной пыли мутно въ головѣ,
Да баюкаютъ бубенчики-звонки!
Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замолчите вы, лукаво затая,
Тайны нѣжныя, завѣтныя мои!
Ночь окутала насъ бархатной тафтой,
Звѣзды спрятались, лучей своихъ не льютъ,
Да бубенчики подъ кованой дугой
Про любовь мою болтаютъ и поютъ.
Пусть узнаютъ люди хитрые про насъ,
Догадаются о ласковыхъ словахъ
По бубенчикамъ, по блеску черныхъ глазъ,
По растаявшимъ снѣжинкамъ на щекахъ.
Хорошо въ ночи бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Сквозь рѣсницы очи милыя блестятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль...

---

* * *

Спитъ море предо мной... А я на берегу
Сижу и жду, печальный и угрюмый.
Жду вѣтра я: разстаться не могу
Съ давно-созрѣвшею, взлелѣянною думой.
Мнѣ посылаетъ даль безбрежная привѣтъ,
А вѣтра — нѣтъ и нѣтъ!

Готовъ ужъ мой челнокъ, готовъ и парусъ мой;
Волна житейская приходитъ и отходитъ.
И вѣра теплится въ душѣ моей живой,
И мысли смѣлыя, не умолкая, бродятъ;
Лѣнивая волна шумитъ на нихъ въ-отвѣтъ...
А вѣтра — нѣтъ и нѣтъ!

XXIV.

С. Т. Семеновъ.

Писатель-самородокъ Сергѣй Терентьевичъ Семеновъ — авторъ простыхъ и задушевныхъ разсказовъ, о которыхъ покойный Л. Н. Толстой печатно не разъ отзывался съ большою похвалою.

Родился С. Т. Семеновъ 16-го марта 1868 года, въ крестьянской семьѣ, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, Московской губерніи. На литературное поприще онъ выступилъ въ 1890-хъ годахъ, пишетъ до сихъ поръ разсказы и пьесы изъ крестьянскаго быта.

Въ 1894 году вышла въ свѣтъ первая книга его „Крестьянскихъ разсказовъ“ съ предисловіемъ Л. Н. Толстого, въ которомъ великій писатель говоритъ: „Искренность — главное достоинство Семенова. Но, кромѣ нея, у него содержаніе всегда значительно: значительно и потому, что оно касается самаго значительнаго сословія Россіи — крестьянства, которое Семеновъ знаетъ, какъ можетъ знать его только крестьянинъ, живущій самъ деревенскою тягловою жизнью; значительно еще содержаніе его разсказовъ и потому, что во всѣхъ главный интересъ ихъ не во внѣшнихъ событіяхъ, не въ особенностяхъ быта, а въ приближеніи или въ отдаленіи людей отъ идеала христіанской истины, который твердо и ясно стоитъ въ душѣ автора и служитъ ему вѣрнымъ мѣриломъ и оцѣнкой достоинства и значительности людскихъ поступковъ. Форма разсказовъ совершенно соотвѣтствуетъ содержанію. Она серьезна, проста, подробности всегда вѣрны: нѣтъ фальшивыхъ нотъ. Въ особенности же хорошъ часто совершенно новый по выраженіямъ, но всегда безыскусственный и поразительно сильный и образный языкъ, которымъ говорятъ лица разсказовъ.“

Въ 1912 году разсказы С. Т. Семенова удостоены Императорской Академіей Наукъ преміи имени М. Н. Ахматова въ 500 рублей.

Сочиненія Семенова выпущены книгоиздательствомъ „Посредникъ“ въ сборникахъ: „Хорошее житье“, „Дѣвичья погибель“, „У пропасти“, „Дѣдушка Илья“, „Сумерки“ и „Гаврила Скворцовъ“.

Въ настоящее время С. Т. Семеновъ живетъ постоянно въ деревнѣ; лѣтомъ занимается хлѣбопашествомъ и другими сельскими работами, а зимой пишетъ.

XXV.

И. А. Бѣлоусовъ.

Въ читающихъ массахъ пользуется заслуженной извѣстностью талантливый поэтъ и даровитый авторъ разсказовъ для дѣтскаго чтенія Иванъ Алексѣевичъ Бѣлоусовъ. Онъ — сынъ крестьянина Московской губерніи, родился въ Москвѣ 27 ноября 1863 года.

Въ дѣтствѣ, рано лишившись матери, Бѣлоусовъ росъ и воспитывался у отца подъ присмотромъ старушки-кухарки, исполнявшей также обязанности няньки.

Когда-же Бѣлоусову исполнилось 7 лѣтъ, то отецъ отдалъ его учиться грамотѣ къ мѣстному приходскому дьячку, гдѣ онъ и проучился около года. Научившись читать, онъ прочелъ случайно попавшуюся тетрадку пѣсенъ русскихъ поэтовъ: „Среди долины ровныя“, „Стонетъ сизый голубочекъ“, „Не брани меня, родная“ и проч. и съ этихъ поръ полюбилъ стихи.

Затѣмъ, поступивъ въ 1-ое московское трехклассное городское училище, онъ еще болѣе пристрастился къ чтенію и прочиталъ сочиненія почти всѣхъ лучшихъ русскихъ писателей. Особенно же сильное впечатлѣніе произвелъ на него А. Н. Плещеевъ своими задушевными стихами.

Въ училищѣ-же, подъ вліяніемъ прочитаннаго, Бѣлоусовъ сталъ дѣлать первыя попытки и самъ писать стихи.

Въ 1880 году, окончивъ курсъ городского училища, онъ сталъ помогать отцу въ его ремесленномъ дѣлѣ (портновскомъ).

Въ 1882 году, 26-го февраля, онъ выступилъ на литературное поприще, напечатавъ свое стихотвореніе въ одной изъ петербургскихъ газетъ.

Вскорѣ послѣ этого онъ поѣхалъ въ Кіевскую губернію, гдѣ былъ очарованъ красотою природы, такъ мало похожей на природу подмосковныхъ деревень. Въ особенности-же ему понравился малорусскій говоръ.

Съ этихъ поръ Бѣлоусовъ полюбилъ задушевныя пѣсни Т. Г. Шевченко и, не разставаясь болѣе съ его „Кобзаремъ", принялся переводить его на русскій языкъ, отлично передавая думы и пѣсни.

Занятія литературой не мѣшали Бѣлоусову заниматься и отцовскимъ ремесломъ — портняжествомъ, которое онъ сравнительно недавно оставилъ, отдавшись всецѣло литературѣ.

Въ 1900 г. появился подъ его редакціей полный переводъ „Кобзаря" (изд. „Знанія"). Большинство переведенныхъ стиховъ и біографія Шевченко принадлежатъ перу Бѣлоусова. Имъ-же составленъ сборникъ стихотвореній знаменитаго народнаго шотландскаго поэта Роберта Бернса въ переводахъ русскихъ поэтовъ.

Поэзія Бѣлоусова скромна и простодушна. Это нѣжное простодушное настроеніе поэтъ носитъ въ самомъ себѣ, не нуждаясь во внѣшнихъ эффектахъ, и только природа, такая-же простодушная — какъ и талантъ поэта, пробуждаетъ его настроеніе, а потому-то такъ и прекрасны его описанія природы. Вотъ для образца — нѣсколько небольшихъ его стихотвореній.

* * *

Прощается природа
Съ веселымъ, свѣтлымъ днемъ,
Зарей одѣлось небо,

Какъ пурпурнымъ плащомъ.
Съ рѣки туманъ волнистый,
Какъ дымъ, ползетъ въ луга;
Подъ дымкою сѣдою
Уснули берега.
И робко и стыдливо
Зажглась звѣзда одна...
Кругомъ — послушай чутко —
Какая тишина!
Порою лишь прошепчетъ
Привѣтъ волна волнѣ...
Какъ чудно засыпаетъ
Природа въ тишинѣ!
И я на сонъ природы
Любуюсь чуть дыша...
Коль сонъ есть образъ смерти, —
Какъ смерть-то хороша!..

Весной.

Изъ почки красной скоро, скоро
Зеленый вспыхнетъ огонекъ,
Крапивка выйдетъ у забора,
Засеребрится ручеёкъ.
Распуститъ лютикъ на полянкѣ
Свой вѣнчикъ, солнышкомъ пригрѣетъ,
И зябликъ желтенькой овсянкѣ
Поутру скажетъ свой привѣтъ.
Дубокъ проснется — сильный, смѣлый, —
Зеленой дымкой окурясь,
Пойдетъ къ вѣнцу съ березкой бѣлой,
Какъ молодой, веселый князь.

---

* * *

Какъ будто окончилась сказка:
Пустынно, безлюдно кругомъ,
И солнца осенняя ласка
Не грѣетъ бывалымъ тепломъ.
Луга и поля опустѣли, —
Съ нихъ снятъ изумрудный покровъ,

И листья съ деревъ облетѣли
И стали игрушкой вѣтровъ.
Тоска мое сердце сжимаетъ:
Гляжу — надо мной высоко
Гусей каравanъ пролетаетъ
На югъ — далеко, далеко, —
Гдѣ плещется синее море
О берегъ цвѣтущій волной...
Летите, живите безъ горя,
Назадъ возвращайтесь весной!..

---

* * *

Въ лѣсу — туманъ зеленый,
А въ небѣ — синева;
Кой-гдѣ пригорковъ склоны
Покрыла ужъ трава.
И солнце ярко свѣтитъ,
И пѣсня птицъ звонка, —
Но кто-же мнѣ отвѣтитъ —
О чемъ моя тоска...
Передо мной — избушки, —
Печаленъ ихъ нарядъ, —
Какъ старыя старушки
У паперти — стоятъ:
Протянуты ихъ руки,
Съ мольбою на устахъ,
И много скорбной муки,
Въ слезящихся глазахъ..
Кругомъ такъ много свѣта,
И пѣсня птицъ звонка...
Не нужно мнѣ отвѣта —
О чемъ моя тоска.

Книгоиздательствомъ Д. И. Тихомирова въ Москвѣ изданы слѣдующіе сборники произведеній (стиховъ и разсказовъ) И. А. Бѣлоусова — для дѣтскаго чтенія: „Изъ пѣсенъ о трудѣ“, „Весенніе гости“, „Росинки“, „Дѣтскія картинки“, „Родной уго-

локъ", „Ласточки", „Мамины сказки и разсказы". Въ 1909 году впервые вышли отдѣльнымъ томомъ „Стихотворенія" И. А. Бѣлоусова за 1882—1909 г. г. (книгоиздательство „Утро"), въ 1911 году изданъ въ его переводѣ „Кобзарь" Т. Г. Шевченко, въ 1915-мъ — сборникъ позднѣйшихъ стихотвореній „Атава" (изд. „Книгоиздательства Писателей" въ Москвѣ).

Стихотворенія И. А. Бѣлоусова печатались во многихъ московскихъ и петербургскихъ журналахъ,— между прочимъ — въ „Русскомъ Богатствѣ", „Русской Мысли", „Вѣстникѣ Европы", „Нивѣ", „Сѣверѣ", „Правдѣ", „Русскомъ Словѣ", „Дѣтскомъ Чтеніи", „Юной Россіи", „Родникѣ", „Дѣтскомъ Отдыхѣ", „Игрушечкѣ", „Свѣтлячкѣ", „Путеводномъ Огонькѣ" и др. Самъ онъ издавалъ журналы „Нашъ Журналъ" и „Путь" — общелитературнаго содержанія.

XXVI.

М. Л. Леоновъ.

Среди современныхъ писателей-самоучекъ довольно популярной личностью является поэтъ-крестьянинъ Максимъ Леоновичъ Леоновъ.

Родился онъ въ 1872 году въ деревнѣ Полухино Калужской губерніи. До десятилѣтняго возраста онъ жилъ въ деревнѣ на лонѣ природы. Грамотѣ учился въ сельской школѣ, да и то всего только полтора года, выучившись немного читать и писать.

Десяти лѣтъ отецъ его взялъ въ Москву къ себѣ въ помощники по торговлѣ въ мелочную лавку, почему Леонову не удалось даже получить низшаго образованія. Пріѣхавъ въ Москву, онъ съ жадностью набросился на разныя дешевыя „лубочныя" книжки.

Но и эти плохія изданія мальчику приходилось читать украдкой отъ отца, человѣка совершенно неграмотнаго. Нерѣдко юному читателю попадало отъ отца за чтеніе книгъ, но это нисколько не остановило любознательности мальчика, который всей душой стремился къ свѣту и наукѣ.

Будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Леоновъ случайно познакомился со старикомъ сапожникомъ, котораго звали Тихономъ Ивановичемъ. Въ лицѣ этого старика-сапожника онъ и нашелъ себѣ добраго руководителя, ибо Тихонъ Ивановичъ оказался страстнымъ любителемъ литературы и даже „критикомъ".

Вскорѣ Леоновъ становится неразлучнымъ другомъ старика-сапожника, который знакомитъ его съ произведеніями лучшихъ русскихъ писателей, поэтовъ и, между прочимъ, какъ-то далъ Леонову почитать книжку стихотвореній И. З. Сурикова. Кромѣ того онъ тутъ-же познакомилъ его съ жизнеописаніемъ поэта, вышедшаго изъ народной среды.

Узнавъ біографію Сурикова, Леоновъ былъ очень удивленъ, что писателями могутъ сдѣлаться люди, не получившіе никакого образованія. Познакомившись съ жизнью И. З. Сурикова, Леоновъ нашелъ много сходства со своей начинающейся жизнью; это сходство и навело его на мысль попробовать свои силы — въ надеждѣ, что и для него можетъ быть открыта дорога сдѣлаться народнымъ писателемъ.

Прочитавъ въ нѣсколько ночей полученную книжку стихотвореній И. З. Сурикова, Леоновъ сталъ пробовать и свои силы, стараясь набросать что-либо похожее на произведенія Сурикова. Но эта попытка на первыхъ порахъ не увѣнчалась успѣхомъ, ибо ему на давалась рифма. Поэтому Леоновъ рѣшилъ на время оставить мысль о сти-

хахъ до болѣе лучшаго знакомства съ искусствомъ стихотворства.

Первой попыткой все-же дѣло не ограничилось; черезъ нѣсколько дней Леоновъ снова принимается за то-же-самое, и на этотъ разъ болѣе удачно. Онъ поспѣшилъ представить свой трудъ на одобреніе стараго друга Тихона Ивановича. Тотъ внимательно прочелъ принесенное маленькое стихотвореніе подъ заглавіемъ „Взойди, солнышко", нѣкоторое время подумалъ и, пристально глядя на юнаго поэта, сказалъ: „Рифмой не звучитъ, одначе попытать можно".

Это стихотвореніе Тихонъ Ивановичъ направилъ въ газету „Вѣстникъ", издававшуюся Ф. А. Гиляровымъ, и 28-го февраля 1887 года оно было напечатано.

Благодаря удачному исходу первой попытки Леонова, въ немъ пробуждается страстное желаніе работать на литературномъ поприщѣ; его стихотворенія послѣ этого стали довольно часто появляться на страницахъ газетъ и журналовъ. („Родина", „Сѣверъ", „Звѣзда", „Задушевное Слово", „Донская Рѣчь", „Правда", „Свѣтъ", „Муравей", „Родная Рѣчь", „Сѣверный Край", „Екатеринбургская Недѣля", „Калужскій Вѣстникъ", „Смоленскій Вѣстникъ" и др.).

Спустя два года послѣ перваго появленія въ печати „Взойди, солнышко" имъ были изданы отдѣльной книжкой всѣ появившіяся въ печати его стихотворенія, и затѣмъ дважды они были переизданы съ дополненіями.

Молодость М. Л. Леоновъ провелъ въ Москвѣ, при мелочной торговлѣ своего отца въ Зарядьѣ. Съ того времени, какъ стали появляться стихотворенія Леонова въ печати, онъ весь пламенѣлъ страстью къ литературѣ. Подъ его непосредственнымъ руководствомъ были выпущены сборники

произведеній поэтовъ-самоучекъ, а именно: „Къ завѣтной цѣли“, „Думы“, „Грезы“, „Нужды“ и проч.

Онъ же является главнымъ иниціаторомъ „Суриковскаго литературно-музыкальнаго кружка“, потративши для его процвѣтанія не мало времени, силъ и средствъ. Онъ же болѣе всѣхъ хлопоталъ о разработкѣ устава кружка и т. д. Уставъ вскорѣ былъ разрѣшенъ правительствомъ, и кружокъ, организованный Леоновымъ, началъ свое существованіе.

Въ 1903 году М. Л. Леоновымъ было организовано чествованіе одного изъ почетныхъ членовъ „Суриковскаго литературно-музыкальнаго кружка“ извѣстнаго крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его литературной дѣятельности.

Въ 1815 году Леоновъ, совмѣстно со Шкулевымъ, организовалъ издательское дѣло и открылъ книжный магазинъ подъ фирмою „Искра“ и, по примѣру другихъ издательскихъ фирмъ, выпускалъ рядъ брошюръ крайняго содержанія, за что и былъ осужденъ на 1 годъ 8 мѣсяцевъ въ крѣпость.

По отбытіи наказанія, Леоновъ возобновилъ свою дѣятельность въ „Суриковскомъ литературно-музыкальномъ кружкѣ“.

Леоновъ не искалъ личныхъ выгодъ въ своихъ организаціяхъ, а только жаждалъ пышнаго расцвѣта той золотой нивы, которую самъ засѣвалъ и поливалъ своимъ-же потомъ.

Вотъ что пишетъ, между прочимъ, о себѣ Леоновъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: —

„Я не баловень судьбы,
Я мужикъ, простой рабсчій.
Созданъ я лишь для борьбы,
Для труда съ утра до ночи.

На плечахъ моихъ кафтанъ,
На ногахъ моихъ онучи, —
Но храню я талисманъ:
Это — вѣры духъ могучій.

Тьма царитъ у насъ кругомъ,
Но изъ тьмы я къ свѣту рвался
И любовью и трудомъ
Жизнь заполнить я старался".

Тернистый путь выпалъ на долю Леонова, и этотъ путь имъ еще не конченъ и, быть-можетъ, ему еще много придется перетерпѣть подъ ударами судьбы — злой мачехи.

„Пѣсня печальная, пѣсня унылая
Слышится гдѣ-то въ тиши;
Звуки, какъ вѣтеръ осенній, тоскливые
Льются изъ скорбной души.

Доля суровая, доля жестокая
Въ пѣснѣ слагается той, —
Жизнь горемычная, жизнь одинокая,
Жизнь съ безконечной тоской."

Такъ поетъ онъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ. А вотъ какъ рвется душа поэта „На волю" изъ душныхъ и суетливыхъ городовъ въ деревню на просторъ полей:

„Туда, на милую мнѣ волю,
Туда въ деревню, въ край родной!
Мнѣ опротивѣлъ душный городъ
Съ его угрюмой суетой...

Туда. На томъ родномъ просторѣ
И грудь свободнѣе вздохнетъ.
И свѣтлой радостью и счастьемъ
Мой взоръ попрежнему блеснетъ.

Подъ пѣсню лѣса-великана,
Подъ нѣжный говоръ ручейка
Сильнѣй въ груди забьется сердце,
Съ души моей спадетъ тоска.

Мнѣ опротивѣлъ душный городъ
Съ его угрюмой суетой...
Туда, на милую мнѣ волю,
Туда — въ деревню, въ край родной!.."

Здѣсь я привелъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ обрисовывается поэтическій обликъ Леонова. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ обнаруживаетъ несомнѣнное дарованіе, и его поэзія должна быть близка сердцу русскаго крестьянина.

Въ 1910 году Леоновъ, покинувъ Москву, уѣхалъ въ Архангельскъ и, прибывъ туда, организовалъ газету „Сѣверное Утро", которую самъ и редактировалъ.

Во многихъ провинціальныхъ газетахъ и журналахъ Леоновъ пишетъ подъ псевдонимомъ Максимъ Горемыка.

Вечеръ.

Пестрѣютъ синіе цвѣточки
Среди колосьевъ свѣтлой ржи,
И рѣютъ съ пѣснею веселой
Надъ рожью рѣзвые стрижи.

Уходитъ солнышко къ закату,
Прозрачный воздухъ свѣжъ и чистъ;
Блеститъ обрызганный росою
На вѣткѣ липы каждый листъ.

Темнѣетъ небо голубое,
Рѣка уснула въ берегахъ,
И заблетѣли Божьи очи,
Малютки-звѣзды, въ небесахъ.

Въ сонъ погрузилась вся природа,
Рѣка не катитъ спящихъ струй,
И раздается гдѣ-то шопотъ,
И тихій смѣхъ, и поцѣлуй...

---

* * *

Хочется мнѣ плакать въ эту ночку мая,
Хочется страданья облегчить слезами.
И сверкаютъ звѣзды въ небѣ надо мною,
И ведетъ кузнечикъ разговоръ съ цвѣтами.

А далеко гдѣ-то, за зеленымъ паркомъ,
Соловей про счастье пѣсню напѣваетъ,
И, подъ звуки чудной соловьиной трели,
Ландышъ незабудку нѣжитъ и ласкаетъ.

Хочется мнѣ плакать въ эту ночку мая,
Вылить всѣ страданья, вылить сердца муки, —
Но безъ слезъ я молча глубоко страдаю
И съ мольбой къ кому-то простираю руки...

Родная пѣсня.

Пѣсня печальная, пѣсня унылая
Слышится гдѣ-то въ тиши;
Звуки, какъ вѣтеръ осенній, тоскливые
Льются изъ скорбной души.

Доля суровая, доля жестокая
Въ пѣснѣ слагается той, —
Жизнь горемычная, жизнь одинокая,
Жизнь съ безконечной тоской!..

Лѣтомъ въ деревнѣ.

Хорошо въ деревнѣ лѣтомъ;
Вечеръ чудный, всюду тишь;
У рѣки, спокойно спящей,
Не шелохнется камышъ.

Засыпаетъ лѣсъ зеленый,
Задремала чутко рожь...
Какъ прекраснъ лѣтній вечеръ,
Какъ божественно хорошъ!

А высоко надъ землею
Небо звѣздами блеститъ,
И луна спокойно въ рѣчку,
Словно въ зеркало, глядитъ.

Воздухъ чистъ, прозраченъ, влаженъ,
Ароматъ кругомъ разлитъ,
И — объята нѣгой сладкой —
Вся природа тихо спитъ.

Прочь докучныя сомнѣнья! —
Вновь душѣ моей легко,
И не смутно вѣрю въ Бога,
А спокойно, глубоко...

XXVII.

Ф. С. Шкулевъ.

Филиппъ Степановичъ Шкулевъ родился въ ноябрѣ 1868 года, въ бѣдной крестьянской семьѣ деревни Печатники, Московской губ. Дѣтство его было очень нерадостнымъ; съ раннихъ лѣтъ ему пришлось испытать холодъ, голодъ и всевозможныя лишенія. Мать, оставшись вдовой съ двумя малолѣтними дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованію, стала ходить на поденныя работы, занимаясь стиркой бѣлья. Шкулевъ, будучи восьмилѣтнимъ мальчикомъ, помогалъ матери стирать бѣлье, таскалъ для господъ воду, носилъ дрова, чистилъ самовары, подметалъ у дачъ и т. п.

Помня это тяжелое дѣтство, Шкулевъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, между прочими строками, говоритъ:

„Поденщицей-прачкой была моя мать
И мнѣ навсегда говорила: —
Придется, сынокъ, тебѣ много страдать,
Пока ты дойдешь до могилы,
Но духомъ не падай, — таковъ ужъ удѣлъ
Всѣхъ бѣдныхъ, судьбой обойденныхъ".

Это стихотвореніе Шкулевъ посвящаетъ своей матери, которая, очевидно, имѣла добрую душу.

На десятомъ году его отдали въ только-что открывшуюся земскую школу при посадѣ Перерва. Грамотѣ Шкулевъ учился всего лишь два мѣсяца,

такъ какъ съ раннихъ лѣтъ былъ оторванъ отъ ученья и отданъ на фабрику Либиша. Проведенное въ школѣ время было самымъ лучшимъ воспоминаніемъ его дѣтства.

Жизнь на фабрикѣ была настоящей каторгой; рабочій день продолжался съ 3-хъ часовъ утра до 9 часовъ вечера. Здѣсь Шкулеву пришлось узнать всю горечь фабричной жизни того времени: постоянную ругань, побои, голодъ и недосыпанія.

Проработавъ на фабрикѣ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ попалъ правой рукой въ машину и навсегда сдѣлался инвалидомъ, о чемъ впослѣдствіи, въ своемъ стихотвореніи „Изъ моего прошлаго“, пишетъ: —

„Подъ шумъ приводовъ и машинъ,
Гдѣ гибнутъ силы человѣка,
Провелъ я дни своей весны,
Подъ осень сдѣлавшись калѣкой“...

И, заканчивая это стихотвореніе, добавляетъ: —

„Все-жъ я не вѣшалъ головы,
Предъ зломъ не падалъ отъ безсилья,
И, какъ израненный орелъ,
Не опускалъ больныя крылья“.

Эти слова не остались пустымъ звукомъ, ибо Шкулевъ въ данномъ случаѣ остается вѣренъ сказанному.

По выздоровленіи отъ увѣчья и по выходѣ изъ больницы, мать ходила съ нимъ на фабрику, но хозяинъ — на всѣ просьбы и слезы матери — отказался принять Шкулева къ себѣ и со словами: — „На что онъ мнѣ теперь, уродъ-то, у меня не богадѣльня!“ — И велѣлъ вывести ихъ за ворота.

Послѣ этого Шкулевъ поступилъ въ Москвѣ, въ овощную лавку, гдѣ и прослужилъ въ роли молодца-рабочаго и помощника приказчика до 23-хъ-лѣтняго возраста. Трудно приходилось Шкулеву работать безъ руки, ибо правая рука такъ и

осталась безъ дѣйствія послѣ полученнаго увѣчья на фабрикѣ, почему пришлось ему учиться писать и работать одной лѣвой рукой... Что это была за жизнь — безъ руки работать такъ-же какъ и здоровому, но необходимость изъ-за куска хлѣба заставляла терпѣть всѣ лишенія.

Шкулевъ, будучи отъ природы впечатлительнымъ, съ ранняго дѣтства чувствовалъ влеченіе къ чтенію и читалъ все, что только попадалось ему подъ руку.

Писать стихи Шкулевъ началъ съ 15-ти лѣтъ, за нихъ безрукому поэту часто „попадало по затылку“ отъ хозяина, грозившаго даже выгнать его вонъ... Послѣ хозяйскаго „урока“, Шкулевъ надолго оставлялъ свою музу въ покоѣ, ибо угрозы хозяина выгнать вонъ страшно пугали его. Но, лишь только побои и угрозы забывались, онъ снова брался за карандашъ и записывалъ свои думы, воплощая ихъ въ стихотворную форму.

Первыя его стихотворенія появились въ печати въ 1890 г. въ сборникѣ С. В. Лютова „Наша Хата“.

Съ этого-же года онъ сталъ печататься на страницахъ „Вѣстника“ Гилярова, а затѣмъ „Развлеченія“, „Будильника“, „Шута“, „Народнаго Блага“, „Свѣтлячка“, „Путеводнаго Огонька“, „Семьи и Школы“, „Правды Божіей“, „Нашего Дѣла“, „Простого Слова“, „Сѣятеля“, „Друга Дѣтей“, „Муравья“, „Дѣтскаго Чтенія“, „Юной Россіи“, „Молодыхъ Порывовъ“, „Звѣзды“, „Родины“, „Доли Бѣдняка“ и во многихъ другихъ столичныхъ и провинціальныхъ органахъ печати; кромѣ того, нѣсколько его стихотвореній напечатаны въ разныхъ хрестоматіяхъ.

Въ 1905 году Шкулевъ совмѣстно съ М. Л. Леоновымъ имѣлъ книжный магазинъ „Искра“, но этотъ магазинъ имъ, кромѣ долговъ, ничего не принесъ.

Въ кружкахъ писателей изъ народа Шкулевъ всегда принималъ дѣятельное участіе и былъ чле-

номъ-учредителемъ „Московскаго товарищескаго кружка", и „Суриковскаго литературно-музыкальнаго кружка". Шкулевъ такъ-же принималъ близкое участіе во многихъ народныхъ изданіяхъ, а также редактировалъ въ Москвѣ газету „Новая Пашня", которая, по выходѣ нѣсколькихъ № №, была административно закрыта. За редактированіе журнала „Народный Рожокъ" онъ въ концѣ 1911 года былъ приговоренъ московской судебной палатой къ 6 ти-мѣсячному заключенію въ тюрьму. Несмотря на всѣ невзгоды, какими Шкулева награждала судьба, обремененный семействомъ, онъ все-же громко поетъ:

— „Я рожденъ для жизни, свѣта,
Есть огонь въ моей груди,
Пѣснь моя пропѣта
Будетъ впереди"...

Въ настоящее время скромный поэтъ-крестьянинъ, удалившись отъ городской суеты живетъ на своей родинѣ — въ уютномъ и тихомъ подмосковномъ дачномъ мѣстечкѣ, деревнѣ Печатники, занимаясь литературнымъ трудомъ, въ кругу семьи и близкихъ друзей, которые частенько его навѣщаютъ.

17-го мая 1915 года, въ Москвѣ, состоялось товарищеское чествованіе Ф. С. Шкулева по случаю исполнившагося 25-лѣтія его литературной дѣятельности.

* * *

Въ зори прекрасныя,
Въ звѣзды лучистыя,
Въ пѣсни согласныя,
Въ помыслы чистые,
Въ силу труда
Вѣрьте всегда!

Къ правдѣ нетлѣнія,
Къ свѣточу знанія
Всѣ помышленія,
Всѣ упованія
Ты направляй,
Жизнь всю отдай!

Съ доброй, пылающей
Искрой въ груди
Къ братьямъ страдающимъ
Смѣло иди!..
Будешь вовѣкъ
Ты — человѣкъ!..

Кто?

О, кто васъ разсыпалъ, жемчужныя слезы,
По вѣнчикамъ нѣжнымъ душистыхъ цвѣтовъ?
Пѣвецъ-ли свободный, почуявши грозы?
Иль плакала стая сѣдыхъ облаковъ?

Нѣтъ, слезы такія не горе родило,
Несчастье тѣ слезы пролить не могло:
Онѣ такъ отрадно сіяютъ и мило,
Глядѣть на нихъ любо, и сердцу тепло!

Влекли.

Влекли меня къ себѣ безоблачныя дали,
Манилъ меня къ себѣ чарующій разсвѣтъ.
Ночь уходила прочь, и звѣзды умирали,
Все дню грядущему готовило привѣтъ:

Душистые лѣса и рѣки голубыя,
Пернатые пѣвцы и каждый мотылекъ,
Росистые луга и нивы золотыя,
Вѣтвистый мощный дубъ и крохотный цвѣтокъ...

Какъ тѣнь ни хороша съ плѣнительной прохладой,
Какъ отдыхъ ни хорошъ въ мечтательной ночи,
Но все-же для меня сладчайшею отрадой —
Встрѣчать красу зари и первые лучи!

Лѣтней ночью.

Сквозь сѣтку деревьевъ свѣтила луна,
Ложились причудливо тѣни,

И ночь, упоенья и нѣги полна,
Манила къ чарующей лѣни.

Все счастьемъ, покоемъ дышало кругомъ,
Рѣка чуть замѣтно струилась,
Деревья стояли въ молчаньи нѣмомъ,
На листьяхъ роса серебрилась.

Вдали за рѣкою пылали костры,
У берега лодка дремала,
И тѣнь, распластавшись, высокой горы
По скату къ рѣкѣ убѣгала.

Въ тѣни утопая, спалъ тихо погостъ,
И церковь далеко бѣлѣлась...
Чрезъ рѣку луна перекинула мостъ,
Пройти бы по немъ мнѣ хотѣлось

И дальше уйти — наяву, не въ мечтахъ,
Гдѣ небо съ землею сходилось,
Гдѣ вечеромъ солнце въ игривыхъ лучахъ
На отдыхъ короткій садилось...

Ни звука кругомъ; притаясь, камыши,
Таинственно грезя, молчали;
И только далеко въ небесной тиши
Красавицы-звѣзды сіяли.

XXVIII.

Е. Е. Нечаевъ.

„Подъ звонъ желѣза и стекла,
Подъ крышей шумнаго завода,
Среди бездомнаго народа
Моя жизнь горькая текла
Безъ алыхъ зоръ и ясныхъ дней,
Полна лишеній и скорбей.

Я дѣтства милаго не зналъ,
Не зналъ и юности безпечной,
И, вмѣсто радости сердечной,
Недоѣдалъ, недосыпалъ.
Полураздѣтый мерзъ зимой
И задыхался въ лѣтній зной.

А время мчалось въ свой чередъ
Неудержимою волною"...

Такъ пишетъ о себѣ поэтъ-крестьянинъ Егоръ Ефимовичъ Нечаевъ. Родился онъ 13-го апрѣля 1859 года въ селѣ Харитоновѣ, Корчевского уѣзда Тверской губерніи, въ семьѣ бѣднаго рабочаго хрустальщика. Родители его, вынужденные крайней бѣдностью избавиться отъ лишняго рта, рѣшили отдать сына на воспитаніе къ бездѣтной теткѣ, женѣ лабазника. Ему тогда было пять лѣтъ. На десятомъ году тетка отдала своего воспитанника учиться грамотѣ, но ученье продолжалось, однако, недолго, всего только мѣсяца два-три и съ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ кончилось.

Вскорѣ отецъ Нечаева потребовалъ сына домой, желая сдѣлать изъ него помощника семьи, и черезъ нѣсколько дней по прибытіи его, отправляясь на работу въ „гуту"*) стеклянаго завода, захватилъ съ собой и сына въ качествѣ „хлопца".

Вотъ съ этого времени и началась страда для Нечаева. Восемнадцати, а иногда и двадцатичасовая работа въ сутки, ядовитая пыль, адская жара, скудное питаніе, безпрестанные ожоги и побои скоро превратили его жизнь въ невыносимую муку, которая иногда доходила до того, что онъ нѣсколько разъ собирался лишить себя жизни и только благодаря страху передъ вѣчнымъ страданіемъ и въ загробной жизни, внушенному матерью, онъ понемногу сталъ сживаться со своимъ положеніемъ.

Когда-же онъ свыкся съ этой каторжной жизнью, въ немъ пробудилась жажда знанія, хотѣлось читать, а, между тѣмъ, книгъ нѣтъ, да и достать негдѣ, — изъ всего завода тогда не болѣе

*) Гута, это — сарай, гдѣ производится варка и выработка стекла.

десяти человѣкъ были грамотные, и среди нихъ никого не было, кто бы могъ поддержать и направить Нечаева въ его стремленіяхъ къ знанію и свѣту.

Вотъ какъ пишетъ поэтъ о своемъ стремленіи къ наукѣ, въ стихотвореніи „Безработный“:

„Подъ игомъ тягостнымъ скорбей,
Обвѣянъ вихрями невзгоды,
Я жаждалъ свѣта и свободы
Для всѣхъ униженныхъ людей, —
Чтобъ сквозь завѣсу мрачныхъ тучъ
И намъ сіялъ отрады лучъ“...

Къ великой радости Нечаева, сталъ часто заходить къ нимъ молодой книгоноша-коробейникъ, съ которымъ онъ подружился и всякій разъ получалъ отъ него въ подарокъ за ночлегъ и ужинъ книжку самаго разнообразнаго содержанія: „Живой мертвецъ“, „Солдатъ Яшка красная рубашка“, „Ерусланъ Лазаревичъ“ и проч., а позднѣе получилъ отъ коробейника книжку, самую лучшую по его убѣжденію, „Атаманъ Медвѣжья Лапа“.

Эта книжка увлекла юношу и первая пробудила въ немъ протестъ противъ горькой доли и жажду приключеній.

Откуда-то случайно мать Нечаева принесла номеръ журнала „Недѣля“, въ которомъ были помѣщены портретъ, біографія и нѣсколько стихотвореній И. З. Сурикова. Нечаевъ, читая и перечитывая по нѣскольку разъ стихотворенія Сурикова, хотѣлъ и самъ попробовать излить свои мысли, думы и чувства въ пѣсняхъ, но, не имѣя ничего для руководства, кромѣ номера „Недѣли“, онъ никакъ не могъ выразить на бумагѣ все, что трепетало въ его душѣ.

Но вотъ въ 1885 году Нечаевъ случайно знакомится въ Москвѣ съ литераторомъ А. А. Попо-

вымъ писавшимъ стихи подъ псевдонимомъ „Монастырскаго“, который принялъ близкое участіе въ немъ и развилъ его способности.

Съ 1892 года стихотворенія Нечаева уже стали появляться въ печати въ приложеніяхъ „Московскаго Листка“, „Дѣтскомъ Чтеніи“, „Правдѣ Божіей“, „Русской Бесѣдѣ“, „Журналѣ для всѣхъ“, „Свѣтлячкѣ“, „Путеводномъ Огонькѣ“ и др. издан.

Нынѣ Нечаевъ живетъ въ уѣздномъ городѣ Клину, Московской губ., продолжая работать на стекляномъ заводѣ, а въ свободное отъ работы время занимается литературой. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ такъ говоритъ о своей поэзіи:

„Мнѣ хотѣлось бы пѣсню свободную спѣть,
Какъ поетъ соловей по веснѣ,
Чтобъ подъ нѣжные звуки душой не болѣть,
И отъ нихъ не расплакаться мнѣ.
Спѣть бы такъ, какъ звенитъ и рокочетъ ручей,
Окаймленный душистой травой,
Въ безпредѣльную даль по ложбинамъ полей
Уносясь серебристой струей.
Мнѣ хотѣлось бы спѣть, какъ шумитъ подъ грозой
Лѣсъ зеленый, омытый дождемъ;
Иль какъ шепчетъ цвѣтокъ, окропленный росой,
Говоря о любви съ вѣтеркомъ.
Нѣтъ, — веселыхъ напѣвовъ не жди отъ меня,
Другъ, не въ силахъ утѣшить тебя.
Научился я пѣть въ пору грознаго дня,
И умомъ и душою скорбя.
Пѣсня мной сложена за упорнымъ трудомъ,
Подъ огнемъ перекрестнымъ невзгодъ,
Гдѣ безъ отдыха мучится ночью и днемъ
Изъ-за хлѣба рабочій народъ.
Пѣсня сердца, мой другъ, тяжела и груба;
Нѣжныхъ звуковъ не слышится въ ней.
Только стонъ да безсильная злоба раба
Выливается въ пѣснѣ моей“.

Въ 1914 году стихотворенія Е. Е. Нечаева вышли въ Москвѣ отдѣльнымъ сборникомъ подъ заглавіемъ „Вечернія пѣсни“.

XXIX.

И. И. Морозовъ.

Иванъ Игнатьевичъ Морозовъ наиболѣе талантливый изъ молодыхъ современныхъ поэтовъ-самородковъ, вышедшихъ изъ крестьянской среды. Родился онъ 13 ноября 1883 г. въ селѣ Луховицахъ Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Мать его, по происхожденію изъ сектантовъ-молоканъ, была грамотная. Она много разсказывала ему объ ужасахъ крѣпостного права, а чтеніемъ церковно-славянскихъ книгъ пробудила въ немъ сильную любовь къ ученію.

Первоначальное свое образованіе Морозовъ получилъ въ сельской школѣ и, окончивъ ее, сталъ самостоятельно готовиться въ рязанскую учительскую семинарію, но по домашнимъ обстоятельствамъ эта возможность была сурово разбита жизнью, ибо, когда пріѣхала учительница, чтобы отвезти его въ семинарію, мать Морозова категорически ей отказала, и ни слезы мальчика, ни убѣжденія учительницы не могли удержать ее отъ суроваго приговора. Впослѣдствіи выяснилось, что нашелся какой-то человѣкъ, который и затормозилъ поступленіе мальчика въ семинарію. „Студентомъ будетъ", — говорилъ онъ матери Морозова, — „а тогда отъ него толку не жди: и иконы побьетъ въ дому, и тебя изъ дому выгонитъ". Вотъ эти-то убѣжденія и настроили мать Морозова противъ ученья сына въ семинаріи. И такъ, всѣ свѣтлыя грезы мальчика, какъ и многія другія, скоро разсѣялись отъ настигшей ихъ темной дѣйствительности, и онъ остался въ кругу лицъ, далеко не понимавшихъ его свѣтлыхъ стремленій. Поэтому Морозову пришлось заняться обычными крестьянскими работами, но все-же онъ урывками, между дѣломъ, въ свободное время продолжалъ посредствомъ чтенія книгъ пополнять свои скудныя познанія.

Влеченіе къ литературѣ, т. е. потребность писать стихи, у Морозова пробудилось очень рано, почти со школьной скамьи, и эта потребность заставила юнаго поэта даже уѣхать въ Москву.

Но его первыя попытки были неудачны, — стихи выходили слишкомъ слабыми и не годились въ печать. Только въ 1901 году Морозовъ, будучи уже 18-лѣтнимъ юношей, случайно познакомился съ литераторомъ-самоучкой В. К. Влазневымъ, однимъ изъ многочисленныхъ друзей поэта И. З. Сурикова, и научился у него искусству правильно слагать стихи.

Въ 1902 году, въ ноябрѣ, въ одной изъ провинціальныхъ газетъ появилось его первое стихотвореніе: „Гдѣ вы, дни моей молодой весны". И уже съ этого времени произведенія Морозова начинаютъ появляться на страницахъ газетъ и журналовъ, и одно время онъ работалъ въ качествѣ сотрудника-корреспондента въ газетѣ „Русское Слово".

Въ 1906 году Морозовъ былъ призванъ къ отбыванію воинской повинности, которую и отбылъ въ декабрѣ 1908 года. Спустя два года послѣ военной службы, онъ поступилъ на Николаевскую желѣзную дорогу, гдѣ служитъ и по сіе время, вращаясь, по роду службы, преимущественно среди рабочаго класса. Тѣмъ не менѣе, и въ такой обстановкѣ онъ все свободное время отдаетъ литературѣ, и немало стихотвореній помѣщено имъ на страницахъ журналовъ „Свѣтлый Лучъ", „Народный Журналъ", „Юная Россія", „Свѣточъ", „Духовный Христіанинъ" и др. Только сильныя натуры могутъ идти при такихъ условіяхъ къ намѣченной цѣли. Мало того, что онъ не уклонился отъ своего пути, — онъ не возропталъ и не озлобился, не вдался въ мрачный пессимизмъ.

Въ 1912 году И. И. Морозовъ принялся-было за редактированіе ежемѣсячнаго журнала „Огни", но

послѣ пятимѣсячнаго существованія это изданіе было закрыто....

Морозовъ является преимущественно пѣвцомъ природы, — она близка чуткому сердцу поэта. Онъ рисуетъ ее простыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ художественными, штрихами:

„Умирала ночь и любовалася,
Какъ въ лугу дымилася роса,
Какъ заря съ зарею цѣловалася,
И вдали алѣли небеса...

Высоко надъ сонными полянами
Пронеслись голодные грачи,
Изъ-за горъ, за синими туманами,
Золотые брызнули лучи"...

А вотъ какъ ярко и непосредственно живописуетъ талантливый поэтъ въ другомъ стихотвореніи фигуру хмураго февраля:

„Нахмурился старый февраль за оврагомъ,
Взялъ посохъ дорожный, накинулъ суму
На тощія плечи и медленнымъ шагомъ
Пошелъ, спотыкаясь, и — грустно ему..."

Въ его простыхъ и задушевныхъ стихахъ природа изображается во всѣхъ ея явленіяхъ. Поэтъ, испытавшій такъ много ударовъ жизненнаго молота, не жалуется на свою жизнь, а таитъ грусть въ себѣ, никому ея не повѣряя. И, несмотря на всѣ тѣ лишенія, которыя ему приходится испытывать, онъ все такъ-же продолжаетъ пѣть о любви къ жизни:

„Любовью къ жизни пламенѣя,
Лелѣя родину въ мечтахъ,
Пою съ восторгомъ о веснѣ я,
О свѣтломъ солнцѣ и цвѣтахъ"...

Поэзія Морозова не унылая, а — наоборотъ — имѣющая характеръ жизнерадостности. Онъ великолѣпно передаетъ въ стихахъ народныя сказанія. Возьмемъ хотя-бы начало одного изъ нихъ — объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ:

„По глухимъ степямъ, по бездорожью
Повелѣлъ Господь въ ночную пору
Алексѣю — человѣку Божью —
Выходить на снѣговую гору....
И открылъ Онъ тайну вѣковую
Алексѣю, Божью человѣку,
Какъ заставить гору снѣговую
Бѣлый снѣгъ ручьями сплавить въ рѣку...“

А вотъ какъ Морозовъ воспроизводитъ намъ любовную идиллію изъ жизни природы:

„Мотылекъ впился устами въ незабудку голубую,
Поднялъ крылышки и шепчетъ: — „Зацѣлую, зацѣлую...
Насъ никто теперь не видитъ за высокою травою, —
Хорошо намъ на просторѣ... Какъ мы счастливы съ тобою!..“
Незабудка, улыбаясь, друга милаго ласкаетъ,
Горячо на поцѣлуи — поцѣлуемъ отвѣчаетъ...
Обнялись они и дружбѣ въ поцѣлуяхъ отдаются
И не слышатъ, какъ надъ ними колокольчики смѣются...“

Сравнивая трудовую жизнь крестьянина съ жизнью окружающей его природы, поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ, что природа:

„Торжествуетъ, веселится
И цвѣтетъ, не зная,
Что угрюмо съ нею рядомъ
Жизнь идетъ иная —
Жизнь, измученная горемъ
И мертвящей тьмою,
Жизнь, гдѣ міръ прекрасный Божій
Кажется тюрьмою“...

Максимъ Горькій, написавшій предисловіе къ сборнику стихотвореній Морозова, подъ заглавіемъ „Разрывъ-трава“*), такъ говоритъ объ этомъ самородкѣ-поэтѣ: — „Этотъ человѣкъ скроменъ въ горѣ, шуменъ въ радости, — и въ краткомъ очеркѣ внѣшней жизни имъ скрыто много глубокой тоски и терзаній. Не часто встрѣчаешь въ людяхъ благородную способность мужественно молчать о

*) Изданіе извѣстной фирмы „Прометей“, Петроградъ.

личномъ горѣ, о личныхъ обидахъ своихъ. И рѣдки нынѣ люди, которые, посвящая себя борьбѣ съ духомъ унынія въ мірѣ, желали-бы пробудить въ сердцѣ ближняго чувство бодрости".

Далѣе — знаменитый писатель добавляетъ: „Даровитый, сильный народъ, и не умѣетъ измѣнить къ лучшему унизительныхъ условій своего бытія, — какъ это объяснить? Отвѣтъ должны знать тѣ люди, кому народъ далъ возможность подняться на высоту европейской культуры. Поэтому одинокіе люди съ вершинъ жизни должны внимательно слѣдить за одинокими людьми, восходящими къ нимъ снизу, слѣдить и облегчать трудный путь для идущихъ, — многіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Морозовъ, идутъ къ великой, всѣмъ общей цѣли, съ прекрасной пѣсней:

„Блаженъ, кто сердцемъ изнывалъ,
Скорбя по свѣтлымъ идеаламъ,
Кто шелъ навстрѣчу братьямъ малымъ,
На путь добра ихъ призывалъ.
Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній
Онъ будетъ жить изъ вѣка въ вѣкъ,
Призванью вѣрный человѣкъ,
Землей рожденный добрый геній"...

И. И. Морозову представляется счастливая поэтическая будущность. По силѣ, легкости и красотѣ стиха съ нимъ едва-ли кто можетъ сравняться изъ молодыхъ современныхъ поэтовъ, вышедшихъ изъ народа.

Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые идутъ въ литературу прямо отъ земли, которые не проходятъ ученій никакихъ школъ, никакихъ кружковъ, коверкающихъ душу и талантъ, и проявляютъ непосредственно захватывающія ихъ чувства, навѣянныя родной жизнью, родной природой. И потому-то отъ подавляющаго большинства теплыхъ, сочныхъ и свѣжихъ стиховъ Морозова вѣетъ черной, душистой, родною землей.

Задушевность, простота и объективность являются главнымъ основаніемъ его творчества. Онъ одинаково просто, спокойно и оригинально выражаетъ каждое свое чувство; его въ равной мѣрѣ захватываютъ и природа, и родной бытъ, и свѣтлыя дали. Выйдя изъ народа, онъ не порвалъ съ нимъ ни духовной, ни физической связи.

„Я — сынъ великаго народа,
И все народное — во мнѣ"...

говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи, и это — вѣрная характеристика, данная себѣ авторомъ.

Одновременно съ настоящимъ сборникомъ вышла въ Москвѣ новая книга стихотвореній И. И. Морозова „Красный Звонъ" — съ біографическимъ очеркомъ, написаннымъ его старѣйшимъ собратомъ по литературѣ, маститымъ пѣвцомъ деревни и полей Спир. Дм. Дрожжинымъ.

Для того, чтобы нѣсколько ближе ознакомить читателей съ самобытной поэзіей Морозова, помѣщается здѣсь нѣсколько его стихотвореній полностью:

Пѣсня.

Не скрипи, родная прялка,
Замолчи, веретено.
Никому меня не жалко,
На душѣ моей темно.
Просидѣла до разсвѣта,
Все томилась и ждала, —
Много пѣсенъ было спѣто,
Много думъ пережила...
Грусть мнѣ сердце волновала
И терзала, какъ змѣя, —
Знать, его приколдовала
Ненавистница моя...
Охъ, — недаромъ черный воронъ
Надо мною прокричалъ! —
Милый видѣлъ и съ тѣхъ поръ онъ
Откачнулся, одичалъ...
Говорила мнѣ гадалка,
Что измѣнитъ все-равно...
Не скрипи, родная прялка,
Замолчи, веретено!...

* * *

Изъ-за лѣса синяго облака румяныя,
Словно рать побѣдная, по-небу плывутъ,
Тростники надъ рѣчкою пѣсни безталанныя,
Наклонивши головы, съ хохотомъ поютъ.

Надъ полями тихими буйный вѣтеръ носится,
Золотистый занавѣсъ опустилъ закатъ,
Въ душу утомленную и плыветъ, и просится
Отъ цвѣтущей зелени тонкій ароматъ.

Молчаливо крадется ночь беззвѣздно-темная,
Поцѣлуи страстные шлетъ издалека...
За рѣчной извилиной пѣночка бездомная
Зарыдала жалобно въ чащѣ тростника ..

Молодого мѣсяца лаской опьяненная,
Бѣлая черемуха смотритъ въ небеса —
Словно передъ зеркаломъ дѣвица влюбленная,
И, змѣясь, кудрявится у нея коса...

На кустахъ заискрились капельки алмазныя...
Хорошо и весело! Только тростники
Все поютъ, безумствуя, пѣсни несуразныя,
Полныя отчаянья, грусти и тоски...

Пѣсня ручьевъ.

Наскучило въ снѣжной глуши намъ,—
Ручьи молодые поютъ, —
Сбѣжимъ мы по горнымъ вершинамъ,
Холодный покинемъ пріютъ.
Довольно, пора миновала,
Исчезли глубокіе сны,
Насъ въ горной глуши взволновало
Дыханье прекрасной весны!
Напрасно зимы непогоды
Нашъ буйный порывъ стерегли,
Мы чуемъ объятья свободы
И запахъ цвѣтущей земли!
Мы цѣпи порвемъ снѣговыя
И сбросимъ торжественно съ горъ,
И пѣсни побѣдно-живыя
Пробудятъ уснувшій просторъ.

Мы солнца горячаго просимъ
И къ солнцу навстрѣчу идемъ,
Отжившее въ вѣчность уносимъ,
Грядущему пѣсни поемъ!..

---

* * *

Зазвенѣли колокольчики на бархатномъ лугу,
Слышитъ сердце безпокойное ласкающій ихъ звонъ,
Я подъ лепетъ ихъ таинственный забыться не могу,
И звенятъ они, лиловые, звенятъ со всѣхъ сторонъ.

Я хотѣлъ-бы съ колокольчиками ласково звенѣть,
Слиться съ ними въ хорѣ радостномъ, забыться навсегда,
Отъ нужды моей томительной безслѣдно улетѣть,
Словно птица поднебесная, невѣдомо куда...

Хорошо на свѣжемъ воздухѣ: долина зелена,
Въ вышинѣ перисто-нѣжныя несутся облака,
И волнуетъ душу чуткую лазури глубина,
И тоска неугомонная отъ сердца далека...

Ходитъ-бродитъ вѣтеръ ласковый, колдуя и пьяня...
Я лежу на лонѣ бархатномъ, мечтаньями объятъ,
А вокругъ, — ко мнѣ склоняяся и радуя меня,
Колокольчики лиловые звенятъ, звенятъ, звенятъ...

---

* * *

Южный вѣтеръ вербѣ-сиротинкѣ
Нашепталъ неслыханныя сказки,
Пробудилъ подснѣжники-малютки
И протеръ имъ заспанные глазки.

День, другой — и почернѣло поле,
Обнажили головы курганы...
Поползли, волнуясь и рѣдѣя,
Къ небесамъ прозрачные туманы.

На пригоркѣ — вдругъ зазеленѣло,
По землѣ — протоптаны дорожки...
И тепломъ обласканная верба
Нарядилась въ новыя сережки...

Выходило солнце золотое
И сказало радостное слово,
Что сегодня люди и природа
Воскресенье празднуютъ Христово, —

Что сегодня радость наполняетъ
Города богатые и веси...
А надъ вербой жаворонокъ взвился
И запѣлъ: „Воистину воскресе!..“

XXX.

Михаилъ Тихоплесецъ (М. А. Логиновъ).

Михаилъ Андреевичъ Логиновъ родился въ 1871 году, въ Свіяжскомъ уѣздѣ, Казанской губ. На восьмомъ году его отдали учиться къ старообрядческому начетчику, у котораго главными предметами считались „указка“ и греча для стоянія на колѣняхъ, а учебниками были славянская азбука, часословъ и псалтирь.

Черезъ два года онъ попадаетъ, изъ-за хлѣба, на мельницу, и съ этихъ поръ началась его трудовая жизнь. На тринадцатомъ году онъ былъ отданъ въ далекую татарскую деревушку, къ другому мельнику, гдѣ въ продолженіи года почти не пришлось слышать и родного языка.

Дальше жизнь Логинова складывается такъ: онъ попадаетъ въ Казани, въ трактиръ судомойкой, затѣмъ становится босякомъ, ночуетъ на берегахъ рѣчки Казанки и Волги подъ опрокинутой лодкой, или на пескѣ между обсохшихъ плотовъ. Нѣсколько разъ поступалъ онъ въ кожевенныя, посудныя и другія лавки къ торговцамъ, на очень короткое время, но все это было ему не по душѣ. Скоро Логинова потянуло въ даль, и онъ весной уѣхалъ на пароходѣ вверхъ по Волгѣ, въ Нижній-

Новгородъ, въ Ярославль и Рыбинскъ, откуда перебрался въ Петербургъ. Въ Петербургѣ ему тоже пришлось испытать холодъ и голодъ, а ночевать на постоялыхъ дворахъ.

Петербургъ не понравился безпокойному волгарю, и онъ черезъ годъ, съ открытіемъ навигаціи на родной рѣкѣ, уѣхалъ изъ столицы на Волгу. Здѣсь онъ снова принимается за тяжелую работу: то крючникомъ на пристаняхъ, то торговцемъ съ лотка сластями, то въ колоніальной лавкѣ. Но для такихъ людей страшна бываетъ только зима. Великая же и могучая Волга такимъ натурамъ лѣтомъ не только не даетъ покоя, но она, со своими говорливыми волнами, становится ихъ матерью и манитъ на свой просторъ, а всякія бури ея превращаются въ нѣжныя сказки.

Весною 1890 года Логиновъ ѣдетъ въ Москву. Москва поразила его своей простотой и красотою, похожей на волжскую, и онъ дѣлается ея жителемъ.

Въ Москвѣ Логиновъ до 1896 г. былъ мельникомъ, торговцемъ, приказчикомъ и, наконецъ, „изобрѣтателемъ“ посуднаго клея и обладателемъ цѣлой химической лабораторіи, въ которой онъ варитъ туалетныя мыла, составляетъ косметическіе препараты и въ то-же время пишетъ полуграмотные стихи и, какъ самоучка, рисуетъ, картины на продажу. Въ концѣ 1896 года мятущійся „поэтъ“ продаетъ за безцѣнокъ всю свою обстановку съ „галереей“ картинъ и котлы съ чугунными прессами и, съ гитарой и связкой стиховъ, въ цилиндрѣ и николаевской шинели, одѣтый щегольски, уѣзжаетъ за границу въ Парижъ.

Въ Парижѣ Логиновъ обратился къ консулу и къ церковному сторожу съ просьбой, какъ поступить хотя-бы въ простые рабочіе, лишь бы изучить французскій языкъ; но ни тамъ, ни здѣсь не

нашелъ никакой поддержки. Пришлось разочароваться.

Искрестивъ весь Парижъ и побывавъ въ музеяхъ, Логиновъ купилъ на послѣдніе „сантимы“ красокъ, палитру, полотно и принялся было за живопись. Двѣ картины онъ продалъ за двадцать франковъ. Затѣмъ, чтобы вернуться въ Москву, пришлось обратиться къ консулу, который и предложилъ ему билетъ для обратнаго возвращенія въ Россію. Добравшись кое-какъ до Москвы, голодный и съ пустыми руками, Логиновъ рѣшилъ больше не покидать Первопрестольной.

Въ 1904 году, онъ, подъ псевдонимомъ Михаилъ Тихоплесецъ, выступилъ на литературное поприще, выпустивъ въ свѣтъ свою книгу „Пробные аккорды“. А съ 1906 года онъ становится постояннымъ сотрудникомъ „Народной Газеты“, „Правды Божіей“, „Простого Слова“ и нѣкоторыхъ другихъ столичныхъ и провинціальныхъ изданій.

Въ 1907 году Логиновъ становится редакторомъ газеты „Мужицкая Правда“ и журнала „Молодая Сила“, а затѣмъ журналовъ: „Думы Народныя“ и „Звѣзда Утренняя“. Въ 1910 году онъ выпустилъ въ свѣтъ вторую книгу — разсказы „Звень“.

Умеръ М. А. Логиновъ (Тихоплесецъ) 6-го октября 1912 года на 41-омъ году жизни.

Гусляръ.

Я гусли досчатыя, звонкія взялъ
И вольную пѣсню на нихъ заигралъ,
И старцамъ, и юнымъ хочу я пропѣть,
Хочу ихъ сердца пробудить и согрѣть...
Звените, звените вы, струны, звончѣй
И вольнымъ напѣвомъ въ отчизнѣ моей,
По всѣмъ отдаленнымъ, забытымъ концамъ
Любовь и свободу вѣщайте сердцамъ!
Гдѣ стонъ и страданье, тамъ ждетъ васъ привѣтъ,

Туда вы несите и радость, и свѣты!..
Очей не смыкая, я буду все пѣть, —
Мнѣ хочется души людскія согрѣть.

Соловей.

Хорошо тебѣ пѣть, соловей!
Ты — свободная вольная птица,
А вотъ я средь холодныхъ людей
Въ этомъ мірѣ томлюсь, какъ въ темницѣ.

Хорошо ты поешь подъ окномъ,
На зарѣ въ бузину прилетая, —
Мое сердце пылаетъ огнемъ,
Когда пѣсня звенитъ золотая.

И къ окну головой я прильну,
Жадно слушая чудное пѣнье,
И, весь млѣя, стою — не засну,
Дожидаясь утра пробужденья.

Но вчера ты, мой другъ, пропадалъ,
И въ углу моемъ было уныло,
По тебѣ я всю ночь тосковалъ,
И весь день мое сердце все ныло.

Я боялся, что ты, какъ и я,
Не попался-ли въ крѣпкія сѣти;
Видѣлъ я, какъ вчера середь дня
Ихъ вязали съ злой радостью дѣти

Но вотъ вновь межъ зеленыхъ вѣтвей
Ты поешь смѣло, вольная птица,
Только я средь холодныхъ людей
Задыхаюсь — какъ въ мрачной темницѣ.

XXXI.

Ѳ. Т. Гавриловъ.

Ѳедоръ Тимофеевичъ Гавриловъ — крестьянинъ Московской губ. Звенигородскаго уѣз., Павловской вол., села Павловскаго. Родился онъ 7 іюня 1874 года

въ Москвѣ, гдѣ отецъ его работалъ слесаремъ. Въ раннемъ дѣтствѣ жилъ у дѣдушки въ деревнѣ, недалеко отъ Москвы, гдѣ съ 8 лѣтъ началъ обучаться грамотѣ и первый годъ бѣгалъ съ гурьбой ребятъ за пять верстъ въ ближайшую школу, а потомъ продолжалъ учиться въ с. Павловскомъ въ двухклассномъ казенномъ училищѣ, которое окончилъ въ 1887 г. По окончаніи училища, на 14 году отданъ былъ въ желѣзнодорожныя мастерскія въ Москвѣ, въ слесаря, и относительно привольное житье въ деревнѣ смѣнилъ обычный 12-ти-часовой рабочій день въ мастерской, удлиннявшійся при вечернихъ работахъ до 17 часовъ. Но рано пробудившаяся въ мальчикѣ охота къ чтенію, первоначально удовлетворявшаяся различными книжками лубочнаго характера, продолжала развиваться. Понемногу расширялось знакомство какъ среди рабочихъ, интересующихся самообразованіемъ, такъ и за предѣлами этой среды — въ кругахъ интеллигенціи. Вмѣстѣ съ этимъ улучшался и выборъ книгъ, журналовъ и газетъ; заводилась собственная библіотечка. Въ 1894 году чрезъ одного товарища-слесаря, впослѣдствіи помѣстившаго подъ псевдонимомъ Н. Темный нѣсколько своихъ разсказовъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „Образованіи“ и друг. журналахъ, Гавриловъ познакомился съ извѣстнымъ писателемъ-народникомъ Н. Н. Златовратскимъ, который очень тепло и душевно отнесся къ нему, а своими совѣтами и указаніями много содѣйствовалъ его литературному и общему развитію.

Въ желѣзнодорожныхъ и заводскихъ мастерскихъ Гавриловъ проработалъ около 12-ти лѣтъ, а съ 1899 г. по настоящее время находится на службѣ въ московскомъ губернскомъ земствѣ. Первыя попытки писанія стиховъ начались съ 14-лѣтняго возраста. Первыя стихотворенія Гаврилова были напечатаны въ 1898 г. въ октябрьской

книжкѣ журнала „Дѣтское Чтеніе“. Съ тѣхъ поръ стихи его появлялись въ журналахъ: „Дѣтское Чтеніе“ („Юная Россія“), „Журналъ для всѣхъ“, „Народное Благо“, „Новое Слово“, „Наше Дѣло“, „Другъ Дѣтей“, „Свѣтлячокъ“, „Пчелка“, „Муравей“, „Женское Дѣло“, „Новый Колосъ“; кромѣ того помѣщены были въ сборникахъ: „На трудовомъ пути“, „Пѣсни о рабочемъ народѣ“, „Другарь“, „Крылатые друзья“, „Сборникъ второй“ — книгоизд. „Утро“, „Избранныя произведенія русской поэзіи“, сост. Вл. Бончъ-Бруевичемъ, и друг.

Переводы Гаврилова нѣкоторыхъ стихотвореній Т. Г. Шевченко помѣщены въ русскомъ переводѣ „Кобзаря“ въ изданіяхъ Т-ва „Знаніе“ и Общества Любителей Россійской Словесности.

Въ 1905 году стихи Гаврилова были изданы отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ „На зарѣ“.

Грезы.

Шумятъ березы молодыя,
И полный бодрости ихъ шумъ
Рождаетъ грезы золотыя
Среди моихъ печальныхъ думъ.

И снятся мнѣ въ дали грядущей
Картины лучшихъ, свѣтлыхъ дней,—
Гдѣ ни нужды нѣтъ вопіющей,
Ни обездоленныхъ людей,

Гдѣ стономъ грудь не отравляютъ,
Изнемогая отъ борьбы,
Но жизнь свою благословляютъ
Потомки пасынковъ судьбы, —

Гдѣ жизнь любовно воплотила
Пѣвцовъ завѣтныя мечты,
Народъ сознаньемъ озарила
Свободы, правды, красоты;

Гдѣ лишь порой, припоминая
Какъ долго царствовало зло,

Враждой сердца воспламеняя,
Людское хмурится чело,

И — все сильнѣй растетъ желанье
Загладить прежнія вины,
Дабы остались въ назиданье
Дѣла — величія полны...

Шумятъ березы молодыя...
А я — въ ликующей груди
Лелѣю грезы золотыя
О свѣтломъ счастьи впереди.

---

* * *

Ударили! Звонятъ! Внимай съ благоговѣньемъ:
Привѣтствуютъ приходъ чарующей весны.
Разсѣетъ сумерки, повѣетъ обновленьемъ
И воплотитъ она обманчивые сны.

Веселый перезвонъ отъ края и до края
Вѣщаетъ родинѣ пророческую вѣсть,
Что рушится стѣна, и солнышко, играя,
Дастъ силу мощную духовно ей разцвѣсть.

О, это не обманъ, не сладостныя грезы, —
Дождемся ранѣе дряхлѣющихъ сѣдинъ,
Когда съ улыбкою, стряхнувъ былыя слезы,
Насъ встрѣтитъ за трудомъ свободный гражданинъ!..

XXXII.

Н. М. Сулейкинъ.

„На роду суждено мнѣ на фабрикѣ жить,
Вѣкъ подъ гнетомъ томиться и маяться"...

Такъ поетъ стихотворецъ-самоучка Николай Михайловичъ Сулейкинъ, человѣкъ, воспитанный въ народной средѣ и живущій исключительно интересами рабочей массы.

Родился онъ въ бѣдной крестьянской семьѣ, 3-го декабря 1870 года, въ деревнѣ Рогожино (оноже Колоколово) Ярычинской волости, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи.

Родители Сулейкина вскорѣ послѣ его рожденія выдѣлились изъ семьи, получивъ въ надѣлъ всего только „одну душу“ земли, а потому до постройки своей избы временно пріютились у бабушки Екатерины (по матери), дѣти которой, т. е. братья матери Сулейкина, люди въ высшей степени добрые, помогали имъ обзавестись домкомъ и хозяйствомъ. Отецъ каждое лѣто уѣзжалъ въ Петербургъ на заработки, а мать обрабатывала землю.

Читать Сулейкинъ выучился у николаевскаго солдата Ивана Тарарушки, а потомъ уже въ 1880 году, поступилъ учиться во вновь открытую церковно-приходскую школу, которую въ маѣ 1883 года и кончилъ. Великимъ постомъ 1884 года Сулейкинъ упросилъ отца взять его съ собой въ Петербургъ, куда тотъ собирался на заработки. Отецъ уступилъ просьбамъ и согласился.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Сулейкинъ временно поступила на фабрику барона Штиглицъ „шнурочникомъ“ на прядильныя машины, но проработалъ тамъ всего только полтора мѣсяца, т. к. дядя его, Ѳедоръ Егоровичъ Сулейкинъ, взялъ его къ себѣ на фабрику Торнтона, опредѣливъ на „строгальные станки“. Устроившись на новомъ мѣстѣ, Сулейкинъ усердно принялся за дѣло, но, къ несчастью, скоро заболѣлъ дезинтеріей и слегъ въ фабричную больницу, гдѣ и пролежалъ около двухъ мѣсяцевъ, настолько ослабнувъ, что доктора совѣтовали ему ѣхать на поправку въ деревню, т. к., помимо дезинтеріи, онъ простудился въ дорогѣ, да и къ тому-же весенній петербургскій климатъ разрушительно дѣйствовалъ на его здоровье.

Въ деревню собралась ѣхать и его тетка Акулина, которая и захватила съ собой племянника. Въ деревнѣ Сулейкинъ проболѣлъ еще около года, а, когда поправился, уже не захотѣлъ больше ѣхать въ городъ и сталъ работать дома, занимаясь крестьянствомъ до отбыванія воинской повинности, т. е. до 1-го ноября 1891 года.

3-го ноября, онъ былъ принятъ на военную службу и зачисленъ въ писарскіе ученики при управленіи сычевскаго уѣзднаго воинскаго начальника.

Осенью 1892 года, по выдержаніи имъ экзамена на званіе военнаго писаря, его назначили на Кавказъ. 4-го октября того-же года онъ и былъ отправленъ въ Тифлисъ въ распоряженіе окружного Штаба кавказскаго военнаго округа.

Служа въ Штабѣ, Сулейкинъ увлекся чтеніемъ и сталъ писать стихи, записывая ихъ въ тетрадь. Много помогъ ему въ этомъ дѣлѣ совѣтами и указаніями офицеръ С. А. Гриневскій, который заинтересовался занятіями Сулейкина и любилъ съ нимъ бесѣдовать.

Частенько Сулейкинъ бывалъ и на квартирѣ у С. А. Гриневскаго, который очень ласково принималъ начинающаго поэта.

По отбытіи срока воинской повинности, а именно 20-го декабря 1895 года, Сулейкинъ наканунѣ своего отъѣзда заходилъ на квартиру къ С. А. Гриневскому попрощаться и передалъ ему свое послѣднее стихотвореніе для него-же написанное въ Штабѣ. С. А. Гриневскій далъ Сулейкину рекомендательныя письма къ своимъ братьямъ Сигизмунду и Георгію Александровичамъ.

По возвращеніи съ военной службы, Сулейкинъ рѣшилъ распроститься съ родной деревней, такъ какъ тамъ изъ-за безземелья нечего дѣлать. И черезъ посредство братьевъ С. А. Гриневскаго онъ 11-го марта 1896 года поступилъ на фабрику

Товарищества Высоковской Мануфактуры въ городѣ Клину, Московской губ., приказчикомъ по двору фабрики, на жалованье по 20 руб. въ мѣсяцъ.

Спустя полтора года, а именно 5-го октября 1898 года, Сулейкина повысили по должности — перевели старшимъ приказчикомъ въ матеріальный магазинъ.

Въ 1902 году онъ познакомился съ пользующимся широкой извѣстностью маститымъ поэтомъ-крестьяниномъ С. Д. Дрожжинымъ, а также и съ покойнымъ профессоромъ А. И. Кирпичниковымъ; какъ первый, такъ и второй очень много помогали ему въ литературѣ. Только благодаря ихъ участію его стихи и стали годны для печати. Сулейкинъ ихъ обоихъ считаетъ своими наставниками и учителями.

Печататься Сулейкинъ сталъ съ 1904 года; первое его стихотвореніе „На смерть Чехова“ было напечатано въ сентябрьской книжкѣ „Русской Мысли“. Съ этого времени стихотворенія Сулейкина стали появляться въ журналахъ „Дружескія Рѣчи“, „Солнышко“, „Другъ Дѣтей“, „Пчелка“, „Объединеніе“, „Семья Охотниковъ“, „Колосъ“, „Новый Колосъ“, въ „Народной Газетѣ“, „Тверской Газетѣ“, „Ревельскихъ Извѣстіяхъ“ и другихъ.

Сулейкинъ и теперь все еще продолжаетъ служить на фабрикѣ Высоковской Мануфактуры въ должности „матеріальщика“, то-есть завѣдующаго матеріалами, идущими для машинъ ткацкой и прядильной фабрики.

Въ 1909 году стихотворенія Сулейкина были имъ изданы въ Твери двумя брошурками „Эхо жизни“ и „На родныхъ поляхъ“, а въ 1914 году вышла третья брошурка его стиховъ „Колосья“, изд. Суриковскимъ литерат.-музык. кружкомъ.

Волга.

Вотъ опять предо мной Волга ярко блеститъ,
Серебристой парчей разстилается!
Вотъ волна за волной безконечно бѣжитъ,
Плавно въ берегъ крутой ударяется.
На крутыхъ берегахъ зеленѣютъ лѣса,
Вѣтеркомъ ароматъ ихъ разносится;
На отлогихъ лугахъ серебрится роса,
А душа въ тѣ луга такъ и просится!

Въ звѣздную ночь.

Средь поля, покрытаго снѣгомъ,
Стою я въ морозную ночь;
Заботы, житейскія думы
Отбросилъ далеко я прочь.

Какъ скатертью бѣлой покрыта
Родная моя сторона.
Сребрится сосѣдняя роща,
Какъ будто къ вѣнцу убрана.

А звѣздное небо какое! —
Лампадами ярко горитъ...
Луна золотая на небѣ
На землю, любуясь, глядитъ.

Красивы картины вселенной!..
Всѣ тайны ея не узнать...
И глазъ не могу, умиленный,
Отъ звѣздъ золотыхъ оторвать!

XXXIII.

В. І. Дмитріева.

Въ то время, какъ имена талантливыхъ писателей-самородковъ на страницахъ исторіи нашей литературы слѣдуютъ почти безпрерывно, писательницъ-самоучекъ мы встрѣчаемъ сравнительно мало. Весьма возможно, что это происходитъ отчасти по при-

чинѣ еще болѣе неблагопріятныхъ условій жизни семейной и общественной, въ которыхъ находилась женщина почти до половины прошлаго столѣтія. Если юношѣ путь къ самообразованію былъ доступенъ съ такими трудностями, о которыхъ читатель уже знакомъ по предыдущимъ біографіямъ, то для женщины онъ былъ еще болѣе тяжелъ во всѣхъ отношеніяхъ. Образованіе для дѣвушекъ у насъ считалось долгое время совершенно лишнимъ, и ограниченія въ этомъ отношеніи для нихъ еще строже примѣнялись въ семейномъ быту.

Ввиду этого имена немногихъ женщинъ, которыя все-же выбились на дорогу на поприщѣ самообразованія, заслуживаютъ большого уваженія.

Вотъ что извѣстно о жизни одной изъ такихъ женщинъ-самоучекъ — Валентины Іововны Дмитріевой. Судьба этой народной писательницы сложилась довольно удачно: она имѣла возможность получить образованіе, и талантъ ея вылился въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ литературныхъ произведеній.

Родилась Дмитріева 28 апрѣля 1859 года въ крестьянской семьѣ, въ Воронежской слободѣ, Саратовской губерніи, Балашевскаго уѣзда. Рано удалось ей выучиться грамотѣ, и будущая писательница стала зачитываться попадавшимися ей книгами, пытаясь сама сочинять стихи и разсказы въ подражаніе особенно ей нравившемуся А. С. Пушкину.

Дмитріева самоучкой подготовилась къ экзаменамъ въ гимназію. Мечта ея осуществилась, — экзаменъ успѣшно сданъ, и она поступила въ число ученицъ женской гимназіи въ Тамбовѣ.

По окончаніи курса, Дмитріева снова вернулась въ деревню и заняла мѣсто сельской учительницы. Однако непріятности по службѣ вскорѣ заставили ее покинуть школу и уѣхать въ Петербургъ, гдѣ она и поступила на женскіе врачебные курсы.

Приблизительно къ этому времени относится и выступленіе Дмитріевой, какъ писательницы.

Съ 1880 года она написала много романовъ, повѣстей и разсказовъ, начавъ свою дѣятельность разсказами въ саратовскихъ газетахъ. Первый ея разсказъ „По душѣ, да не по разуму“ былъ замѣченъ критикой и имѣлъ успѣхъ.

Въ дальнѣйшемъ талантъ Дмитріевой постепенно окрѣпъ и развился. Ея произведенія охотно принимались въ такіе журналы, какъ „Русское Богатство“, „Русская Мысль“, „Вѣстникъ Европы“, „Дѣло“, „Сѣверный Вѣстникъ“ и др.

Изъ цѣлаго ряда ея произведеній заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующіе: „Ахметкина жена“, „Отъ совѣсти“, „Въ разныя стороны“, „Злая воля“, „Тюрьма“, „Своимъ судомъ“, „Доброволецъ“, „Въ тихомъ омутѣ“, „Подъ солнцемъ юга“.

В. І. Дмитріева замѣчательна еще тѣмъ, что она — первая русская писательница, вышедшая изъ простого народа, что и сказалось въ основательномъ и правдивомъ изображеніи ею крестьянской жизни. Романы и повѣсти ея просты по замыслу и замѣчательны по живости содержанія.

Оглавленіе.

Стр.

Вмѣсто предисловія — А. А. Коринфскаго . . . V
Отъ составителя XI
Біографіи и ихъ значеніе XIV
О самообразованіи. XVI

Русскіе дѣятели:

Стр.

I. Патріархъ Никонъ . . 3
II. И. Т. Посошковъ . . . 7
III. Кузнецъ Демидычъ . 10
IV. М. В. Ломоносовъ . . 16
V. И. П. Кулибинъ 19
VI. Т. И. Волосковъ. . . . 24
VII. Ѳ. А. Семеновъ 25
VIII. П. А. Зарубинъ 35
IX. В. В. Татариновъ . . . 37
X. И. А. Милютинъ 38
XI. А. В. Смородинъ . . . 41

Артисты, художники и композиторы:

I. М. С. Щепкинъ 45
II. М. Т. Ивановъ-Козельскій 53
III. Ѳ. И. Шаляпинъ . . . 55
IV. А. Д. Вяльцева 58
V. М. Л. Кропивницкій . 61
VI. И. К. Тобилевичъ . . . 65
VII. А. В. Ступинъ 68
VIII. В. М. Максимовъ . . . 73
IX. Л. В. Поповъ 78
X. Л. А. Сѣряковъ 79
XI. А. Д. Даниловъ 82

Писатели-прозаики и поэты:

I. Г. С. Сковорода . . . 85
II. Ф. Н. Слѣпушкинъ . 90
III. А. В. Кольцовъ . . . 94
IV. Т. Г. Шевченко . . . 100
V. Н. С. Цыгановъ . . . 104
VI. И. С. Никитинъ . . . 108
VII. И. З. Суриковъ . . . 111
VIII. С. Д. Дрожжинъ . . 118
IX. А. Е. Раззореновъ . 125
X. С. Я. Деруновъ . . . 129
XI. А. И. Левитовъ . . . 131
XII. В. К. Влазневъ . . . 135
XIII. Ѳ. М. Рѣшетниковъ 137
XIV. А. Ѳ. Ивановъ-Класикъ 141
XV. Я. Е. Егоровъ 143
XVI. И. Д. Родіоновъ . . . 148
XVII. М. А. Козыревъ . . . 150
XVIII. В. И. Ивановъ-Савихинъ 152
XIX. Н. А. Пановъ. . . . 154
XX. К. М. Фофановъ . . 163
XXI. Н. А. Лазаревъ-Темный 172
XXII. Максимъ Горькій (А. М. Пѣшковъ) . 173
XXIII. Скиталецъ (С. Г. Петровъ) 177
XXIV. С. Т. Семеновъ. . . 179
XXV. И. А. Бѣлоусовъ . 181
XXVI. М. Л. Леоновъ . . . 185
XXVII. Ф. С. Шкулевъ . . 192
XXVIII. Е. Е. Нечаевъ . . . 198
XXIX. И. И. Морозовъ . . 201
XXX. Михаилъ Тихоплесецъ 209
XXXI. Ѳ. Т. Гавриловъ . . 212
XXXII. Н. М. Сулейкинъ . 215
XXXIII. В. І. Дмитріева . . 219

Важнѣйшія опечатки.

Стр. 24 —	7	стр.	сверху	напечатано Кулибинимъ, слѣдуетъ: Кулибинымъ
„ 27 —	8	„	„	„ стараясь — старался
„ 29 —	6	„	снизу	„ математекою — математикою
„ 30 —	20	„	сверху	„ всѣли — всѣми
„ 37 —	2	„	„	„ соврешеннаго — современнаго
„ 40 —	8	„	снизу	„ то громадное—громадное
„ 41 —	9	„	„	„ возроста — возраста
„ 42 —	8	„	сверху	„ въ Лопецкѣ — въ Лопецкое
„ 42 —	11	„	„	„ въ которой — въ которомъ
„ 44 —	3	„	„	„ во дворѣ — во дворцѣ
„ 48 —	22	„	„	„ сказалъ — приказалъ
„ 81 —	26	„	„	„ Изъ работъ — Изъ дальнѣйшихъ работъ
„ 82 —	19	„	„	„ основатели — основателя
„ 85 —	3	„	„	„ Кіевскомъ—въ Кіевскомъ
„ 104 —	5	„	снизу	„ училищѣ — училище
„ 115 —	18	„	сверху	„ Въ блѣскѣ -- Въ блескѣ
„ 135 —	12	„	„	„ губерній — губерніи
„ 137 —	7	„	„	„ писатель-самоучка — писатель
„ 141 —	13	„	снизу	„ лирикъ-самоучка — лирикъ
„ 145 —	14	„	сверху	„ содрудничество — сотрудничество
„ 155 —	19	„	„	„ обятанъ — обязанъ
„ 156 —	8	„	снизу	„ годъ — годовъ
„ 175 —	9	„	сверху	„ Вернусшись — Вернувшись
„ 193 —	6	„	снизу	„ И велѣлъ — велѣлъ
„ 206 —	16	„	сверху	„ но — по
„ 211 —	3	„	снизу	„ „Звень“ — „Звенья“
„ 216 —	15	„	„	„ поступила — поступилъ
„ 218 —	4	„	„	„ брошурками — брошюрками

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Russkie samorodki : zhizneopisa
920.047 V334R
D903938391